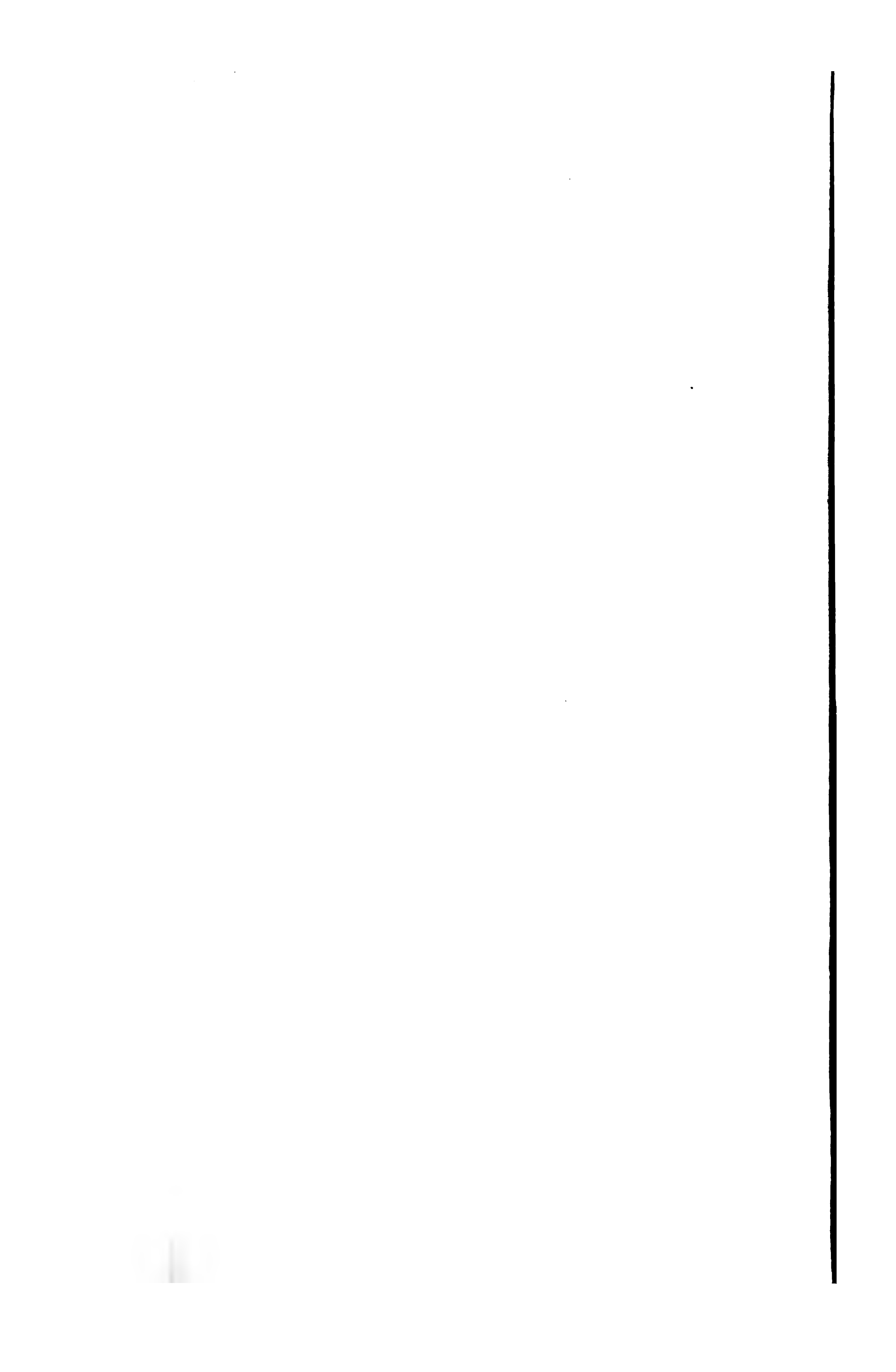
UC-NRLF
$B 181 328



John Henry Mackay

Джонъ-Генри Маккей.

Anarkhisty

Анархисты

КАРТИНЫ НРАВОВЪ КОНЦА XIX ВѢКА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ИЗДАНІЕ С. Е. КОРЕНЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

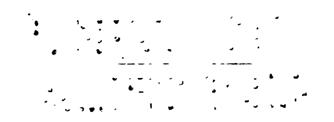
Типографія В. Я. Мильштейна. Выб. стор. Нижегородская, 14.

1906.

Джонъ-Генри Маккей.

АНАРХИСТЫ

КАРТИНЫ НРАВОВЪ КОНЦА XIX ВѢКА



ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ИЗДАНІЕ С. Е. КОРЕНЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Я. Мильштейна. Выб. стор. Нижегородская, 14.

1906.

Джонъ-Генри Маккей.

Краткая біографія.

Авторъ *Анархистовъ* родился 6 февраля 1864 г. въ Гринокѣ въ Шотландіи, но съ самаго ранняго дѣтства онъ жилъ въ Германіи и тамъ получилъ образованіе. Послѣ неудачной попытки слѣдовать по другой дорогѣ, нежели та для которой онъ готовился, онъ изучалъ философію, исторію искусства и литературы въ Кильскомъ, Берлинскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, печатая въ тоже время свои первыя произведенія; въ началѣ 1887 года онъ выпустилъ поэму *Kinder des Hochlands*, за нею еще одну трагедію, сборникъ стихотвореній подъ названіемъ *Dichtungen*, сборникъ разсказовъ—*Schatten* и соціальную поэму: *Arma parata fero*, эта послѣдняя поэма была тотчасъ же запрещена въ Германіи на основаніи закона о соціалистахъ.

Въ 1887 году Маккей отправился въ Лондонъ; онъ уже нѣсколько разъ предпринималъ долгія путешествія заграницу и въ теченіи пяти послѣдующихъ лѣтъ жилъ въ Германіи очень короткое время. Въ 1887 году онъ написалъ *Moderne Stoffe*—сборникъ новеллъ изъ берлинской жизни, *Helene*, поэму появившуюся безъ имени автора, второй томъ стихотвореній—*Fortgang*; осенью этого же года онъ изучалъ соціалистическое движеніе и написалъ еще томикъ стихотвореній—*Sturm*, произведшій большое впечатлѣніе; наконецъ у него зародился планъ романа *Анархисты*, для выпол-

ненія котораго онъ отправился искать уединенія и покоя въ Швейцаріи.

Послѣ долгихъ и серьезныхъ изслѣдованій первоначальный планъ былъ значительно измѣненъ и романъ былъ оконченъ только черезъ три года, именно въ 1891 году въ Римѣ. Въ этотъ промежутокъ времени авторъ много путешествовалъ, кромѣ того издалъ вторично *Sturm* прибавивъ двѣнадцать новыхъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Das starke Jahr.*

Въ 1892 году Маккей вернулся въ Берлинъ побуждаемый главнымъ образомъ желаніемъ закончить свои изслѣдованія о Максѣ Штирнерѣ и съ этого времени онъ поселился въ Берлинѣ. Помимо біографіи Макса Штирнера во время пребыванія въ Берлинѣ онъ издалъ три сборника новеллъ: *Die Menschen des Ehe*, *Die letzte Pflicht*, *Albert Schnell's Untergang* и четвертый томъ стихотвореній озаглавленной— *Wiedergeburt*. Послѣднимъ трудомъ Маккея является—*Der Schwimmer*- Нужно еще отмѣтить, что съ 1891 года въ Бер. линѣ по мысли Маккея выходитъ интересное изданіе подъ названіемъ *Freunde und Gefahrten*, гдѣ печатаются лучшія поэтическія произведенія; это изданіе выходитъ листками цѣною въ 1 пфеннигъ и такимъ образомъ даже бѣдняки могутъ пріобрѣтать ихъ.

Романъ *Анархисты* появился въ 1891 году на нѣмецкомъ языкѣ и былъ переизданъ въ 1895 г. Теперь онъ является въ окончательномъ видѣ. Онъ переведенъ на англійскій, французскій, голландскій и чешскій языки.

Анархисты.

I.

Въ сердцѣ города.

Нашъ разсказъ начинается въ одну изъ субботъ 1887 года, того года который, благодаря безсмысленнымъ празднествамъ устроеннымъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ въ честь пятидесятилѣтія царствованія женщины, называвшейся Королевой Великобританіи, Ирландіи и Императрицей Индіи—былъ названъ „*Jubilee Year*“ (Юбилейный годъ).

Смеркалось, было холодно и сыро; одинокій пѣшеходъ шелъ отъ станціи Ватерлоо, направляясь повидимому къ мосту Чарингъ Кроссъ, черезъ лабиринтъ узкихъ и почти пустынныхъ улицъ. Поднявшись по деревянной лѣстницѣ ведущей на пѣшеходный мостикъ около рельсовъ желѣзной дороги, съ усталыхъ видомъ человѣка совершившаго длинный переходъ, онъ вошелъ въ одну изъ полукруглыхъ нишъ находящихся по обѣ стороны мостика и нѣкоторое время стоялъ неподвижно спиною къ прохожимъ. Онъ остановился не столько потому, что усталъ, сколько потому что привыкъ обыкновенно оставаться въ этомъ мѣстѣ; хотя онъ жилъ въ столицѣ Англіи уже три года, однако ему рѣдко приходилось бывать по эту сторону рѣки и, переходя черезъ Темзу, онъ всегда любовался величественной картиной громаднаго города.

Было еще достаточно свѣтло и онъ могъ различить темныя массы торговыхъ складовъ тянущихся по правому берегу до моста Ватерлоо и вереницу торговыхъ пароходовъ выдѣлявшихся на болѣе свѣтломъ фонѣ рѣки; однако уже со всѣхъ сторонъ хаосъ безчисленныхъ зданій этого огромнаго города начиналъ освѣщаться тысячами огней. Вдали фонари Ватерлооскаго моста тянулись двумя свѣтящимися паралельными линіями, отражаясь тамъ и сямъ въ черныхъ волнахъ рѣки, а на лѣвомъ берегу тысячи свѣтящихся точекъ и огней расположенныхъ одни надъ другими тянулись вдоль набережныхъ и улицъ ведущихъ къ Странду. Незнакомецъ то машинально слѣдилъ за фонарями кэбовъ переѣзжавшихъ черезъ мостъ, то начиналъ смотрѣть внизъ, гдѣ Темза почти безшумно катила свои тяжелыя мутныя волны, то прислушивался къ грохоту поѣздовъ на вокзалѣ Чарингъ-Кроссъ, наконецъ, когда онъ повернулся чтобы продолжать свой путь, то сначала былъ ослѣпленъ потоками электрическаго свѣта, лившагося изъ громаднаго стекляннаго навѣса вокзала, который какъ днемъ такъ и ночью представляетъ картину самой оживленной дѣятельности. Нашъ одинокій пѣшеходъ медленно пошелъ дальше, думая о своей родинѣ Парижѣ; какая разница между широкими веселыми берегами Сены и этими грудами каменныхъ построекъ, которыя при самомъ яркомъ свѣтѣ не теряютъ своего угрюмаго вида. Однако если ему страстно хотѣлось увидѣть вновь Парижъ, гдѣ протекло его дѣтство и юность, то съ другой стороны онъ и Лондонъ тоже любилъ со страстью. Лондонъ, это одинъ изъ тѣхъ городовъ, къ которымъ не относятся равнодушно: или ихъ ненавидятъ или ихъ любятъ, но съ одинаковой страстностью.

Онъ снова остановился.

Громадный вокзалъ былъ освѣщенъ такъ ярко, что можно было видѣть какой часъ пока-

зывали часы находившіеся на противоположномъ его концѣ: былъ восьмой часъ вечера и движеніе на пѣшеходномъ мостикѣ сдѣлалось такимъ оживленнымъ, что можно было подумать, что какое то непреодолимое теченіе гнало людей съ одного берега на другой. Казалось что нашъ прохожій не могъ оторвать глазъ отъ этой оживленной картины; онъ попытался разсмотрѣть Вестминстерское аббатство, но черезъ густую сѣть телеграфныхъ столбовъ и вагоновъ онъ могъ только разглядѣть большіе часы на башнѣ зданія парламента и неясныя очертанія высившихся вдали домовъ, и безчисленные огни уличныхъ фонарей, кэбовъ, освѣщенныхъ оконъ... Посмотрѣвъ внизъ на рѣку, онъ увидѣлъ поѣзда городской желѣзной дороги быстро мелькавшіе одинъ за другимъ, ярко освѣщенную набережную Викторіи, иглу Клеопатры рѣзко вырисовывавшуюся на ночномъ небѣ; до него донесшись пѣсни смѣхъ и крики мущинъ и женщинъ которые по вечерамъ всегда спятъ на скамейкахъ набережной. „*Do not forget me... Do not forget me...*“ повторяли крикливые нестройные голоса, *Do not forget me* (Не забудь меня) только и распѣвали всюду въ юбилейный годъ.

Кто посмотрѣлъ бы въ эту минуту на нашего прохожаго поразился бы жесткимъ выраженіемъ его лица. Онъ вдругъ сталъ совершенно равнодушенъ къ тому, что происходило вокругъ него, видъ этой набережной возбудилъ въ немъ иную мысль: сколько человѣческихъ жизней должно было быть безжалостно погублено для того чтобы выполнить эту циклопическую работу? Онъ мысленно высчитывалъ всю сумму этого терпѣливаго дурно оплачиваемаго и давно позабытаго труда, благодаря которому явились всѣ эти колоссальныя сооруженія скученныя на такомъ маломъ пространствѣ. Потъ и кровь не оставили видимыхъ слѣдовъ и на грудѣ труповъ никому неизвѣстныхъ людей высится гордая слава одного человѣка...

Каррар Обанъ продолжалъ свой путь, но движенія его сдѣлались нервными, какъ будто эта мысль неотвязно преслѣдовала его. Опустивъ голову прошелъ онъ мимо каменныхъ арокъ оставшихся отъ стараго висячаго Хунгерфордскаго моста; онъ шелъ погруженный въ размышленія, которымъ посвящена была вся ею молодость; онъ думалъ о важности того общественнаго движенія, которое появилось во второй половинѣ нашего вѣка. Внести свѣтъ туда, гдѣ еще царствуетъ тьма, въ эти угнетенныя массы, страданія и медленная агонія которыхъ, дадутъ жизнь другимъ...

Когда Обанъ спустился съ моста и дошенъ до Вилльерсъ-Стритъ, этой странной узенькой улицы ведущей отъ Странда къ станціи городской желѣзной дороги, то онъ невольно заинтересовался той кипучей жизнью въ которую онъ попалъ сразу. На каждомъ шагу вниманіе его было чѣмъ нибудь привлекаемо; тутъ одни спѣшили къ желѣзной дорогѣ, другіе спѣшили къ Странду; вотъ публичная женщина оживленно споритъ *о цѣнѣ* съ изящно одѣтымъ господиномъ въ цилиндрѣ, вотъ толпа голодныхъ дѣтей внимательно слѣдитъ за всѣми движеніями итальянца продавца вафель.., Обанъ умѣлъ быстро схватывать всѣ безчисленныя подробности уличной жизни; онъ съ одинаковымъ интересомъ наблюдалъ и за оборванннымъ мальчуганомъ, кувыркавшимся передъ нимъ, чтобы получить пенни и за продавцомъ газетъ совавшимъ ему въ руку номеръ „*Matrimonial News*“, газеты необходимой для всѣхъ желающихъ вступить въ бракъ...; однако продавецъ газетъ, не получая никакого отвѣта побѣжалъ предлагать газеты другимъ.

Обанъ продолжалъ идти своимъ обычнымъ шагомъ; онъ слишкомъ привыкъ къ этой толчеѣ и не испытывалъ никакого непріятнаго чувства; сколько часовъ уже посвятилъ онъ изученію этого общества, никогда не испытывая ни усталости ни

отвращенія. Чѣмъ больше онъ изучалъ разнообразные слои общества, спускаясь до самыхъ подонковъ, тѣмъ болѣе возрастало въ немъ удивленіе передъ этимъ городомъ неимѣющимъ равныхъ себѣ въ мірѣ. Въ послѣднее время‘ это чувство въ особенности укрѣпилось въ немъ. Карраръ Обанъ слишкомъ многое видѣлъ въ Лондонѣ и ему хотѣлось видѣть еще больше. Подчиняясь этому желанію онъ и вышелъ сегодня съ цѣлью идти, идти, идти въ теченіи цѣлыхъ часовъ черезъ кварталы Кеннингтонъ и Ламбетъ, гдѣ ютится самая ужасная нищета. Онъ возвращался теперь оттуда потрясенный озлобленный, измученный и умъ совсѣмъ не расположенный долго задерживаться на блестящемъ Страндѣ.

Проходя мимо туннеля ведущаго къ Нортумберлэндъ-авеню подъ вокзаломъ Чарингъ-Кроссъ, Карраръ Обанъ услышалъ рѣзкіе и нестройные звуки аккордеона; подойдя ближе къ толпѣ, откуда неслись эти звуки, онъ увидѣлъ ребенка въ лохмотьяхъ съ лицомъ вымазаннымъ сажей, который съ усталымъ видомъ приплясывалъ подъ звуки инструмента; кто не видѣлъ этихъ псевдо-негровъ на всѣхъ перекресткахъ Лондона? Обанъ пробрался впередъ: ему хотѣлось уловить выраженіе лица этихъ уличныхъ артистовъ онъ увидѣлъ на ихъ лицахъ выраженіе полнѣйшаго равнодушія, къ которому примѣшивалось быть можетъ нѣкоторое нетерпѣніе.

„Бѣдняжки, конечно должны прокармливать всю семью“, подумалъ Обанъ.

Зѣваки уже расходились и дѣти собирались давать свое представленіе немного подальше, когда появился полисменъ—эта гроза лондонскихъ бѣдняковъ, и заставилъ дѣтей прекратить представленіе. Карраръ Обанъ вошелъ въ туннель; мостовая была покрыта нечистотами и удушливыя испаренія стояли въ этомъ подземномъ проходѣ. Въ

туннелѣ было почти пусто; только тамъ и сямъ вдоль стѣнъ скользили безшумно одинокіе прохожіе. Обанъ зналъ, что въ холодныя, дождливыя осеннія ночи этотъ проходъ, равно какъ и сотни другихъ существующихъ въ Лондонѣ бываютъ биткомъ набиты несчастными, которыхъ „рука правосудія“ можетъ всегда привлечь къ отвѣту; эти отверженцы общества грязные, въ лохмотьяхъ, покрытые струпьями проводятъ здѣсь ночи... Поднимаясь по лѣстницѣ ведущей къ выходу изъ туннеля, Обанъ вдругъ вспомнилъ одинъ случай бывшій съ нимъ годъ тому назадъ, но который тѣмъ не менѣе ярко всталъ въ его воображеніи. Онъ остановился и обернулся для того, чтобы полнѣе вызвать въ своей памяти тяжелое ощущеніе, которое онъ испыталъ тогда.

Это случилось въ одну холодную ночь около двѣнаоцати часовъ, когда дымъ и туманъ непроницаемымъ покровомъ окутывали городъ; Обанъ пришелъ сюда для того, чтобы дать нѣсколькимъ изъ этихъ несчастныхъ немного денегъ для уплаты за входъ въ *lodging-house* (ночлежный домъ). Когда онъ спустился съ лѣстницы, то передъ нимъ вдругъ появилась такая фигура, которой онъ, кажется никогда не забудетъ; это была женщина съ худымъ изможденнымъ лицомъ покрытымъ кровавыми подтеками. Она прижимала къ своей груди маленькаго ребенка, а за руку вела дѣвочку лѣтъ четырнадцати; мальчуганъ лѣтъ трехъ цѣплялся сзади за юбку этого жалкаго созданія, „Два шиллинга, джентльменъ; только два шиллинга.—бормотала она, когда Обанъ остановился передъ, ней, чтобы спросить, что ей нужно.

Въ тоже время она толкала къ нему дѣвочку, которая сопротивлялась и плакала. У Обана морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда женщина продолжала: „Возьмите ее джентльменъ, возьмите ее... Если вы не возьмете ее, то намъ опять придется

провести ночь на улицѣ. Только два шиллинга, а она очень недурна"...

Обана охватилъ ужасъ и онъ невольно отвернулся, не будучи въ силахъ произнести ни одного слова. Онъ вовсе не намѣревался уходить, но женщинѣ это показалось и она бросилась передъ нимъ на землю и цѣпляясь за его одежду отчаянно кричала: „Не уходите, не уходите, джентльменъ. Если вы ее не возьмете мы всѣ умремъ съ голоду... здѣсь никто не проходитъ, а на Страндъ мы не можемъ идти... Возьмите ее.., возьмите ее!!"

Обанъ осмотрѣлся кругомъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлается, но женщина видѣла это движеніе; она быстро поднялась.

„О, не зовите полисмена", поспѣшно сказала она голосомъ полнымъ отчаянія, „Не зовите полисмена".

Обанъ далъ ей всѣ деньги, какія у него были при себѣ; тогда несчастная радостно вскрикнула и снова стала толкать къ нему свою дочь говоря:

„Она пойдетъ съ вами, джентльменъ" и понизивъ голосъ прибавила: „И она будетъ дѣлать все, что вы захотите"...

Обанъ выбрался изъ туннеля насколько возможно скорѣе, съ трудомъ пробираясь черезъ толпу пьяныхъ и шагая черезъ спящихъ. Никто не замѣтилъ этого происшествія.

Около недѣли онъ по вечерамъ приходилъ въ этотъ туннель Чарингъ-Кросса и искалъ тамъ и въ сосѣднихъ улицахъ мать и дѣтей, но ни разу ихъ больше не встрѣтилъ; въ глазахъ дѣвочки ему почудился какой то безпокойныя огонекъ, но встрѣча была слишкомъ мимолетна для того, чтобы онъ могъ проникнуть тайну этихъ дѣтскихъ глазъ.

Затѣмъ зрѣлище ужасной нищеты, которое ежедневно видѣлъ Каррaръ Обанъ изгладило изъ его памяти воспоминаніе объ этой сценѣ, которая

смѣшалась съ тысячью подобныхъ; на каждомъ шагу ему встрѣчались дѣвочки тринадцати, четырнадцати лѣтъ, которыя вынуждены бли торговать своимъ хрупкимъ тѣломъ... и его руки безсильно опускались...

Кого онъ долженъ былъ больше жалѣть: матерей или дочерей? Какая безысходная нужда, какой ужасный голодъ, какое безумное отчаяніе должны были толкать и тѣхъ и другихъ на эту дорогу! А какимъ негодованіемъ бываютъ преисполнены женщины лицемѣрной буржуазіи, когда говорятъ объ этихъ „противоестественныхъ матеряхъ“ и „испорченныхъ дѣтяхъ!“ А сами онѣ подъ давленіемъ такой нужды, развѣ не пошли бы по такому же пути?

Жалѣть?.. О эта жалость, жалкая ложь... Нашъ вѣкъ, это одна несправедливось; для Обана самой ужасной несправедливостью является бѣдность. И можетъ быть не слѣдуетъ о ней сожалѣть, потому что она является лучшимъ средствомъ для того, чтобы выяснить, что единственное спасеніе находится въ устраненіи этого преступленія.

— Безумцы,—бормоталъ Обанъ, безумцы. Они не видятъ, куда привели насъ жалость и милосердіе.

И его лицо омрачилось при воспоминаніи о томъ, сколько уже ему пришлось бороться, для того чтобы по мѣрѣ своихъ силъ ускорить наступленіе того дня, когда эта несправедливость будетъ уничтожена. Въ этотъ вечеръ передъ нимъ съ особенною ясностью встала фигура несчастной женщины, онъ вспомнилъ дикій и болѣзненный взглядъ дѣвочки... Онъ вернулся и снова прошелъ черезъ туннель. Прежде нежели направиться къ Странду онъ пошелъ по одной изъ боковыхъ улицъ ведущихъ къ Темзѣ; онъ прекрасно зналъ всѣ эти улицы, переулки, тупики составляющіе до нѣкоторой степени оборотную

сторону этого квартала, хазовымъ концомъ котораго является главная артерія. Вотъ напримѣръ это сѣрое, угрюмое зданіе, ничто иное какъ задняя пристройка театра, фасадъ котораго составляетъ украшеніе Странда, а вотъ этотъ узкій трехъ этажный домъ съ матовыми стеклами въ окнахъ, это одинъ изъ гнуснѣйшихъ вертеповъ, гдѣ по вечерамъ творятся такія гадости, что самое испорченное и распущенное воображеніе съ трудомъ можетъ себѣ ихъ представить. Бѣдныя улицы чередуются съ улицами богатыти до самой церкви Савойа окруженной чахлыми деревцами и до роскошныхъ зданій Тампля, возвышающихся среди прекрасныхъ садовъ. Обану были знакомы всѣ эти улицы, онъ очень хорошо зналъ даже и этотъ пустынный проходъ идущій подъ ними отъ Странда къ набережной.

Въ воздухѣ начинало свѣжѣть и Обанъ почувствовалъ усталость,—онъ вышелъ на Страндъ. Широкая улица соединяющая Вестъ-Эндъ и Сити открылась передъ нимъ; невообразимый шумъ царилъ на ней; массивные омнибусы покрытые объявленіями, легкіе кэбы, красныя повозки съ надписью *Royal Mail* (королевская почта), тяжелые повозки, велосипеды, все это двигалось во всю длину улицы по двумъ противоположнымъ направленіямъ къ церкви св. Павла и къ Чарингъ-Кроссу. Истъ Эндъ — это нищета и трудъ связанные другъ съ другомъ, на нихъ обоихъ тяготѣетъ проклятіе рабства; Сити—это ростовщикъ торгующій трудомъ и получающій его произведенія; Вестъ-Эндъ—это благородный бездѣльникъ наслаждающійся этими произведеніями. Страндъ является одною иаъ самыхъ значительныхъ артерій города, по которой течетъ вся эта кровь обращенная въ металлъ! это соперникъ Оксфордъ-Стритъ, соперникъ старающійся не дать себя опередить. Страндъ—это сердце Лондона. Его имя

извѣстно во всемъ мірѣ; это одна изъ улицъ гдѣ можно встрѣтить людей изъ всѣхъ кварталовъ, изъ всѣхъ классовъ столицы тутъ можно встрѣтить и оборванца и милліонера; на этой улицѣ слышенъ говоръ на всѣхъ языкахъ міра; рестораны сдѣсь содержатся итальянцами; прислуга въ нихъ говоритъ по французски; большая часть проститутокъ нѣмки, пріѣхавшія сюда для того, чтобы накопить денегъ на приданое и кончить жизнь честными матерями семействъ въ странѣ классическихъ Гретхенъ.

На Страндѣ же помѣщаются суды, гдѣ судьи въ длинныхъ плащахъ и напудренныхъ парикахъ производятъ впечатлѣніе актеровъ играющихъ комическую пьесу; за суровыми стѣнами Соммерсетъ-Хеусъ на Страндѣ сосредоточены власти, о существованіи которыхъ и не подозрѣваетъ обыкновенный смертный, на Страндѣ больше театровъ, чѣмъ на какой-бы то ни было другой улицѣ свѣта. Путешественникъ, пріѣзжая съ Чарингъ-Кросса, попадаетъ прежде всего на Страндъ, причемъ первое впечатлѣніе бываетъ всегда невыгоднымъ; на Страндѣ же проводитъ онъ и послѣднія минуты пребыванія въ Лондонѣ.

Обанъ вмѣшался въ густую и оживленную толпу.

Когда онъ очутился въ ярко освѣщенной части улицы передъ театромъ Адельфи, то можно было замѣтить, что онъ слегка прихрамывалъ; когда онъ шелъ скоро, то эта хромота была едва замѣтна, но она увеличивалась, когда онъ замедлялъ, что вынуждало его даже сильнѣе опираться на палку.

Около самаго вокзала движеніе было особенно сильно. и Обанъ остановился на минуту у одной изъ входныхъ дверей. Вильерсъ-Стритъ была запружена продавщицами цвѣтовъ которыя, дрожа отъ холода, сидѣли передъ своими корзинками, при-

ставая къ прохожимъ съ своимъ вѣчнымъ: „*Penny a bunch!*“ („*Пенни букетикъ!*“); одна изъ нихъ осмѣлилась выдти изъ Вильеръ.—Стритъ и Обанъ видѣлъ, какъ полисменъ грубо прогналъ ее. Продавцы газетъ во все горло выкрикивали названія разныхъ изданій, желая поскорѣе ихъ распродать, а затѣмъ отправиться въ „*Gatti's Hungerford Palace*“ смотрѣть на неподражаемаго Чарли Коборна въ „Двухъ прекрасныхъ черныхъ глазахъ“; ихъ крики были-бы невыносимы если-бы не заглушались хриплыми голосами кондукторовъ омнибусовъ и стукомъ колесъ по мостовой.

Каррäръ Обанъ очень спокойно перешелъ черезъ Страндъ, воспользовавшись первымъ перерывомъ въ рядѣ экипажей: видно было что онъ привыкъ къ этой сутолокѣ. Онъ прошелъ церковь св. Мартина, бросилъ разсѣянный взглядъ на пустынный въ это время Трафальгаръ скверъ и пройдя по узкой и темной Гринъ-Стритъ черезъ двѣ-три минуты очутился передъ ярко освѣщеннымъ театромъ „Альгамбра“. Нѣсколько запоздалыхъ посѣтителей старались во что бы то ни стало проникнуть въ театръ, который должно быть былъ биткомъ набитъ; Обанъ прошелъ, даже не взглянувъ на фотографіи танцовщицъ новаго балета *Algeria*, на который весь Лондонъ стремился попасть.

Лейстеръ скверъ былъ погруженъ въ мракъ; нельзя было даже разсмотрѣть статую Шекспира; „*There is not darkness but ignorance*“ (Здѣсь не темнота, но невѣжество“) написано на ней, но кто объ этомъ думалъ?

Сѣверная часть сквера представляла очень оживленную картину; Обанъ долженъ былъ съ трудомъ пробираться черезъ толпу публичныхъ женщинъ француженокъ, которыя кричали хохотали и спорили. Ихъ бросающіеся въ глаза костюмы дурнаго вкуса, ихъ циническія предложе-

нія, ихъ постоянное: „cheri... cheri“ воскресили въ воспоминаніи Обана картину внѣшнихъ Парижскихъ бульваровъ въ полночь.

Здѣсь ему приходилось видѣть самыя печальныя картины нашего цивилизованнаго времени. Передъ Обаномъ шли двѣ молоденькія англичанки; имъ едва ли было шестнадцать лѣтъ! Ихъ бѣлокурые волосы падали на плечи, какъ у дѣтей, но когда онѣ обернулись, то онъ увидѣлъ, что на лицѣ ихъ было написано истощеніе; онъ понялъ, что вѣроятно онѣ ходили такъ взадъ и впередъ цѣлые часы и, что быть можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онѣ ежедневно приходятъ сюда. На ближайшемъ углу одна нѣмка громко разсказывала другой на кельнскомъ нарѣчіи (всѣ нѣмки въ Лондонѣ кричатъ, разговаривая) что вотъ уже три дня, какъ она не ѣла ничего горячаго, а уже сутки, какъ вообще ничего не ѣла: дѣла рѣшительно шли все хуже и хуже. Идя дальше, Обанъ наткнулся на сборище, которое загородило ему дорогу и онъ сдѣлался невольнымъ зрителемъ того, что собрало всѣхъ этихъ зѣвакъ: старуха, продавщица спичекъ бранилась съ публичной женщиной и обѣ старались превзойти другъ друга въ отборныхъ ругательствахъ.

„Вотъ тебѣ! Съѣшь!“ заорала наконецъ старуха и плюнула въ лицо своей соперницѣ. Та немедленно отвѣтила ей тѣмъ-же; одну минуту обѣ стояли неподвижно, не зная къ какому средству еще прибѣгнуть; наконецъ старуха, которая дрожала отъ ярости, сунула въ карманъ коробки со спичками и бросилась на проститутку къ величайшему удовольствію присутствующихъ. Онѣ царапали другъ другу лицо ногтями и, вцѣпившись другъ въ друга повалились въ грязь, не переставая ругаться площадными словами, наконецъ одинъ изъ присутствующихъ рознялъ ихъ и онѣ, подобравъ одна свою изорванную шляпу.

а другая свой сломанный зонтикъ, разошлись въ разныя стороны, зрители тоже разошлись съ громкимъ хохотомъ. Обанъ пошелъ дальше по направленію къ Пиккадилли-Серкесъ.

Развѣ этотъ эпизодъ и множество другихъ ему подобныхъ, не менѣе типичныхъ, не доказывали, какіе прекрасные результаты давала система, по которой народъ держали въ состояніи варварства, разсуждая въ тоже время о „*mob*“ (толпа, чернь) и ея развращенности? Въ будни—кафе-шантаны и залы бокса; по воскресеньямъ молитвы и проповѣди, развѣ это не прекрасныя средства для предупрежденія самаго опаснаго изъ всѣхъ золъ: пробужденія массъ для умственной жизни?

Карраръ Обанъ судорожно сжалъ въ рукѣ свою трость и ударилъ ею о землю.

Лейстеръ - Скверъ, Пиккадили и Реднентъ-Стритъ являются самыми богатыми рынками человѣческаго мяса; нищета столицы въ соединеніи съ нищетою такъ называемыхъ цивилизованныхъ обществъ имѣетъ результатомъ предложеніе зачастую превосходящее даже самый ненасытный спросъ. Съ наступленіемъ ночи до разсвѣта проституція царствуетъ въ сердцѣ громаднаго города и кажется осью, вокругъ которой вращается вся общественная жизнь.

— Какую непринужденность—подумалъ Обанъ выказываютъ люди держащіе въ рукахъ бразды правленія. Если они встрѣчаютъ на своемъ пути какое либо затрудненіе, котораго не могутъ преодолѣть, то они объявляютъ, что это необходимое зло; пауперизмъ? Это необходимое зло... а между тѣмъ нѣтъ зла ни худшаго ни менѣе необходимаго чѣмъ ихъ собственное существованіе. Потому что вѣдь это они производятъ всюду безпорядокъ, желая всѣмъ повелѣвать; они парализуютъ всякій прогрессъ, желая развивать все. Они пишутъ толстыя книги, чтобы неопровержимо до-

казать, что всегда такъ было и всегда такъ будетъ и, для того чтобы не имѣть вида людей сидящихъ сложа руки, они принимаются за „реформы“. И чѣмъ больше они вводятъ реформъ, тѣмъ хуже идутъ дѣла всюду; они это видятъ, но не желаютъ въ этомъ признаться. Признаніе подобнаго рода было бы признаніемъ ихъ безполезности, а въ такихъ вещахъ не сознаются въ эпоху, когда матеріальная беззаботность канула въ вѣчность, когда каждый долженъ стараться быть полезнымъ. Всѣ обкрадываютъ другъ друга съ перваго до послѣдняго,

Обанъ разсмѣялся и въ его смѣхѣ почти не слышно было горечи.

Но этотъ человѣкъ, который зналъ, что справедливость на землѣ всюду и во всемъ является пустымъ словомъ, этотъ человѣкъ, который вѣру въ божественное правосудіе считалъ сознательной ложью со стороны продажныхъ жрецовъ и опаснымъ невѣжествомъ со стороны вѣрующихъ, этотъ человѣкъ, содрогался, думая о проституціи, онъ предчувствовалъ, что съ этой стороны по крайней мѣрѣ справедливость восторжествуетъ, хотя это случится и не такъ скоро.

Чѣмъ является народъ для богача, этотъ народъ, съ которымъ не слѣдуетъ обходиться черезчуръ хорошо, если не хотятъ сдѣлать его черезчуръ требовательнымъ? Считаетъ ли богачъ, что народъ состоитъ изъ людей имѣющихъ тѣ же стремленія и тѣже права какъ и онъ? Какое безумство! Какая безсмыслица!.. Народъ для богатаго ничто иное, какъ машина, рабочій инструментъ, о которомъ надо заботиться настолько, чтобы получить отъ него достаточное количество услугъ. Каррару Обану припомнились слова англійской пѣсни:

Сыновья наши служатъ имъ днемъ, дочери наши служатъ имъ ночью...

Ихъ сыновья?.. По отношенію къ нимъ была одна обязанность—давать имъ работу—да и работу то давали имъ, держа ихъ отъ себя на почтительномъ разстояніи. Работая, они только исполняли свою обязанность, а потому вовсе не нужно было дружески пожимать имъ руку; да наконецъ, эта рука загрубѣла и почернѣла отъ работы, которой не предвидится конца.

Ихъ дочери?.. Но вѣдь для нихъ было честью служить отвлеченіемъ для страстей и пороковъ, болѣе или менѣе постыдвыхъ, которые въ противномъ случаѣ обратились бы противъ дочерей богатыхъ. Ихъ дочери служатъ имъ ночью; это справедливо. Но кто же будучи въ безвыходномъ положеніи, умирая съ голода, устоитъ передъ деньгами? Но на этой то почвѣ и только на этой жертва мститъ за себя, увлекая палача въ своемъ паденіи.

Половая жизнь нашего общества наталкивается на ужасныя болѣзни, о которыхъ никто не можетъ слышать безъ содроганія такъ какъ никто отъ нихъ не застрахованъ. А такъ какъ значительная часть молодежи, болѣе значительная, чѣмъ обыкновенно думаютъ уже заражена, то страшное проклятіе тяготѣетъ уже теперь надъ поколѣніемъ еще нѣ вышедшимъ изъ небытія......

Обанъ поднялъ глаза; толпа молодыхъ людей выходила изъ ресторана Лондонъ-Павильонъ, изъ оконъ котораго лились потоки свѣта на Пиккадилли-Серкёсъ; всѣ они очевидно принадлежали къ „лучшему обществу“, всѣ были одѣты моднымъ портнымъ, но ихъ изящные цилиндры были на боку, а крахмальныя рубашки залиты виски; ихъ тупыя, циничныя лица очень хорошо отражали ихъ жизнь: женщины и лошади,—о другомъ имъ было некогда думать. Нѣкоторые изъ нихъ окружали кокотокъ и глупо хохотали, дѣлая имъ сальныя предложенія; наконецъ, женщинъ, кри-

чавшихъ и отбивавшихся втолкнули въ кареты и вся компанія уѣхала.

Каррар Обанъ осмотрѣлся: тамъ, за Пиккадили былъ цѣлый особый міръ богатства и комфорта, міръ аристократическихъ дворцовъ, клубовъ, роскошныхъ магазиновъ и утонченнаго искусства, міръ праздныхъ людей наслаждающихся жизнью.

Туда то прежде всего ударитъ молнія будущей революціи, иначе не могло быть.

Когда Обанъ переходилъ черезъ улицу, то замѣтилъ старика, который все время расчищалъ дорожку среди уличной грязи, насколько позволяло ему это, непрерывное движеніе экипажей, ожидая скромнаго вознагражденія отъ тѣхъ, кто благодаря его работѣ, могъ перейти на другую сторону, не запачкавшись. Обанъ заинтересовался сколько прохожихъ замѣтятъ бѣдняка: минутъ пять онъ стоялъ прислонившись къ одному изъ фонарей около входа въ ресторанъ *Spier and Pond*; за этотъ промежутокъ времени человѣкъ триста съ удобствомъ перешли улицу, но никто казалось и не подозрѣвалъ о существованіи старика чистильщика.

— Плохи дѣла?—сказалъ Обанъ, подходя къ нему.

— Вотъ все что я наработалъ за три часа, отвѣтилъ старикъ, вынимая изъ кармана четыре мѣдныхъ монеты.

— Даже недостаточно, чтобы заплатить за ночлегъ,—сказалъ Обанъ и уходя, сунулъ въ руку бѣдняку шесть пенсовъ.

Медленно подвигаясь впередъ, Обанъ вышелъ наконецъ изъ освѣщенной и оживленной части города и углубился въ таинственные и темные закоулки Сохо *).

---

*) Бѣдный кварталъ Лондона, населенный по преимуществу эмигрантами. *Пр. пер.*

Около этого же времени человѣкъ лѣтъ сорока направлялся по Дрюри-Лэнъ на Вардуръ Стритъ. По одеждѣ его можно было принять за рабочаго; (одежда лондонскаго рабочаго отличается отъ одежды болѣе зажиточныхъ классовъ только своей простотой) онъ шелъ поспѣшнымъ шагомъ, какъ человѣкъ, который хочетъ скорѣе придти, и вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, что онъ не знаетъ дороги. Убѣдившись повидимому, что сбился съ дороги, прохожій вошелъ въ одинъ изъ безчисленныхъ *public-houses* (питейный домъ) и спросилъ дорогу. Объясненія были очень долгія и подробныя, что показывало, что незнакомецъ очень рѣдко бывалъ въ этихъ мѣстахъ. Выйдя изъ public-house, онъ прошелъ двѣ или три улицы удивительно похожія одна на другую какъ по грязи, такъ и по всему остальному, и вдругъ очутился на одной изъ оживленныхъ улицъ, гдѣ обитатели бѣдныхъ кварталовъ дѣлаютъ по субботамъ закупки на всю недѣлю. Необычайное оживленіе царило на ней. Съ обѣихъ сторонъ вдоль тротуаровъ тянулись телѣжки и лотки; всѣ эти импровизированныя лавки были освѣщены множествомъ керосиновыхъ лампъ и на улицѣ было свѣтлѣе нежели когда-либо въ полдень. Окровавленные куски мяса грудами лежали рядомъ съ зеленью, на веревкахъ протянутыхъ вдоль тротуара болталась обувь всякаго рода; воздухъ былъ пропитанъ удушливымъ и ѣдкимъ дымомъ, всевозможные отбросы покрывали въ изобиліи неровную и грязную мостовую. Надъ всѣмъ этимъ царилъ невообразимый гамъ, среди котораго выдѣлялись выкрикиванія продавцевъ, зазывавшихъ покупателей. Нашъ рабочій могъ двигаться только очень медленно среди всего этого хаоса, поэтому онъ поспѣшилъ пойти вслѣдъ за тяжело нагруженнымъ возомъ, который раздвинулъ эту толпу; такимъ образомъ онъ очутился на пере-

кресткѣ скорѣе нежели думалъ. Тутъ толпа была рѣже и рабочій остановился на нѣсколько секундъ.

Оглядѣвшись кругомъ, онъ къ своему крайнему удивленію замѣтилъ Каррара Обана. Онъ не пошелъ однако сразу на встрѣчу своему другу, присутствіе котораго въ этихъ мѣстахъ и въ этотъ часъ такъ удивило его, но все же хотѣлъ догнать его и перешелъ уже улицу, когда вдругъ ему захотѣлось узнать какая цѣль привела сюда Обана и онъ вмѣшался въ толпу, не переставая наблюдать за своимъ другомъ.

Обанъ стоялъ около группы полупьяныхъ людей, которые терпѣливо дожидазись около *public house*, чтобы кто нибудь предложилъ имъ выпить; Обанъ стоялъ опершись на трость, немного наклонившись впередъ и внимательно всматривался въ толпу, какъ бы надѣясь увидѣть знакомое лицо. Черты лица его были суровы, а впалые глаза глядѣли печально; впалыя, тщательно выбритыя щеки и тонкій носъ придавали его узкому лицу выраженіе неукротимой воли. Его высокая тонкая фигура была закутаны въ плащь темнаго цвѣта. Рабочій наблюдавшій за нимъ подумалъ, что точно такимъ же былъ Обанъ въ Парижѣ лѣтъ семь тому назадъ, когда они впервые увидѣли другъ друга; немножко блѣднѣе, печальнѣе было его лицо, можетъ быть.

Обанъ направился въ его сторону, но повидимому никого и ничего не замѣчалъ и прошелъ бы мимо.... Рабочій окликнулъ его:

— Обанъ!.

Тотъ обернулся, но повидимому еще не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіьхъ.

— Обанъ,—повторилъ рабочій, схватывая его за руку.

— Отто?—сказалъ Карраръ Обанъ своимъ обычнымъ тономъ.

Потомъ онъ продолжалъ тихо, какъ человѣкъ пробуждающійся отъ кошмара:

— Я думалъ о другомъ... обо всей этой неслыханной нищетѣ, объ приводящей въ отчаяніе медленности съ которой наступаетъ разсвѣтъ...

Товарищъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, но Обанъ уже овладѣлъ собою и продолжалъ смѣясь:

— Какимъ это образомъ я вижу тебя въ такой часъ въ Сохо, тебя обитателя Истъ-Энда?

— Я заблудился; гдѣ Оксфордъ-Стритъ? Въ эту сторону?

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ Обанъ, беря его за плечи и поворачивая въ противоположную сторону.—Вотъ слушай: тамъ вонъ, къ сѣверу идетъ Оксфордъ-Стритъ, а въ той сторонѣ откуда ты шелъ, тамъ Дрюри-Лэнъ. ты уже видѣлъ знаменитую улицу охотниковъ на птицъ? Нищета осмѣлилась пробраться сюда, въ эти улицы Вестъ-Энда тянущіеся до Линкенсъ-Иннъ-Эндъ. При подобныхъ условіяхъ къ чему служитъ проведеніе широкихъ и прямыхъ улицъ? Развѣ только къ тому, чтобы легче справляться съ революціями; эту цѣль преслѣдовалъ баронъ Гаусманнъ въ Парижѣ. Я каждую субботу совершаю прогулку въ этомъ квѣрталѣ между Реджентъ-Стритъ, Линкенсъ - Иннъ, Оксфордъ - Стритъ и Страндомъ. О! нищета все растетъ и растетъ... Это совсѣмъ особый міръ и здѣсь можно видѣть вещи столь же поучительныя, какъ и въ Истъ-Эндѣ. Ты бывалъ въ этихъ мѣстахъ?

— Мнѣ кажется, что да. Вѣдь клубъ одно время помѣщался здѣсь?

— Да, но только ближе къ Оксфордъ-Стритъ. Впрочемъ, здѣсь по близости живетъ много нѣмцевъ, въ особенности въ лучшихъ улицахъ по сосѣдству съ Реджентъ-Стритъ.

— Гдѣ нищета особенно велика?

Обанъ подумалъ немного:

— На Дрюри Лэнъ; тамъ есть дворы на Уайльдъ-Стритъ, затѣмъ ужасный хаосъ разрушающихся домовъ, описанный Диккенсомъ въ романѣ *„Лавка древностей“*, затѣмъ улицы идущія паралельно Дрюри-Лэнъ главнымъ образомъ на сѣверѣ; потомъ еще дальше, это уже настоящій адъ.

— Ты знаешь всѣ эти улицы?

— Да, всѣ.

— Но что ты могъ видѣть тамъ такого необычайно ужаснаго? Вѣдь драмы нищеты не разыгрываются на улицѣ?

— Но ты забываешь, что развязка очень часто бываетъ именно на улицѣ.

Разговаривая, они пошли дальше и хотя Обанъ опирался на руку своего друга, однако хромалъ сильнѣе.

— Куда ты идешь, Отто?—спросилъ Обанъ.

— Въ клубъ. Ты не пойдешь ли со мною?

— Я не много усталъ, почти цѣлый день я былъ на той сторонѣ....

Потомъ, подумавъ, что товарищъ можетъ принять это за отговорку, Обанъ поспѣшилъ прибавить:

Но это ничего не значитъ, я пойду, благо я тебя встрѣтилъ. Я не знаю, когда бы попалъ туда, не встрѣть я тебя сегодня. Сколько времени мы не видались?

— Недѣли три.

— Я все больше и больше ухожу въ мою нору; впрочемъ ты это видишь самъ.

— Тебя не видно въ клубахъ!

— Что ты хочешь, чтобы я дѣлалъ въ клубахъ? Слушать, какъ люди часами говорятъ объ одномъ и томъ-же и одно и тоже? Это утомляетъ.

Онъ замѣтилъ, что эти слова непріятно подѣйствовали на его друга, который охотно бы возразилъ ему и прибавилъ:

— Я всегда дома по воскресеньямъ отъ пяти часовъ; почему ты больше не заходишь?

— Потому, что у тебя встрѣчаешь всевозможный народъ! *буржуевъ*, соціалистовъ, журналистовъ, индивидуалистовъ....

—Но, тѣмъ лучше, возразилъ Обанъ, смѣясь,— пренія могутъ только выиграть отъ этого.

— Тебѣ кажется больше всего не нравятся индивидуалисты. Не такъ, ли Отто?

Выраженіе лица Обана измѣнилось; дружеское довѣріе было теперь написано на его лицѣ. Однако его собесѣдникъ повидиму не былъ этимъ тронутъ. Онъ упомянулъ одно имя и улыбка слетѣла съ лица Обана, хотя онъ и оставался спокойнымъ.

— Пятнадцать лѣтъ.... и почему?--сказалъ рабочій котораго звали Отто Труппъ голосомъ полнымъ гнѣва и ненависти,

— Но почему же онъ былъ такъ неостороженъ, что попался? Вѣдь долженъ же онъ былъ знать своихъ враговъ?

— Его продали!

— Напрасно онъ довѣрялся другимъ. Поступать такъ, значитъ идти на вѣрную гибель; онъ это зналъ очень хорошо. Жертва его была безполезна.

— Я думаю, что ты не вполнѣ отдаешь себѣ отчетъ въ томъ насколько велико было его самоотверженіе,—отвѣтилъ раздраженнымъ голосомъ Труппъ.

— Ты очень хорошо знаешь, дорогой Отто, что я ровно ничего не понимаю въ вашихъ жертвахъ и самоотверженіяхъ, Чѣмъ можетъ быть полезна потеря этого лучшаго, быть можетъ самаго искренняго товарища? Ты можешь мнѣ это сказать?

— Она сдѣлаетъ борьбу болѣе ожесточенной, пробудивъ многихъ отъ летаргическаго сна, а намъ внушитъ еще болѣе жгучую ненависть. Благодаря ей, мы возобновили нашу клятву потребовать стократнаго возмездія, когда придетъ день сведенія

счетовъ...—говоря это Труппъ дрожалъ отъ злобы и глаза его сверкали.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ, когда это проклятое общество будетъ сметено съ лица земли, свободное общество будетъ владѣть міромъ!

Обанъ съ грустью посмотрѣлъ на своего друга: онъ зналъ, что Труппъ всѣми силами души желаетъ наступленія «великой» «послѣдней» революціи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они точно также шагали по бульварамъ Парижа опьяненные громкими фразами и химерическими надеждами; съ тѣхъ поръ Обанъ потерялъ всѣ свои иллюзіи и все болѣе и болѣе уходилъ въ себя вѣря что только здравый смыслъ приведетъ людей въ концѣ концовъ къ тому, чтобы заниматься только своей судьбой, вмѣсто того, чтобы заниматься судьбою другихъ. Между тѣмъ его другомъ все болѣе и болѣе овладѣвало фанатическое стремленіе къ неуловимому миражу золотого вѣка.

— Пятнадцать лѣтъ—снова повторилъ Труппъ сверкая глазами,—многое можетъ случиться за пятнадцать лѣтъ...

На этотъ разъ Обанъ промолчалъ: онъ чувствовалъ себя безсильнымъ передъ такою живой вѣрой. Улицы становились все болѣе и болѣе пустынными и тихими, непроницаемый туманъ стоялъ въ пропитанномъ сыростью воздухѣ и оба друга молчали, какъ будто этотъ холодъ проникъ въ души сдѣлавъ ихъ чуждыми другъ другу.

Они мало походили другъ на друга по внѣшности.

Обанъ былъ высокаго роста и худой, Труппъ — мускулистый и лучше сложенъ; но ниже ростомъ; Обанъ носилъ черную, коротко остриженную бороду, а Труппъ былъ всегда гладко выбритъ.

Когда они были одни, то говорили между со

бою по французски; Труппъ довольно хорошо, хотя и не безъ ошибокъ, а Обанъ—такъ быстро, что даже его соотчественники иногда съ трудомъ могли слѣдить за его рѣчью; его ясный и рѣзкій голосъ въ увлеченіи спора звучалъ порой насмѣшливо.

Наконецъ пріятели вышли изъ лабиринта маленькихъ улицъ и переулковъ и поднявшись нѣсколько ступенекъ очутились на Оксфордъ Стритъ.

— Черезъ пятнадцать лѣтъ,—началъ въ свою очередь Обанъ, цѣпи рабства настолько врѣжутся въ руки народовъ континента, что у нихъ не будетъ силы даже поднять руки. За это время, повѣрь мнѣ и здѣсь точно также успѣютъ заткнуть рты всѣмъ, кто еще теперь протестуетъ.

— Ты не знаешь рабочихъ такъ, какъ я ихъ знаю; они возстанутъ раньше нежели это случится.

— Для того чтобы быть уничтоженными пушками дѣлающими шестьдесятъ выстрѣловъ въ минуту? Такъ что-ли? Я знаю буржуазію лучше нежели ты ее можешь знать.

Въ это время друзья шли по Оксфордъ Стритъ среди шумнаго движенія, которое и ночью не прекращается на большихъ лондонскихъ улицахъ. Обанъ продолжалъ:

— Посмотри кругомъ и скажи мнѣ можетъ ли ли эта сложная, многообразная жизнь быть остановлена волею нѣсколькихъ людей.

— „Да,—отвѣчалъ Труппъ, протягивая руку по направленію къ востоку:—„будущее тамъ“.

— Да ты знаешь-ли, что такое это будущее? Будущее это соціализмъ, приведеніе личности къ ея простѣйшему выраженію, полная солидарность, всеобщая семья... Вы всѣ дѣти, настоящіе дѣти... Но надо чтобы событія шли своимъ порядкомъ.

Онъ горько усмѣхнулся и, видя куда смотритъ его другъ, прибавилъ:

—Тамъ—Россія.

Обы нѣкоторое время шли молча.

Оксфордъ Стритъ тялулась передъ ними безконечной темной полосой усѣянной свѣтящимся точками.

— Есть три Лондона,—началъ Обанъ взволнованный этимъ зрѣлищемъ,—«Лондонъ субботы вечера, который напивается чтобы не думать о будущей недѣлѣ, Лондонъ воскресный, который отрезвляется на лонѣ святой церкви, внѣ которой нѣтъ спасенья, и Лондонъ будничный, который работаетъ или заставляетъ работать.

— Я ненавижу Лондонъ,—сказалъ Труппъ.

Я люблю его.—съ жаромъ возразилъ Обанъ.

— Парижъ, это другое дѣло...

Одни и тѣ же воспоминанія пробудились въ обоихъ.

— Однако, такъ мы никогда не придемъ сказалъ Обанъ, ускоряя шагъ.

Они перешли на другую сторону Оксфордъ Стритъ и пошли по первой улицѣ на право; Карраръ Обанъ снова опирался на руку Труппа·

Кстати какъ у васъ тамъ идутъ дѣла?

— Очень хорошо, а между тѣмъ у насъ нѣтъ бюро, какъ тебѣ извѣстно. Ты помнишь, конечно какой гвалтъ поднялся, когда мы организовались на коммунистическихъ началахъ, безъ предсѣдателя, безъ бюро, безъ программы, безъ обязательныхъ взносовъ. Намъ всѣ твердили, что это полная безсмыслица, что мы скоро провалимся и много другихъ подобныхъ милыхъ вещей; однако же наши засѣданія не хуже другихъ, на которыхъ имѣются звонокъ, чтобы призывать къ порядку присутствующихъ и ораторовъ; у насъ каждый говоритъ по очереди, если имѣетъ что сказать.

Обанъ не могъ воздержаться отъ улыбки.

— Многіе горлапы,—отвѣчалъ онъ—никакъ не могутъ понять, что люди, у которыхъ есть голова

на плечахъ, вовсе не нуждаются въ клочкѣ бумаги для гарантіи своихъ правъ и взаимныхъ обязанностей при собраніяхъ для обсужденія своихъ интересовъ. Однако я полагаю, что изъ того что ваша попытка удалась, вы не выведете заключенія, что возможно организовать все общество на тѣхъ же основаніяхъ? Это было-бы безуміемъ.

— Ахъ, вотъ какъ... Ну, мы другого мнѣнія и надѣемся на успѣхъ,—отвѣчалъ Труппъ.

— Ну, а ваша газета?

— Ничего, идетъ по маленьку. Ты ее читаешь?

— Да, отъ времени до времени; я почти забылъ нѣмецкій языкъ.

— Мы и къ газетѣ приложили нашу систему: редакціи нѣтъ. Каждую недѣлю мы собираемся прочитываемъ накопившійся матерьялъ и составляемъ номеръ.

— Ну, я знаю теперь причину недостатка единства и разнообразія качества статей; что ты тамъ ни говори, но въ газетѣ нужно направленіе, нужна личность редактора...

Труппъ живо перебилъ его...

— Для того, чтобы опять были вожаки партіи? Кто даетъ управлять собою пріобрѣтаетъ хозяина, (Обанъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, но Труппъ этого не замѣтилъ) а то что вѣрно для мелочей, вѣрно также и для большаго дѣла. Нѣтъ, нѣтъ, наше движеніе и такъ довольно уже страдало отъ этого централизма; усердіе очень скоро вырождается въ гордость, хорошія чувства —въ желаніе играть роль Мессіи.

Ты это видишь повсюду, какъ вверху, такъ и внизу, всюду стадо слѣпо слѣдующее за передовымъ бараномъ, настоящіе бараны Панурга...

— Но ты совсѣмъ не понялъ, что я хотѣлъ сказать. Если тебя послушать, то очень трудно

повѣрить, что у меня всегда были такія мысли. Я очень недовѣрчиво отношусь къ всѣмъ тѣмъ, кто печется объ интересахъ другихъ людей, кто печалится о чужихъ несчастіяхъ; дѣлай свое дѣло и оставь меня дѣлать мое, вотъ что мнѣ больше всего нравится. Вотъ это-то и есть настоящій анархизмъ.

— Я тоже анархистъ.

— Нѣтъ, мой милый другъ, ты вовсе не анархистъ, а человѣкъ совершенно противоположнаго образа мнѣній. Ты до мозга костей коммунистъ; всѣ твои мнѣ мнѣнія, убѣжденія, надежды все это чисто коммунистическое.

— Никто не можетъ отнять у меня права считать мои убѣжденія анархическими.

— Безъ сомнѣнія. Однако развѣ вы не видите, какое печальное недоразумѣніе является слѣдствіемъ смѣшенія столь различныхъ понятій. Но впрочемъ къ чему намъ опять возобновлять теперь этотъ старый споръ? Приходи въ воскресенье, можно будетъ потолковать на свободѣ; почему бы тебѣ не придти?

— Это правда. Но я вижу, что ты индивидуалистъ и останешься имъ; ты сталъ такимъ съ тѣхъ поръ, какъ изучаешь соціальные вопросы. Я дорого бы далъ за то, чтобы ты былъ такимъ какимъ я видѣлъ тебя въ Парижѣ въ первый разъ.

— А я, нѣтъ, Отто!

Труппъ снова началъ раздражатьсв.

— Ты не знаешь самъ того, что ты защищаешь. Развѣ индивидуализмъ не влечетъ за собою разнузданія всѣхъ дурныхъ страстей человѣка, въ особенности эгоизма? Развѣ не благодаря индивидуализму существуетъ вся эта нищета; свобода...

Обанъ остановился и пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Свобода каждаго, хочешь ты сказать? Но какъ ты можешь говорить объ этой свободѣ когда ты по уши увязъ въ самомъ узкомъ и грубомъ коммунизмѣ? Вѣдь у насъ-же отдѣльная личность отъ рожденія и до своего послѣдняго дня всецѣло поглощается государствомъ и обществомъ; Если ты найдешь гдѣ либо на землѣ уголокъ гдѣ не существуетъ этого принужденія, гдѣ можно быть самимъ собою, то скажи мнѣ, я поѣду туда доживать мою жизнь на свободѣ, которую я напрасно искалъ до сего дня.

— Но вѣдь ты даешь такимъ образомъ, новое оружіе въ руки буржуазіи...

— Да, но только въ томъ случаѣ, если вы сами не желаете имъ пользоваться, и только въ этомъ случаѣ. Въ это оружіе я еще вѣрю. Я считаю эти медленно зрѣющія эгоистическія идеи (я нарочно употребляю это слово) столь же опасными для современнаго общественнаго строя, какъ и для царства идеальнаго коммунизма; онѣ гораздо болѣе опасны, нежели всѣ ваши бомбы или-же митральезы властей предержащихъ.

— Ты очень измѣнился—сказалъ Труппъ серьезно.

— Нѣтъ, Отто, я просто лучше узналъ самого себя.

— Ну, мы еще будемъ говорить объ этомъ; надо знать...

— Вашъ-ли я еще, какъ вы выражаетесь? Но это вѣдь только такъ говорится; ты, который стремишься къ безграничной автономіи, знаешь очень хорошо, что свободный человѣкъ можетъ принадлежать только самому себѣ.

Они перешли черезъ темную и пустынную Шарлоттъ-Стритъ и пошли по одной изъ глухихъ улицъ лежащихъ къ востоку отъ Тоттенхамнъ-Кортъ-Роодъ.

— Будемъ теперь говорить по нѣмецки, сказалъ на этомъ языкѣ Обанъ.

Онѣ скоро остановились передъ узкимъ домомъ выкрашеннымъ въ свѣтлую краску. Труппъ съ живостью толкнулъ дверь, на которой черными буквами было написано названіе клуба и друзья вошли.

II.

Передъ смертнымъ часомъ.

Въ слѣдующую пятницу вечеромъ Карраръ Обанъ ѣхалъ въ омнибусѣ по безконечной Сити-Роодъ; онъ сѣлъ около кучера, очень корректнаго джентльмена въ шелковой шляпѣ. Обанъ былъ нервно настроенъ и взволнованъ; ему казалось, что омнибусъ двигается черезъ-чуръ медленно. Передъ Фенсбюри-Скверъ онъ сошелъ съ омнибуса и быстро оріентировавшись черезъ нѣсколько минутъ былъ уже около Сотсъ-Плэсъ-Институтъ. Двери этого зданія напоминающаго храмъ были отворены настежъ и густая толпа стояла передъ ними; полицейскихъ было очень много. Ожидая своей очереди войти, Обанъ расклянивался съ товарищами, которые пришли сюда, чтобы продавать газеты своихъ обществъ или партій; большинство изъ нихъ были удивлены или обрадованы видя его.

Онъ купилъ все, что могъ найти: „*The Commonweal*" интересный органъ *Socialist League*, „*Justice*" издаваемую *Iocildemocratie Frederation*, а также нѣсколько нумеровъ „*Londoner Freie Presse* издаваемой нѣмцами принадлежащими къ разнымъ соціалистическимъ партіямъ; этотъ органъ издается недавно съ цѣлью служить связующимъ звеномъ между всѣми революціонерами нѣмецкаго происхожденія.

Обанъ всегда возвращался съ подобныхъ митинговъ съ большимъ запасомъ разныхъ газетъ и брошюръ. Внутри у входа въ залъ раздавалась „резолюція“ и программа засѣданія.

Довольно обширный залъ былъ окруженъ галлереей, которая уже была, повидимому, полна народу. Въ глубинѣ возвышалась эстрада, на которой стояли стулья для ораторовъ, но еще никого не было. Простота этого помѣщенія невольно заставляла думать о религіозной церемоніи, а форма скамеекъ еше усиливала это впечатлѣніе.

Однако же въ залѣ было шумно, присутствующіе не имѣли того сосредоточеннаго вида, который бываетъ обыкновенно у людей собравшихся для религіозныхъ церемоній. Обанъ внимательно всматривался въ толпу и увидѣлъ, что многіе его друзья были среди присутствующихъ; ораторы, которые должны были выступить передъ собраніемъ въ этотъ вечеръ, собрались около эстрады и бесѣдовали между собою. Обанъ направился къ этой группѣ и поздоровался со своими знакомыми.

— Будете сегодня говорить? спрашивали у него многіе.

— Нѣтъ, я не люблю говорить по англійски въ многолюдномъ собраніи. Да и вообще предпочитаю вовсе не говорить: для меня это время миновало. Къ чему говорить, когда о томъ, что хотѣлъ бы сказать надо молчать? Что это смѣшанный митингъ?—спросилъ онъ, понизивъ голосъ у своего сосѣда извѣстнаго агитатора нѣмецкаго клуба.

— Да тутъ будутъ и радикалы и свободомыслящіе и либералы. Вы увидите, что многіе изъ ораторовъ будутъ открещиваться отъ анархизма.

— Вы не видѣли Труппа?

— Нѣтъ, онъ повсей вѣроятности не придетъ. Я его никогда не встрѣчалъ на подобнаго рода собраніяхъ.

Обанъ снова осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что зала была биткомъ набита. Всѣ проходы были заняты и много любопытныхъ толпилось передъ фотографической группой, чикагскихъ осужденныхъ; репортеры, сидя за отдѣльнымъ столомъ недалеко отъ трибуны, приготовляли карандаши и бумагу.

Между тѣмъ публика прибывала, не переставая и по давкѣ, которая была у входа, можно было догадаться, что число желающихъ войти очень велико. Многіе изъ прибывшихъ позднѣе пробрались до первыхъ рядовъ, гдѣ еще можно было найти мѣсто;

Обанъ это замѣтилъ и поспѣшилъ сѣсть, такъ какъ его больная нога не позволяла ему стоять весь вечеръ. Онъ сидѣлъ теперь на одной изъ боковыхъ скамеекъ и могъ видѣть всю залу. Вынувъ изъ кармана «резолюцію», онъ медленно и внимательно прочелъ ее и списокъ ораторовъ, среди которыхъ были отмѣчены „многіе радикалы и выдающіеся соціалисты», Всѣ эти имена были хорошо ему извѣстны.

Сначала въ резолюціи говорилось о свободѣ слова

«Семь человѣкъ были приговорены къ смерти «за то, что организовали общественное собраніе: «англійскіе рабочіе считаютъ своимъ долгомъ ука«зать своимъ американскимъ собратьямъ на ту «опасность, которая грозитъ свободѣ въ томъ слу«чаѣ если они помирятся съ фактомъ, что семь «гражданъ осуждены за протестъ противъ нару«шенія права собраній и свободы слова.

«Право, пользуясь которымъ люди подвергаются «наказанію, является уже не правомъ, а вредомъ.

«Англійскіе рабочіе крайне интересуются уча«стью этихъ семи человѣкъ осужденныхъ послѣ

«одного собранія, во время котораго было убито нѣ-
«сколько полицейскихъ желавшихъ заставить за-
«молчать ораторовъ и разогнать присутствующихъ;
«они могутъ сами очутиться завтра въ такомъ
«же положеніи, какъ уже находятся теперь наши
«братья въ Ирландіи; необходимо поэтому, чтобы
«рабочіе по сю и по ту сторону Атлантическаго
«океана единогласно объявили, что тотъ, кто нару-
«шаетъ это право, поступаетъ беззаконно и долженъ
«дѣйствовать на свой страхъ. Мы не можемъ до-
«пустить, чтобы политическія убѣжденія осужден-
«ныхъ могли оказать вліяніе на приговоръ; если
«за этимъ приговоромъ послѣдуетъ казнь, то въ
«Соединенныхъ Штатахъ право собраній будетъ
«приравнено къ преступленію: власти всегда бу-
«дутъ имѣть возможность вызвать сопротивленіе
«со стороны толпы, которая думаетъ, что ей гро-
«зитъ опасность.

« Мы ожидаемъ поэтому, что наши американ-
«скіе товарищи потребуютъ освобожденія этихъ
«семи человѣкъ, въ лицѣ которыхъ нарушена
«свобода всѣхъ рабочихъ».

Окончивъ чтеніе, Обанъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою старика съ длинной сѣдою бородою и добрымъ лицомъ.

— Какъ, вы здѣсь г. Марель?—сказалъ онъ съ радостью—«Какая пріятная неожиданность!

— Вы читали и я не хотѣлъ васъ тревожить, отвѣчалъ старикъ.

— Какъ давно вы вернулись?

— Вчера только.

— Вы были въ Чикаго?

— Да, я тамъ былъ двѣ недѣли, а потомъ, поѣхалъ въ Нью-Іоркъ,

— Я совсѣмъ неожидалъ....

— Конечно, но я не могъ дальше выдержать

чулся. ча пожали плечами;
ч видѣлись ? Оба они въ борьбѣ
часто. тороны лицъ стоя-
ды н й жестокости, что
акл овали ни какія
ч Мареля слегка
т скрыть это,

ж, чъ въ самое
ово об стороннн-
стороны
оргисты отсту непрія-
правдѣ, положеніе д
его здѣсь представляют нар-
ь наблюдается сильное волненіе кое
не пришло. ми

— Но однако-же сдѣлаютъ все, чтобы

— Не знаю; во всякомъ случаѣ это будет вершенно безполезно.

Оба помолчали нѣкоторое время. Обанъ казался сумрачнѣе чѣмъ всегда, однако на его лицѣ нельзя было прочитать ничего.

— Какъ себя держатъ осужденные?

— Очень спокойно. Одни изъ нихъ не желаютъ помилованія и въ этомъ смыслѣ сдѣлаютъ заявленіе; что-же касается другихъ, то я опасаюсь, что они еще питаютъ несбыточныя надежды.

Между тѣмъ было уже довольно поздно; собраніе начало проявлять знаки нетерпѣнія, разговоры стали громче. Обанъ продолжалъ разспрашивать Мареля, который отвѣчалъ ему грустнымъ голосомъ.

— Вы будете говорить, г. Марель?

— Нѣтъ, мой другъ; тутъ есть еще одинъ, помоложе меня, тоже пріѣхавшій изъ Чикаго, вотъ онъ и разскажетъ что тамъ дѣлается.

— Будете вы завтра дома?

— Да, приходите; я вамъ дамъ газеты. Я ихъ много привезъ оттуда. Все, что могъ найти. Очень

много... Если вы все прочтете, то составите полное и ясное понятіе о положеніи дѣлъ въ Америкѣ.

— Вы думаете, что пересмотра процесса не будетъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ; это значило бы безполезно затягивать страданія, которыя и такъ уже давно длятся. Кромѣ того, это вынудило-бы рабочихъ къ новымъ жертвамъ: нужно было бы собрать огромную сумму тысячъ пятьдесятъ долларовъ, можетъ быть, это было бы безполезно, я вамъ говорю: гіена хочетъ крови.

— А народъ?

— Народъ самъ незнаетъ, чего онъ хочетъ. Въ настоящее время онъ не думаетъ, что это серьезно; потомъ онъ перемѣнитъ мнѣніе, но будетъ уже поздно.

Въ это время въ разговоръ вмѣшался одинъ молодой англичанинъ, котораго Марель зналъ по «*Socialist League*».

— Нѣтъ, я отказываюсь этому вѣрить, серьезно сказалъ онъ.—Нельзя въ девятнадцатомъ вѣкѣ всенародно убить семь человѣкъ, невинность которыхъ ясна, какъ день, правда людей убиваютъ тысячами на поляхъ сраженій, но не имѣютъ уже мужества съ такимъ цинизмомъ попирать законы и общественныя учрежденія. Они не дойдутъ до этого, потому, что и съ ихъ точки зрѣнія было бы безумствомъ разбудить народъ и такъ грубо открыть ему глаза... Они не осмѣлятся это сдѣлать, я вамъ говорю. Подумайте, сколько тамъ людей раздѣляющихъ наши мнѣнія, подумайте, сколько такихъ-же людей въ другихъ странахъ, вспомните сколько газетъ и брошюръ распространено по всему свѣту... Какой человѣкъ имѣющій сердце и разумъ не возмутится? Да развѣ тамъ мало людей возстанутъ противъ этого? Нѣтъ, нѣтъ, они этого не посмѣютъ сдѣлать: это была бы ихъ погибель....

Два его собесѣдника молча пожали плечами; что они могли ему возразить? Оба они въ борьбѣ двухъ классовъ видѣли со стороны лицъ стоящихъ у власти проявленія такой жестокости, что уже не удивлялись и не негодовали ни какія звѣрства. Обанъ замѣтилъ, что руки Мареля слегка дрожали; этотъ послѣдній старался скрыть это, теребя свою шляпу.

— Они думаютъ поразить анархизмъ въ самое сердце, повѣсивъ нѣкоторыхъ изъ его сторонниковъ, сказалъ наконецъ старикъ.

Обану показалось, что этотъ разговоръ непріятенъ его собесѣднику и онъ замолчалъ.

Кромѣ того произнесенное тѣмъ слово анархизмъ заставило Обана задуматься; что это такое въ сущности анархизмъ? Были-ли анархистами осужденные въ Чикаго? По убѣжденіямъ они были соціалистами и коммунистами, и между ними не было и двухъ человѣкъ, которые дали бы одинаковый отвѣтъ на вопросъ объ ихъ основныхъ убѣжденіяхъ. А между тѣмъ они называли себя анархистами и всѣ ихъ такъ называли... а между тѣмъ вѣдь самый яркій индивидуализмъ звучалъ въ словахъ молодого коммуниста крикнувшаго своимъ «судьямъ»:

«Я васъ презираю, презираю ваши законы ва«ше общественное устройство, вашу власть осно«ванную на насиліи...

Или еще:

— Все равно, я не отпираюсь: если намъ будутъ грозить пушками, мы отвѣтимъ динамитомъ...

Былъ-ли анархистомъ старикъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ? Марель называлъ себя анархистомъ и въ своихъ безчисленныхъ памфлетахъ онъ проповѣдывалъ только милосердіе.

— Что такое анархія? задалъ вопросъ Марель въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ. И вотъ опредѣленіе, которое онъ самъ далъ?

Анархія, это есть такой общественный поря-

докъ, когда никто не вмѣшивается въ дѣйствія другого, гдѣ свобода не зависитъ отъ закона, гдѣ привилегіи не существуютъ, гдѣ человѣческія дѣйствія не руководятся силою... Идеалъ этотъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ былъ провозглашенъ Христомъ, который стремился къ всемірному братству. Съ кафедры, въ газетахъ всюду васъ учатъ мести, а надо бы не переставая твердить вамъ: любите другъ друга, любите другъ друга...

Обанъ всегда помнилъ эти слова звучавшія глубокой скорбью и самымъ горячимъ убѣжденіемъ; онъ думалъ объ той опасности, которую представляли подобныя отвлеченныя и туманныя идеи проповѣдуемыя людямъ еще не умѣющимъ разобраться въ тонкостяхъ рѣчи.

Такимъ образомъ клубокъ запутывался все болѣе и болѣе и люди одушевленные лучшими стремленіями, можетъ быть, теряли мужество и отказывались найти руководящую нить въ этомъ ученіи.

Обанъ познакомился съ Марелемъ очень недавно; они сошлись послѣ преній о различіи между анархизмомъ индивидуалистическимъ и анархизмомъ коммунистическимъ; во время этихъ преній, Марель одинъ защищалъ первое изъ этихъ направленій.

Его теоріи заинтересовали Обана, которому показалось, что несмотря на многія явныя противорѣчія, онѣ до нѣкоторой степени соотвѣтствуютъ его собственнымъ теоріямъ. Они стали видѣться время отъ времени, потомъ Марель отправился въ Америку, какъ онъ говорилъ, дѣлать, что было можно. Обанъ не зналъ какого рода было это дѣло, такъ какъ старикъ никогда не распространялся о самомъ себѣ. По нѣкоторымъ выраженіямъ вырвавшимся у Мареля во время разговора, Обанъ заключилъ, что тотъ работалъ безплодно. Повидиному старикъ имѣлъ очень многочисленный кругъ

знакомствъ; онъ прекрасно зналъ всѣхъ замѣшанныхъ въ Чикагскій процессъ и былъ очень хорошо освѣдомленъ объ анархистскомъ движеніи въ Америкѣ. Всѣ свои печатные труды онъ подписывалъ псевдонимомъ *Незнакомецъ*, и въ Лондонѣ былъ неизвѣстенъ, потому что рѣдко говорилъ на собраніяхъ, а революціонныя волны слишкомъ бурны въ британской столицѣ, онѣ ежедневно выносятъ новыхъ дѣятелей, которые часто въ тотъ же день и изчезаютъ и слѣдить долго за той или другой личностью очень трудно.

Марель разспрашивалъ своего молодого товарища по „*Socialist League*"; Обанъ повидимому не слушалъ ихъ разговора.

— Кто это? спрашивалъ Марель, указывая глазами на сидѣвшую недалеко отъ нихъ даму одѣтую очень просто, въ черное платье. У нея были рѣзкія и выразительныя черты лица; она оживленно бесѣдовала со своимъ сосѣдомъ и смѣялась,

— Незнаю, отвѣчалъ другой, но сейчасъ же прибавилъ: „теперь вспомнилъ; я часто встрѣчалъ ее въ одномъ нѣмецкомъ клубѣ. Она нѣмка и очень усиленно агитировала въ Берлинѣ противъ медицинскаго надзора за проституціей.

— А съ кѣмъ она говоритъ?

— Я думаю, что это поэтъ, отвѣчалъ улыбаясь молодой человѣкъ; Марель тоже улыбнулся.

— Авторъ большой революціонной поэмы?

— Вы читали ее?

— Нѣтъ, я по нѣмецки не читаю.

— Однако онъ не похожъ ни на поэта ни на революціонера; что-же? онъ воображаетъ что перевернетъ міръ своими стихами? Но онъ скоро увидитъ какъ ихъ примутъ; люди хотятъ хлѣба прежде всего, потомъ они будутъ заниматься другими вещами. Тотъ, кому нечего ѣсть не особенно то расположенъ наслаждаться поэзіей".

Собесѣдникъ Мареля не могъ удержаться отъ

улыбки, а старикъ продожалъ съ той же горячностью:

— Можно писать самые нѣжные стихи и присутствовать въ качествѣ диллетанта при самыхъ кровавыхъ человѣческихъ бойняхъ; нѣтъ ничего невозможнаго, что тотъ-же поэтъ въ минуту вдохновенія будетъ воспѣвать героизмъ этихъ „доблестныхъ воиновъ“, возвращающихся домой обагренными кровью. Можно писать самыя краснорѣчивыя жалобы, народа и вмѣстѣ съ тѣмъ съ любовью цѣловать тонкую и нѣжную ручку, только что давшую пощечину горничной, дочери этого самаго народа... Но что толку говорить объ этихъ вещахъ, скажите мнѣ лучше, кто такой вонъ тотъ господинъ?

— Это одинъ изъ нашихъ кандидатовъ въ парламентъ, безсовѣстный горланъ, который былъ бы тираномъ хуже другихъ, если бы могъ; къ счастью онъ не опасенъ.

Они прекратили разговоръ и стали внимательно слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ собраніи;Обанъ былъ по прежнему задумчивъ; эстрада была полна; стулья стоявшіе на ней были теперь заняты делегатами ассоціацій по иниціативѣ которыхъ былъ устроенъ митингъ; въ числѣ этихъ делегатовъ было нѣсколько женщинъ.

Предсѣдательское мѣсто занималъ человѣкъ лѣтъ сорока съ блѣднымъ лицомъ, судя по костюму, онъ принадлежалъ; къ высшему духовенству; его избраніе было привѣтствовано долгими рукоплесканіями. Обанъ зналъ этого представителя христіанскаго соціализма, который давно уже занимался благотворительной дѣятельностью въ кварталахъ Истъ-Энда; благодаря своимъ убѣжденіямъ онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего духовнаго сана. Церковь является самымъ непримиримымъ врагомъ тѣхъ, кто хочетъ идти не по торной дорогѣ.

Предсѣдатель открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой пояснилъ что это собраніе соединяетъ людей всѣхъ направленій: радикаловъ и антисоціалистовъ, соціалистовъ и анархистовъ; всѣ объединились для защиты свободы слова. Самъ онъ объявилъ себя противникомъ анархизма сторонниками котораго были осужденные въ Чикаго; это ученіе даже внушало ему живѣйшую антипатію, но онъ требовалъ для этого ученія правъ равныхъ и даже большихъ можетъ быть чѣмъ права его ученія, ученія христіанской церкви. Всѣ должны имѣть одинаковое право служить тому, въ чемъ они видятъ истину и поэтому во имя Бога и человѣчества онъ требуетъ освобожденія осужденныхъ.

Затѣмъ онъ прочелъ значительное количество телеграммъ и писемъ полученныхъ со всѣхъ концовъ Англіи; многія вызвали рукоплесканія присутствующихъ. Многія ассосіація приславшія телеграммы насчитывали не одну тысячу членовъ; многія имена были знамениты; большинство писателей, произведенія которыхъ находились во всѣхъ библіотекахъ, читались всѣми, были не менѣе Обана убѣждены въ беззаконіи приговора и однако же они ограничивались безплодными протестами для успокоенія своей совѣсти. А между тѣмъ по своему положенію, по своей силѣ, они быть можетъ могли бы сдѣлать невозможнымъ совершеніе преступленія поднявъ весь міръ въ порывѣ гнѣва и негодованія... Здѣсь же ихъ имя и ихъ протестъ терялись безъ пользы; они предпочитали оставаться рабами эпохи, которой они могли-бы повелѣвать.

Звуки знакомаго голоса прервали нить этихъ печальныхъ размышленій Обана. На трибунѣ была женщина маленькаго роста одѣтая въ черное платье съ бѣлымъ крахмальнымъ воротничкомъ; во всей ея фигурѣ было что-то напоминавшее средне-вѣ-

ковую монахиню; ея черные глаза казались еще больше отъ возбужденія. Повидимому мало кто изъ присутствующихъ зналъ ее; тѣ-же, которые ее знали высоко цѣнили ее, какъ самаго надежнаго, самаго дѣятельнаго и самаго непоколебимаго борца коммунизма въ Англіи. Она не принадлежала къ числу ораторовъ увлекающихъ толпу, но въ ея голосѣ звучала искренность и горячее убѣжденіе, которыя порой производятъ болѣе глубокое впечатлѣніе нежели самое блестящее краснорѣчіе.

Она излагала событія, которыя въ Чикаго предшествовали аресту и осужденію семи рабочихъ. Люди и событія вставали передъ слушателями съ поразительной правдивостью.

Говоря о происхожденіи движенія въ пользу восьми-часоваго рабочаго дня въ Америкѣ, она упомянула о попыткахъ, которыя были сдѣланы для того чтобы склонить въ пользу этого движенія правительство, говорила о тѣхъ результатахъ, какіе были достигнуты; она объяснила какимъ образомъ чикагскіе революціонеры присоединились къ движенію, значеніе и важность котораго они прекрасно сознавали, она указала на неустанныя усилія Международнаго Общества Рабочихъ объяснила какимъ образомъ тѣ люди, о которыхъ шла рѣчь оказались во главѣ движенія.

Она описала состояніе умовъ съ майскихъ дней прошлаго года: крайнее возбужденіе рабочиъ, увеличивающееся безпокойство правящихъ классовъ, массовое присоединеніе стачечниковъ къ празднованію 1 го мая этого года... Потомъ она изложила майскія событія:

„Въ одинъ и тотъ же часъ 25,000 рабочихъ покинули мастерскія. въ три дня это число удвоилось. Стачка дѣлается всеобщей. Ярость капиталистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ страхъ не знаютъ предѣловъ. Каждый вечеръ въ разныхъ частяхъ

„города происходятъ многолюдные митинги. Пра-„вительство посылаетъ наемныхъ убійцъ, которые „выстрѣлами разгоняютъ одно изъ этихъ мирныхъ „собраній. Пять рабочихъ смертельон ранены. Кто „требовалъ убійцъ къ отвѣту за это преступле-„ніе? Никто...."

Она остановилась на минуту, и когда продолжала свою рѣчь, то голосъ ея дрожолъ отъ волненія!

„Анархисты па слѣдующій день, вечеромъ со-„брались въ Гаймаркэтъ. На собраніи царствуетъ „полнѣйшій порядокъ, несмотря на кровавыя со-„бытія предшествовавшаго дня, ораторы выказы-„ваютъ столько умѣренности, что самъ мэръ Чи-„каго, готовый разсѣять толпу при малѣйшемъ тре-„вожномъ признакѣ, совѣтуетъ начальнику по-„лиціи увести полицейскихъ. Вмѣсто того, чтобы „послѣдовать этому совѣту, начальникъ полиціи „приказываетъ своимъ людямъ разогнать толпу, и „въ то же время бомба брошенная неизвѣстно „кѣмъ, разрывается въ рядахъ нападающихъ, ко-„торые открываютъ убійственный огонь...

„Кѣмъ была брошена бомба? Можетъ быть кѣмъ „нибудь изъ рабочихъ желавшихъ противодѣйство-„вать новой бойнѣ. Можетъ быть (и это мнѣніе „большинства рабочихъ въ Чикаго) даже однимъ „изъ полицейскпхъ агентовъ: всѣмъ извѣстно, „что нѣтъ злодѣйства, на которое бы не были „способны наши противники, когда дѣло идетъ „о нашей гибели?"

„Кѣмъ была брошена бомба? Тѣ люди, которые „были арестованы на другой день знали объ этомъ „столько же сколько и мы. Многіе изъ нихъ даже „не присутствовали на митингѣ, но ихъ вина была „та, что они были наиболѣе видными представите-„лями революціонеровъ. Этого было достаточно, „чтобы и власти бросившія ихъ въ тюрьму и судъ, „приговорившій ихъ къ повшенѣію за заговоръ

„противъ существующаго порядка, считали себя „свободными по отношенію къ нимъ отъ соблю- „денія какихъ либо нравственныхъ принциповъ... „И многіе изъ этихъ людей даже никогда не ви- „дѣли другъ друга...

„Почему ихъ осудили?... Не потому, что они „совершили преступленіе? О, нѣтъ? Ихъ осудили „потому, что они возвысили голосъ въ защиту „бѣдныхъ и угнетенныхъ. Ихъ осудили не потому, „что они были убійцами, но потому, что они имѣли „смѣлость открыть глаза рабамъ и указать имъ „на причину ихъ рабства. Эти люди, репутація „которыхъ не могла быть замарана самыми гнус- „ными нападками „органовъ общественнаго мнѣ- „нія‘,. эти люди будутъ повѣшены; они хотѣли „открыто и честно слѣдовать своимъ убѣжде- „ніямъ въ такую эпоху, когда можно быть только ли- „цемѣромъ среди лицемѣровъ...“

Она кончила свою рѣчь. Всѣ слушали ее съ большимъ неослабѣвающимъ вниманіемъ, многіе аплодировали.

Обанъ слѣдилъ за ней глазами, когда она сходила съ эстрады и усаживалась на ступенькахъ, такъ какъ на скамьяхъ уже не было ни одного свозоднаго мѣста. Она закрыла лицо руками, какъ бы страдая. Обанъ не колеблясь сказалъ самому себѣ, что эта женщина находила большее счастье въ этой жизни труда, самоотреченія и самопожертвованія, нежели въ томъ благосостояніи и покоѣ, въ которыхъ она выросла, и что она отказалась отъ прежней жизни повидимому для того, чтобы служить благу человѣчества, а въ дѣйствительности же для того чтобы слѣдовать властному призыву своей природы.

Разговоры въ залѣ вдругъ сразу смолкли: предсѣдатель далъ слово второму оратору.

„Это то самое лицо, о которомъ я вамъ говорилъ“, сказалъ Марель Обану. „Этотъ товарищъ

только сегодня прибылъ изъ Чикаго".

Обанъ сталъ еще внимательнѣе.

Американецъ сообщилъ нѣкоторыя мало извѣстныя подробности процесса, характеризовавшія тѣ средства, къ которымъ прибѣгали во время этого дѣла. Онъ очень хорошо показалъ каковы были нравственныя качества присяжныхъ приводя слѣдующія слова *„bailiff"* (предсѣдатель суда).

„Я взялся за это дѣло и знаю, что мнѣ нужно дѣлать. Эти люди будутъ повѣшены во всякомъ случаѣ: сначала я назначу присяжныхъ, которыхъ защитники не могутъ не отвести, а затѣмъ, они будутъ принуждены принять другихъ".

Онъ обрисовалъ свидѣтелей обвиненія: одинъ безсовѣстный негодяй, подкупленный полиціей для того, чтобы давать показанія въ желательномъ для нея смыслѣ, двоимъ другимъ было предложено на выборъ: или веревка, или же показанія противъ обвиняемыхъ.

„Развѣ подобные субъекты не будутъ говорить все, что отъ нихъ потребуютъ, если ихъ поставятъ передъ подобной альтернативой?!" вскричалъ ораторъ, среди рукоплесканій аудиторіи.

Но, когда онъ повторилъ слова одного грубаго полицейскаго офицера желавшаго загнать въ одно мѣсто нѣсколько тысячъ соціалистовъ и анархистовъ съ ихъ „самками и дѣтенышами" съ тѣмъ, чтобы свести съ ними счеты; когда онъ снова заговорилъ объ этомъ *paid and packed jury* (продажномъ судѣ) которому плутократія Чикаго при посредничествѣ одной изъ своихъ газетъ предложила 100.000 долларовъ за „услуги", то со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія и угрозы. Возбужденіе присутствующихъ еще не улеглось, когда американца уже смѣнилъ новый ораторъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста съ длинной густой бородой, представлявшей контрастъ

съ поредѣвшими уже волосами на головѣ. Онъ былъ одѣтъ въ длинный сюртукъ и черты лица выдавали сразу его славянское происхожденіе. Онъ былъ встрѣченъ шумными рукоплесканіями и одобрительными восклицаніями показывавшими, какъ его любили и уважали. Въ собраніи было нѣсколько тысячъ присутствующаго и однако рѣдкій изъ нихъ не зналъ этого человѣка, привѣтствуемаго, какъ ни одинъ англійскій лидеръ не былъ привѣтствуемъ. Всѣмъ была извѣстна его исторія полная приключеній: бѣгство изъ петербургской тюрьмы, высылка изъ Франціи, за которымъ послѣдовало тюремное заключеніе и новая высылка въ Лондонъ, гдѣ наконецъ онъ нашелъ надежное убѣжище. Всѣ знали, что онъ сдѣлалъ и что еще дѣлалъ для „дѣла", его статьи въ революціонныхъ журналахъ всѣхъ странъ являлись давно для анархистовъ-коммунистовъ неизсякаемымъ источникомъ, откуда они черпали матеріалъ для пропаганды. Всѣ ихъ читали и перечитывали. Прежде нежели посвятить себя дѣлу международнаго движенія, онъ отдавалъ всѣ свои силы пропагандѣ въ Россіи и насколько драгоцѣнно было для международнаго движенія пріобрѣтеніе такого борца, настолько чувствительна была потеря его для дѣла русской революціи. Всѣ знали, что онъ обладаетъ замѣчательной энергіей.

Онъ былъ коммунистъ; газета, которую онъ издавалъ на французскомъ языкѣ въ Парижѣ, а когда пребываніе во Франціи было ему запрещено, то въ Лондонѣ, эта газета называлась „коммунистическо-анархической"; самъ онъ пытался установить научныя основанія своего идеала общественнаго устройства въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ статей, помѣщенныхъ въ одномъ изъ крупныхъ англійскихъ журналовъ, трудъ этотъ показывалъ обширную эрудицію автора, но Обанъ

не могъ вывести изъ него заключенія о возможности практическаго осуществленія его теорій. По мнѣнію Обана слѣдствіемъ этой новой религіи (очень древней вмѣстѣ съ тѣмъ) были бы новыя злоупотребленія и насилія.

Между тѣмъ, ораторъ съ нервнымъ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы тишина водворилась въ залѣ: сколько разъ онъ уже господствовалъ такъ съ высоты трибуны надъ волненіями толпы... наконецъ онъ заговорилъ по англійски, произнося слова ясно и отчетливо, какъ всѣ русскіе, владѣющіе языкомъ народа, среди котораго живутъ. Сначала казалось, что нельзя будетъ понять его, но черезъ двѣ минуты каждое слово его живой и увлекательной рѣчи западало въ душу слушателей.

„Что можно видѣть въ Чикагскихъ событіяхъ?— началъ онъ *ex abrupto*. „Въ нихъ можно видѣть только актъ мести совершаемый надъ людьми, взятыми въ плѣнъ во время великой борьбы между двумя классами. Противъ этой то несправедливости, противъ этой то жестокости мы и протестуемъ. Наши противники должны винить только самихъ себя, если эта борьба становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ожесточенной, ужасной и безпощадной; въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не только объ американскихъ рабочихъ, потому что та несправедливость, жертвой которой они являются, касается и насъ столько-же сколько и ихъ. Рабочее движеніе неизбѣжно является движеніемъ международнымъ. Рабочіе всѣхъ странъ должны поддерживать другъ друга, когда преступленія подобнаго рода совершаются противъ рабочаго класса“.

Онъ говорилъ недолго, но то, что онъ сказалъ, глубоко потрясло присутствующихъ. Его голосъ, звучавшій глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, его сверкающіе взоры, его волненіе, пробудили у равнодушныхъ сознаніе важности того, чего они

раньше не понимали, а другихъ укрѣпили ихъ въ вѣрѣ. Для того, чтобы избѣжать новой оваціи, онъ по окончаніи рѣчи быстро спустился съ трибуны и вмѣшался въ толпу. Обанъ видѣлъ, что онъ серьезно и внимательно слушалъ оратора, который смѣнилъ его. Этотъ ораторъ былъ делегатомъ одного лондонскаго радикальнаго клуба и особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что Чикагскія событія могли повториться завтра въ Англіи. Обанъ больше не слушалъ; онъ сидѣлъ опершись обѣими руками на трость и мысли его блуждали гдѣ-то далеко; за послѣднее время на него часто находила такая задумчивость, такое созерцательное настроеніе, въ особенности, когда онъ бродилъ по самымъ оживленнымъ улицамъ Лондона. Онъ мечталъ тогда объ тѣхъ моментахъ исторіи, когда человѣчество дышало свободно, свергнувъ того или другого изъ своихъ угнетателей, потомъ онъ думалъ также о тѣхъ дняхъ, когда въ отмщеніе за смерть вреднаго и всѣми проклинаемаго человѣка губили полезныхъ и достойныхъ людей. Онъ думалъ тогда объ этихъ герояхъ мученикахъ, умирающихъ за то дѣло, которому они посвятили всю свою жизнь; онъ всегда думалъ объ нихъ, когда ему встрѣчались люди казавшіеся предназначенными для этой роли.

Однако же теперь онъ уже не думалъ, что подобное мученичество является всегда желательнымъ и славнымъ; у него не было уже того возбужденія, какое владѣло имъ въ молодости; отъ этого возбужденія остался лишь пепелъ... Онъ внимательнѣе прислушивался къ холодному голосу разсудка; этотъ разсудокъ отнялъ у него все, даже вѣру въ справедливость; исключительно имъ руководился онъ—теперь въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ не могъ не желать наступленія мира, онъ, видѣвшій столько пролитой крови, но могъ ли онъ надѣяться, что этотъ миръ когда-

либо наступитъ, если цѣль съ каждымъ днемъ все удалялась, желанія дѣлались все болѣе неосуществимыми, страсти все болѣе разнузданными?

И эти кровавые дни опять настанутъ: снова кровь польется потоками для того, чтобы скрыть безчисленныя преступленія совершенныя сильными надъ слабыми и невѣжественными. Для чего же собрались сюда всѣ эти люди казавшіеся полными энергіи и говорившіе такія краснорѣчивыя и правдивыя слова? Для протеста? Но развѣ сила обращала когда либо вниманіе на протесты?

Если они были побѣждены въ борьбѣ, то это случилось потому, что они были болѣе слабыми; но кто былъ въ этомъ виноватъ? Развѣ это не вина (если тутъ есть вообще вина) быть слабымъ вмѣсто того, чтобы быть стильнымъ? Такъ почему же они не были сильнѣйшими? Обанъ съ неутомимой логикой развивалъ свои заключенія; на всѣхъ лицахъ, онъ видѣлъ выраженіе глубокой боли быть принужденными оставаться зрителями преступленія, но эта боль очевидно была менѣе острая, нежели та, которая могла бы быть слѣдствіемъ усилія сдѣланнаго для того, чтобы помѣшать этому преступленію? Если-бы это было иначе, то они всѣ не удовольствовались одними только протестами? Конечно они могли-бы быть болѣе сильными, но однако почему-же они вели себя такъ? Потому-ли только, что они были слабѣйшей стороной?

Обанъ почувствовалъ страшную пустоту и холодъ вокругъ себя; его разумъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы избѣжать ужасной бездны.

Въ эту минуту Марель поднялъ глаза и увидѣлъ, что Обанъ сидѣлъ весь посинѣвшій, съ невыразимой тоскою во взглядѣ.

Между тѣмъ ораторы смѣняли одинъ другаго; собраніе дѣлалось все болѣе и болѣе оживлен-

4*

нымъ и возбужденнымъ и въ обширной залѣ не было уже равнодушныхъ людей кромѣ репортеровъ, которые продолжали дѣлать замѣтки съ прежней безстрастностью. Обанъ больше не слушалъ; одинъ разъ онъ поднялся, какъ-бы желая говорить, но затѣмъ опять опустился на стулъ, увидя, что ораторовъ еще много; то что онъ сказалъ-бы не было произнесено въ этотъ вечеръ никѣмъ.

Онъ вновь сталъ внимательнымъ, когда услышалъ имя одного оратора, который былъ въ одно и тоже время литературной знаменитостью, новаторомъ въ искусствѣ и однимъ изъ видныхъ представителей англійскаго соціализма. Художникъ, поэтъ и соціалистъ, онъ имѣлъ пылъ юноши, несмотря на свои сѣдые волосы.

Обанъ никогда не могъ забыть одну изъ лекцій этого мыслителя съ широкимъ размахомъ мысли, лекціи, которую этотъ послѣдній часто повторялъ или въ отдѣленіяхъ *Socialist League* въ Лондонѣ, или же на митингахъ подъ открытымъ небомъ въ Эдинбургѣ или Глазго. Обанъ никогда еще не слышалъ болѣе блестящаго, болѣе увлекательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обманчиваго описанія свободнаго общества; поэтъ давалъ полный просторъ своему воображенію, а философъ умѣлъ давать звучнымъ и красивымъ фразамъ видъ неопровержимыхъ доказательствъ. „Какъ это было бы прекрасно, если бы было возможно" говорилъ себѣ Обанъ, какое прекрасное рѣшеніе было-бы найдено для всѣхъ теперешнихъ общественныхъ задачъ?"

Онъ появился на трибунѣ похожій на древняго барда или же на почтеннаго патріарха и сталъ скорѣе разговаривать нежели произносить рѣчь по поводу событій въ Чикаго. Рукоплесканія, которыми его встрѣтили и проводили показывали какою популярностью пользовался этотъ

человѣкъ неутомимо и самоотверженно работавшій на общую пользу.

Уже десять часовъ давно пробило, когда предсѣдатель поднялся наконецъ для прочтенія резолюціи; всѣ руки тотчасъ же поднялись и „резолюція“ была принята единодушно. Объ результатахъ собранія телеграфировали въ Нью-Іоркъ, гдѣ на другой день состоялась большая манифестація.

Зала начала медленно пустѣть; публика уходила въ возбужденномъ состояніи, оживленно бесѣдуя; репортеры собирали свои бумаги и взаимно провѣряли свои замѣтки; эстрада уже была пуста. Женщина, говорившая первой, разговаривала съ предсѣдателемъ и было странно видѣть эту атеистку и этого священника, эту коммунистку и этого сторонника христіанскаго соціализма.

По всей вѣроятности она спрашивала нѣкоторыя добавочныя разъясненія и записывала имена нѣкоторыхъ ораторовъ для статьи въ ея газеткѣ въ четыре страницы, выходившей всего разъ въ мѣсяцъ. Смотря на нихъ Обанъ невольно подумалъ насколько ихъ идеи были въ сущности одинаковы и насколько были кажущимися тѣ различія, которыя между ними существовали. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подумалъ, что онъ, Обанъ, одинаково далекъ отъ обоихъ. Дружески простившись съ Марелемъ, который заговорился съ молодымъ американцемъ, Обанъ медленно направился къ выходу. На улицѣ онъ опять увидѣлъ продавцовъ газетъ и узнавъ въ одномъ изъ нихъ сотрудника „*Автономіи*“ онъ спросилъ про Труппа; ему подтвердили, что Труппъ не пришелъ на митингъ. Онъ хотѣлъ уже идти дальше, когда почувствовалъ, что его трогаютъ за плечо и оглянувшись, увидѣлъ страннаго человѣка, изъ такихъ, которыхъ достаточно видѣть хотя одинъ разъ, чтобы черты лица ихъ навсегда врѣзались въ памяти. Сухое морщини-

стое лицо, впавшій ротъ, выдавшійся впередъ подбородокъ, щетинистые подстриженные усы, все это оживлялось огненнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, блескъ которыхъ не уменьшался несмотря на очки, которыя носилъ этотъ человѣкъ. Онъ держался немного сгорбившись подъ тяжестью большаго кожанаго мѣшка висѣвшаго у него на плечахъ; вокругъ шеи у него былъ обмотанъ шерстяной платокъ, который онъ носилъ зимой и лѣтомъ; этотъ платокъ вмѣстѣ съ заношеннымъ до послѣдней степени плащемъ каштановаго цвѣта казалось былъ одной изъ частей его стараго тѣла.

„Алло! Вы здѣсь, старый товарищъ,—сказалъ Обанъ, пожимая ему руку; „пойдемте выпьемъ вмѣстѣ по стаканчику“.

„Въ такомъ случаѣ только развѣ лимонаду, товарищъ“, отвѣтилъ старикъ качая головой: „ни элю, ни бренди“...

„Вы состоите теперь членомъ общества трезвости?“, спросилъ Обанъ съ улыбкой. Но тотъ уже шелъ впередъ.

Они вошли въ большой *public-house* помѣщавшійся на углу сосѣдней улицы; всѣ комнаты были полны народу, только въ послѣдней было посвободнѣе. Обанъ встрѣтилъ здѣсь своихъ знакомыхъ англійскихъ соціалистовъ, которые тоже возвратились съ митинга; онъ сказалъ съ ними нѣсколько словъ, а затѣмъ помогъ своему спутнику снять его мѣшокъ и оба сѣли, причемъ Обанъ спросилъ лимонаду и элю.

Этотъ старикъ присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ соціалистовъ въ Лондонѣ съ незапамятныхъ временъ. Если кто либо изъ присутствующихъ заинтересовавшись этимъ оригинальнымъ и необузданнымъ ораторомъ, спрашивалъ, кто этотъ старикъ съ такимъ юношескимъ жаромъ защищающій свой идеалъ равенства и брат-

ства, то обыкновенно отвѣтъ былъ такой, что это газетчикъ, добывающій себѣ хлѣбъ продажей газетъ и брошюръ партіи.

Очень немногіе знали, кто онъ былъ въ дѣйствительности. Онъ охотно разсказывалъ, что былъ замѣшанъ въ движеніи чартистовъ и Обанъ зналъ что памфлеты этого необыкновеннаго продавца газетъ сохранялись въ Британскомъ Музеѣ съ неменьшимъ тщаніемъ, чѣмъ самые драгоцѣнныя древнія рукописи!

„Есть у васъ что нибудь новое?" спросилъ Обанъ, когда они сѣли.

Старикъ открылъ свой мѣшокъ и, не обращая повидимому никакого вниманія на то, что могутъ сказать или подумать окружающіе, сталъ разбирать газеты и брошюры, отбирая то, чего у Обана еще не было. и, не стѣсняясь, громко выражалъ свое мнѣніе по поводу той или другой газеты или брошюры. „Что это такое?" спросилъ вдругъ Обанъ, беря въ руки тоненькую книжку, видъ которой дѣйствительно могъ возбудить любопытство.

Это былъ обвинительный актъ противъ королевы, кабинета, парламента и народа по поводу *„Пятидесятилѣтія кровавой и грубой монархіи"*; внѣшній видъ книжки былъ очень странный: ни красныхъ строкъ, ни большихъ буквъ, самая причудливая разстановка знаковъ препинанія, несоразмѣрно крупныя буквы и бумага во многихъ мѣстахъ разорванная печатаніемъ. Буквы можно было разобрать только благодаря ихъ значительнымъ размѣрамъ, а такъ какъ печатный текстъ былъ только на правой сторонѣ, то страницы склеены другъ съ другомъ пустыми сторонами и обрѣзаны не искусной рукой.

„Что это такое?" повторилъ Обанъ, заинтересовавшись·

Улыбка озарила суровое лицо старика.

„Это мой подарокъ ко дню юбилея королевы", отвѣчалъ онъ.

„Но почему же такая... первобытная форма?"

„*Look here* (посмотрите сюда)", сказалъ старикъ, „снимая очки, я уже не молодъ и зрѣніе мое слабѣетъ. Я долженъ былъ взять большія буквы, „чтобы имѣть возможность узнать ихъ на ощупь, „фальшивыхъ буквъ нѣтъ, но разстановка знаковъ „препинанія оставляетъ быть можетъ желать лучшаго..."

„Но стало быть вы были сами собственнымъ типографомъ?"

„Да, я набиралъ текстъ безъ рукописи по мѣрѣ „того, какъ фразы слагались у меня въ умѣ и я „печаталъ его безъ станка. Я самъ былъ брошюровщикомъ и издателемъ".

„Но вѣдь это должна была быть работа для „васъ очень тяжелая?"

„Такъ что-жъ такое? Здѣсь написано много „хорошаго и рабочіе должны это прочесть".

Обанъ разсматривалъ эту тетрадь и могъ только удивляться неукратимой силѣ воли старика. Не ужели это произведеніе напоминавшее первые опыты Гуттенберга вышло въ эпоху станковъ Маринони?

„Пятьдесять лѣтъ прошло въ погонѣ за все „болѣе и болѣе утонченною роскошью; пятьдесятъ лѣтъ преступленія постоянно совершались „проклятыми правящими и аристократическими „классами..." читалъ Обанъ; этотъ рѣзкій обвинительный актъ перечислялъ всѣ потери причиненныя гражданской войной; сюда же примѣшивались и воспоминанія, большею частью личнаго характера. Заканчивался этотъ интересный документъ слѣдующимъ образомъ: „Пусть проклятія тысячъ человѣческихъ существъ убитыхъ, или умершихъ съ голоду падутъ на тебя, Викторія и на твою кровавую и жестокую монархію".

Англичане, которые знали стараго продавца газетъ подошли и съ любопытствомъ его слушали, а потомъ купили у него всѣ остававшіеся экземпляры. Тогда онъ завязалъ свои, мѣшокъ и вскинувъ его на плечо вышелъ вмѣстѣ съ Обаномъ. Они направились къ станціи Мооргэтъ; дорогой старикъ говорилъ ворчливымъ голосомъ, отчасти самъ съ собой, отчасти, обращаясь къ своему спутнику, но такъ неясно, что Обанъ половины не могъ понять. Впрочемъ онъ и не обращалъ особеннаго вниманія на рѣчь старика, зная что это была его обычная манера выражать свое дурное настроеніе духа. У станціи они распрощались и старикъ пошелъ дальше, продолжая ворчать и жестикулировать; Оабнъ скоро потерялъ его изъ виду въ толпѣ, и войдя въ вокзалъ взялъ себѣ билетъ въ кассѣ.

На платформѣ онъ встрѣтилъ еще нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ бесѣдовавшихъ между собой въ ожиданіи отхода поѣзда; въ числѣ ихъ были многіе ораторы митинга; Обанъ съ усталымъ видомъ сѣлъ на скамейку.

Поѣзда приходили и уходили съ страшнымъ шумомъ, полѣстницамъ' слышались непрерывные шаги пассажировъ подымавшихся къ выходу или спускавшихся наплатформу. Клубы бѣлаго пара поднимались къ своду, смѣшиваясь съ чернымъ дымомъ и понемногу изчезая.

„Ну, товарищъ, что вы скажете о чикагскихъ событіяхъ?“ вдругъ спросилъ у Обана одинъ англійскій писатель-соціалистъ.

Онъ не былъ симпатиченъ Обану и очень хорошо это зналъ, потому что этотъ послѣдній не скрывалъ своихъ симпатій и антипатій, но тѣмъ не менѣе писатель всегда пользовался случаемъ, чтобы съ нимъ заговорить.

Со своей стороны Обанъ зналъ, что все что онъ скажетъ будетъ передано этимъ навязчивымъ че-

ловѣкомъ въ своеобразномъ освѣщеніи, а потому посмотрѣлъ на него въ упоръ и ничего не отвѣчалъ. Пріемъ былъ не изъ любезныхъ и спрашивавшій немного смутился.

„Не думаете ли вы, что буржуазія способна не остановиться ни передъ какой несправедливостью для защиты своихъ гнусныхъ привилегій?“ продолжалъ тотъ.

„Конечно, я въ этомъ увѣренъ и думаю, что вы поступали бы такъ-же точно, будь вы у власти“; и Обанъ посмотрѣлъ на докучливаго собесѣдника съ высокомѣрной и саркастической улыбкой, за которую его такъ ненавидѣли тѣ, кого онъ не любилъ; затѣмъ, не ожидая отвѣта онъ слегка поклонился и вошелъ въ вагонъ подошедшаго поѣзда, который черезъ нѣсколько секундъ умчалъ его вдаль.

III.

Безъ работы.

Настало то время года, когда жители города расположеннаго на берегахъ Темзы могли наслаждэться обычнымъ зрѣлищемъ, повторяющимся ежегодно: тысячи несчастныхъ, которымъ грозитъ постоянно голодная смерть доведенные до отчаянія холодомъ, выходятъ изъ своихъ жалкихъ притоновъ и собираются на площади предназначенной для увѣковѣченія „славныхъ дней“ въ памяти грядущихъ поколѣній.

— Что дѣлать, чтобы прожить завтрашній день? Какъ безъ работы и безъ хлѣба существовать въ теченіи длинной зимы?

Несчастные, которые уже давно примирились съ мыслію, что они не имѣютъ права ни на малѣйшій клочекъ земли и ни на какое имущество, эти несчастные не имѣли даже возможности работать, какъ вьючныя животныя для того, чтобы избавиться отъ стальныхъ объятій голода, этого вѣрнаго спутника нищеты. Они были доведены до отчаянія и поэтому отважились наконецъ всенародно заявить о своихъ бѣдствіяхъ.

Былъ конецъ октября, ночи становились длиннѣе, холодъ и сырость царитъ въ жилищахъ бѣдняковъ; съ ранняго утра Трафальгаръ-сквэръ начиналъ наполняться жалкими фигурами. Онѣ стекались со всѣхъ концовъ столицы; какъ счастливы были тѣ, которые еще не были вынуждены поки-

нуть свои трущобы, какъ счастливы были тѣ, которые еще не были вынуждены покинуть свои трущобы, какъ счастливы были тѣ, которые могли еще заработать достаточно, чтобы получить пріютъ въ *lodging-house*... но большинство этихъ несчастныхъ проводили ночи на скамейкахъ набережныхъ. или въ проходахъ Ковентъ-Гардена.

Въ этотъ счастливый юбилейный годъ *unemployed* заставляли опять много говорить о себѣ... Они уже въ теченіи тридцати-пяти лѣтъ при наступленіи холоднаго времени года показывали богатымъ свою нищету; съ каждымъ годомъ число ихъ росло, съ каждымъ годомъ они становились болѣе твердыми и представляли болѣе опредѣленныя требованія.

Они не принадлежали ни къ какой партіи, у нихъ не было своего представителя въ парламентѣ, у нихъ не было никакихъ выработанныхъ правилъ, а между тѣмъ они дѣйствовали замѣчательно дружно, объединенные общей нищетой. Откуда появляются въ эпохи политическихъ и общественныхъ волненій эти невѣдомые союзники? Они точно крысы выходятъ изъ подземелій; отъ этой великой арміи, на которую никто не разсчитываетъ, часто зависитъ исходъ борьбы. Эти безымянные безвѣстные и безправные партіи вдругъ появляются на аренѣ борьбы... Это народъ... Никто не думалъ о немъ, всѣ знали что у него нѣтъ никакихъ правъ, но вотъ въ одинъ прекрасный день онъ просыпается, вмѣшивается въ борьбу и разстраиваетъ всѣ разсчеты...

Всѣ эти шарлатаны, для которыхъ народъ служилъ только средствомъ для достиженія славы, всѣ эти наглые обманщики, которые именемъ народа прикрывали свои беззаконныя и насильственныя дѣянія — всѣ они летятъ въ бездну. Они обманывали, продавали этотъ народъ, видя въ немъ только пустое слово годное для ихъ

жонглерскихъ упражненій... и вдругъ оказывается, что за этимъ словомъ скрывается дѣйствительно нѣчто осязаемое и страшное.

Буржуазія и правительство показали себя въ этомъ случаѣ такими же какими они показывали себя всегда: безъ сердца и безъ чутья Когда зрѣлище продолжалось очень долго и становилось очень непріятнымъ, они призывали полицію, которая очищала сквэръ, бѣдняки направлялись въ Гайдъ-Паркъ, затѣмъ вскорѣ возвращались въ Трафальгаръ-Сквэръ, откуда полиція вновь грубо ихъ выгоняла. Очевидно старались вызвать столкновеніе для того, чтобы вывести изъ терпѣнія и имѣть предлогъ арестовать и привлечь къ суду многихъ изъ нихъ. Если бѣдняки обращались къ правительству, то это послѣднее отказывалось принимать ихъ прошенія и они возвращались съ пустыми руками, еще болѣе измученные, болѣе озлобленные, но несчастные не обладали однако достаточной вѣрностью взгляда, чтобы видѣть, что причиною ихъ отчаяннаго положенія является общественный строй и правительство. И вотъ они съ ранняго утра густыми толпами осаждаютъ рѣшетки доковъ, гдѣ нагрузка и разгрузка судовъ даютъ ежедневно занятіе извѣстному количеству людей; они ждутъ по цѣлымъ часамъ, ожесточенно толкаясь, чтобы пробраться въ первые ряды и быть взятыми на работу. Получить работу, хотя на полъ-дня, вѣдь это значитъ кусокъ хлѣба и пріютъ на ночь... это значитъ имѣть возможность прожить до завтрашняго дня. Но число этихъ счастливцевъ очень не велико въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которые возвращаются съ пустыми руками!...

Нѣсколько недѣль уже дѣло обстояло такъ: лондонскія газеты разливались соловьями объ *unemployed*, наполняя цѣлые столбцы своими разсужденіями, давая самые удивительные совѣты,

но не находя однако ни одного правдиваго слова, не понимая, гдѣ надо искать рѣшенія вопроса, всѣ въ одинъ голосъ съ трогательнымъ единодушіемъ говорили, что для благоустроеннаго общества позорно допускать подобныя сборища среди бѣла дня. Эти бѣдняки могли умирать отъ голода днемь или отъ холода ночью, но должны были дѣлатъ это съ нѣкоторой благопристойностью; если они будутъ околѣвать въ своихъ норахъ, то чувства любителей прекраснаго не будутъ оскорблены...

Въ предпослѣднее воскресенье этого печальнаго мѣсяца, Труппъ рѣшилъ послѣ полудня лично ознакомиться съ этимъ движеніемъ, которое онъ зналъ, только по разсказамъ своихъ товарищей по мастерской. Около полудня отправился въ Клеркенуэль-Гринъ, гдѣ уже съ давнихъ поръ собираются представители различныхъ партій; тамъ онъ прослушалъ нѣсколько рѣчей, которыя привели его въ ярость, затѣмъ присоединился къ довольной густой колоннѣ безработныхъ, съ краснымъ знаменемъ во главѣ направлявшихся къ Странду и Трафальгаръ-Сквэру. Онъ не встрѣтилъ никого изъ знакомыхъ и охотно вступилъ въ разговоръ съ однимъ изъ манифестантовъ шедшихъ рядомъ съ нимъ, который, увидя, что Труппъ закурилъ, попросилъ у него табаку. „Это, чтобы заглушить голодъ“ сказалъ бѣднякъ, какъ-он извиняясь за свою смѣлость. Труппъ говорилъ по англійски очень плохо и скорѣе догадывался, что говоритъ ему его собесѣдникъ, нежели понималъ его, однако-же разговоръ ихъ былъ очень оживленный, Труппу пришла хорошая мысль купить нѣсколько сандвичей для несчастнаго, который казался больнымъ и измученнымъ.

У него была еще работа, но на сколько времени? этого онъ не могъ сказать. Его исторія была очень печальна, однако не болѣе печальна нежели исторіи многихъ его товарищей. Лѣтомъ

дурно оплачиваемая тяжелая работа, затѣмъ вдругъ безработица, домашній скарбъ понемногу идетъ къ старьевщику, послѣднія средства изсякаютъ, ребенокъ умираетъ отъ лишеній, жена въ *workhouse* самъ онъ...

„Но я скорѣе повѣшусь, нежели пойду туда", заключилъ бѣднякъ.

Труппъ внимательно посмотрѣлъ на него: это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ.

„Какъ вы полагаете, сколько теперь въ Лондонѣ безработныхъ?" спросилъ онъ его,

„Больше ста тысячъ, а если вы будете считать „женщинъ и дѣтей, то и гораздо больше... можетъ „быть полъ-милліона. Вѣдь три четверти не ходятъ въ Трафальгаръ-Сквэръ; среди тѣхъ, кто „тамъ собирается есть и нищіе по профессіи и „*pickpockets* (карманные воры, и просто бездѣльники, „которые присоединяются къ толпѣ *unemployed* „не имѣя съ ними ничего общаго; мы требуемъ „только работы, чтобы честно зарабатывать себѣ „хлѣбъ. Къ несчастію намъ работы не даютъ и „оставляютъ насъ умирать съ голоду. Да вотъ „вамъ—вчера мы были въ *Board of Works*...

„Что это такое?—спросилъ Труппъ, мало знакомый съ муниципальными учрежденіями Лондона.

„Это управленіе городскими работами. Оно находится вблизи сквэра. Одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ сказалъ, что можно было бы уже начать давно эти пресловутыя работы на Темзѣ, о „которыхъ столько говорили, сколько рукъ было „бы тамъ занято! Другой говорилъ объ городскихъ „водосточныхъ трубахъ и объ рабочихъ поселкахъ, „которые слѣдовало бы построить въ окрестностяхъ „города. Они не хотятъ, они не хотятъ! И подумаешь, что ежегодно имѣется два съ половиною „милліона фунтовъ стерлинговъ для раздачи бѣд-

„нымъ, причемъ два милліона пожертвованій!... „Куда дѣваются всѣ эти деньги, желалъ-бы я „знать?“

„ Все это прилипаетъ къ рукамъ администра-„ціи, которая однако является просто слугою на-„рода“, сказалъ Труппъ слушавшій съ большимъ „вниманіемъ.

„Мы были также въ полицейской префектурѣ „и тамъ насъ предупредили, что тотъ у кого не „будетъ работы и квартиры и кто откажется идти „въ *workhouse*, будетъ приговоренъ къ тюремному „заключенію“.

„Какое у васъ ремесло?“

„О, я дѣлаю всего понемножку: когда надо „ѣсть, то принимаешься за то, что находишь. Те-„перь около двухъ мѣсяцевъ работаю на фабрикѣ „консервовъ; я дѣлаю жестяныя коробки. Въ день „работаешь двѣнадцать часовъ, меньше никогда, „но больше—очень часто; бываютъ дни, что рабо-„таемъ четырнадцать часовъ“.

„А сколько вы зарабатываете?“

„Когда работа идетъ хорошо, то восемь шил-„линговъ въ недѣлю, но въ среднемъ отъ шести „до семи“.

Труппъ уже нѣсколько недѣль жилъ въ Истъ-Эндѣ и зналъ какова заработная плата англій-скихъ рабочихъ. Онъ зналъ семьи изъ восьми человѣкъ, зарабатывавшія съ трудомъ двѣнад-цать шиллинговъ въ недѣлю, изъ которыхъ четыре надо было отдать за квартиру. Труппъ зналъ также, что съ нѣкотораго времени, работницы выдѣлывающія спичечныя коробки, бумажные мѣшки и другія мелкія вещи,—буквально голо-даютъ. Голодъ въ центрѣ самой богатой изъ столицъ! Труппъ невольно сжималъ кулаки.

Самъ онъ не находился въ такомъ критиче-скомъ положеніи; онъ былъ механикъ и хорошій работникъ, такъ что ему никогда не грозила

опасность остаться безъ работы; онъ выросъ въ нуждѣ, нужду онъ видѣлъ всюду, куда ни путешествовалъ, но то, что онъ видѣлъ въ Лондонѣ превосходило все, что онъ встрѣчалъ гдѣ-либо.

Онъ вынулъ изъ кармана брошюрку, о которой вдругъ вспомнилъ: это былъ „*JubileeManiesto*“ соціальдемократической лиги. Труппъ перечитывалъ его на ходу и запоминалъ цифры.

Въ Англіи 4 милліона людей живутъ на счетъ общественной благотворительности; треть дѣтей въ *Boards-schools* питается недостаточно; въ этомъ году въ Лондонѣ 54 человѣка умерло съ голоду, проститутокъ въ Лондонѣ насчитывается до 80,000!...

Таковы были результаты пятидесяти лѣтъ прогресса...

„Вы должны винить только самихъ себя“ сказалъ Труппъ своему собесѣднику, въ то время какъ они шли по Флитъ-Стритъ, улицѣ большихъ газетъ, названія которыхъ изображенныя громадными золотыми буквами виднѣлись всюду. „Вы „должны винить только самихъ себя: ваша вина, „что земля вамъ не принадлежитъ больше. Все „это происходитъ отъ вашей апатіи и отъ вашего „равнодушія; вы сами себѣ худшіе враги. Вы „должны гораздо больше опасаться самихъ себя „нежели всѣхъ этихъ никуда не годныхъ людишекъ въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ: вѣдь „ихъ только горсть“.

„А, сейчасъ видно, что вы соціалистъ“, отвѣчалъ собесѣдникъ Труппа, смѣясь.

Тотъ только плечами пожалъ.

„Вотъ посмотрите“, началъ онъ снова на своемъ ломаномъ англійскомъ языкѣ, „вѣдь вы на„полнили всѣ эти лавки, работая въ потѣ лица; „эти магазины полные хорошей и теплой одежды „принадлежатъ вамъ и вашимъ дѣтямъ, у кото„рыхъ зубъ на зубъ не попадаетъ отъ холоду“,

Въ безчисленной толпѣ проходившей мимо роскошныхъ магазиновъ не было ни одного человѣка, который не былъ-бы глубоко убѣжденъ въ справедливости этихъ словъ, а между тѣмъ они шли молча, удрученные и измученные, едва имѣя достаточно силы, чтобы передвигать изможденное тѣло передъ этими сытыми людьми. Ни одна изъ эихъ рукъ утомленныхъ непрерывной работою для обогащенія другихъ, не поднялась для того, чтобы взять что либо изъ богатствъ, которыя онѣ произвели

Медленными и неувѣренными шагами проходили по этимъ кварталамъ роскоши и излишества несчастныя существа, которымъ не оставили ни клочка земли, ни тѣни пресловутыхъ правъ человѣка, ни малѣйшихъ средствъ къ существованію. Одно присутствіе ихъ уже было самымъ краснорѣчивымъ обвинительнымъ актомъ противъ общественныхъ учрежденій нашего времени; этого было достаточно, чтобы заставить усумниться въ божественномъ правосудіи; странная логика: ихъ считали язвою эпохи, тогда какъ они существовали именно, благодаря язвамъ эпохи... Конецъ вѣка одержимъ такимъ нравственнымъ недугомъ, что понятія смѣшиваются; виноватые думаютъ, что послѣдствія ихъ проступковъ на нихъ не отзовутся, если они будутъ стараться помѣняться ролями и будутъ принимать причину за слѣдствіе.

Эти мысли не давали покоя Труппу въ то время, какъ кортежъ двигался по шумной запруженной народомъ улицѣ уходившей въ безконечную даль. По мѣрѣ приближенія къ Трафальгаръ-Сквэру число манифестантовъ становилось все болѣе и болѣе значительнымъ; Труппъ и его случайный собесѣдникъ продолжали идти рядомъ, но молча, каждый погруженный въ свои размышленія; Труппъ замѣтилъ, что его слова произ-

вели впечатлѣніе на нѣкоторыхъ и что объ нихъ разсуждали.

„Это все проклятые нѣмцы, вскричалъ одинъ молодой рабочій; „это изъ за нихъ мы все терпимъ, они понижаютъ заработокъ...“

Въ то же время онъ угрожающе смотрѣлъ на Труппа.

Этотъ послѣдній очень хорошо понималъ въ чемъ дѣло; онъ очень часто видѣлъ, какъ эксплуататоры пользовались легковѣріемъ и невѣжествомъ народа, стараясь обвинить во всѣхъ бѣдствіяхъ „*bloody Germans*“ („проклятыхъ нѣмцевъ“. Но Труппъ былъ мущина внушительнаго вида и его бородатое лицо не выражало особой кротости, а потому молодой рабочій счелъ болѣе осторожнымъ не идти дальше въ выраженіи своихъ анти-германскихъ чувствъ. Съ другой стороны Труппъ тоже не былъ вовсе расположенъ разсѣивать его предубѣжденія противъ нѣмецкихъ рабочихъ, которые „пріѣзжаютъ въ Англію для того, чтобы красть хлѣбъ у англійскихъ рабочихъ“.

Труппъ думалъ о другомъ; онъ думалъ о причинахъ заставлявшихъ этихъ столь ненавистныхъ здѣсь нѣмцевъ уходить въ изгнаніе. Они покидали родную землю не только съ цѣлью найти лучше оплачиваемую работу, но также и въ надеждѣ найти жизнь болѣе свободную, менѣе недостойную мыслящаго существа. Они принуждены были бѣжать отъ тираніи исключительнаго закона, который имѣлъ цѣлью уничтожать мысль, душить слово и слѣдить за всѣми дѣйствіями людей.

Выйдя на площадь, гдѣ находился сквэръ, Труппъ былъ очень удивленъ, увидя густую толпу, которая занимала почти всю площадь, а въ прилегающихъ улицахъ движеніе экипажей и пѣшеходовъ было также велико, какъ и въ будни.

Вновь прибывшіе были встрѣчены восторженными рукоплесканіями; Труппъ вышелъ изъ ря-

довъ и сталъ недалеко отъ отеля Морлей, такъ что могъ видѣть весь сквэрь. Толпа манифестантовъ смѣшалась съ людьми находившимися въ сквэрѣ; тотъ, который несъ красное знамя, вмѣстѣ со многими другими сталъ у подножія колонны Нельсона; одинъ изъ вновь прибывшихъ сталъ говорить рѣчь, яростно жестикулируя. Въ самой рединѣ толпы внимательно слушавшей оратора, Труппъ замѣтилъ много кожаныхъ касокъ полицейскихъ.

Труппъ увидѣлъ, что толпа точно обезумѣла: изъ тысячи грудей вырвался крикъ негодованія и ужаса; это людское море колыхнулось и его живыя волны перекатывались черезъ ступени памятника съ сѣверной стороны и разливались въ сосѣднія улицы. Полиція атаковала толпу, не сдѣлавъ никакого предупрежденія и не имѣя никакой причины для нападенія; толпа принуждена была отхлынуть передъ значительными силами полиціи,

Страшная ярость овладѣла Труппомъ при видѣ этой намѣренной, расчитанной грубости; онъ пробрался черезъ толпу стоявшую на мостовой къ каменной оградѣ сквэра и могъ видѣть, какъ полицейскіе работали ногами и руками, раздавая тумаки направо и налѣво совершенно безобиднымъ людямъ, бросаясь какъ дикіе звѣри на всякаго, кто пытался защищаться. Одному молодому человѣку удалось вырваться отъ нихъ и онъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ одному изъ выходовъ, но всѣ выходы были заняты полицейскими и онъ получилъ опять изрядное количество тумаковъ.

Труппъ однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ балюстраду и побѣжалъ прямо къ колоннѣ.

Человѣкъ несшій красное знамя былъ тамъ одинъ; онъ сидѣлъ согнувшись, крѣпко держа въ рукахъ древко, какъ бы рѣшившись уступить только въ крайности; по близости отъ него нѣкоторые изъ ораторовъ ждали конца свалки,

Скоро полицейскіе медленно отошли къ колоннѣ и выстроились около нея. Толпа послѣдовала за ними и скоро скверъ опять былъ занятъ безработными и громко требовавшими продолженія рѣчей.

Цоколь колонны опять изчезъ въ морѣ человѣческихъ существъ тѣснившихся около ораторовъ; одинъ товарищъ лѣтъ тридцати всталъ передъ краснымъ знаменемъ: это былъ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и любимыхъ ораторовъ среди *unemployed*. Его блѣдное лицо выражало крайнее возбужденіе и онъ бросалъ на полисменовъ взгляды полные невыразимаго презрѣнія и непримиримой ненависти. Онъ не успѣлъ еще раскрыть рта, какъ одинъ констэбль заявилъ, что при первомъ словѣ призывающемъ къ мятежу, онъ долженъ будетъ арестовать оратора. Молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ. Труппъ былъ совсѣмъ близко отъ полицейскихъ, такъ что иногда даже, когда толпа напирала, сходился съ ними лицомъ къ лицу: тѣмъ не менѣе онъ поднялъ руки надъ головой и оглушительно крикнулъ; „*Go on*“ (Ступайте сюда, попробуйте). Этотъ крикъ повторила вся толпа, оглушительно апплодируя. Полиція сначала повидимому намѣревалась еще разъ разогнать толпу выражавшую слишкомъ ясно свои чувства, но однако намѣреніе не было приведено въ исполненіе и ораторъ началъ свою рѣчь. Онъ упомянулъ о правѣ на свободу слова, правѣ которое въ Англіи безуспѣшно старались уничтожить и затѣмъ обратился къ толпѣ, говоря, что всѣ пришли сюда въ Трафальгаръ-Скверъ съ тѣмъ, чтобы передъ всѣмъ свѣтомъ заявить о своемъ отчаяніи и потребовать работы или хлѣба, что всѣ будутъ собираться здѣсь, среди всѣхъ этихъ богатствъ созданныхъ трудами ихъ рукъ, до тѣхъ поръ пока ихъ требованія не будутъ удовлетворены. Ни одно стекло не было разбито, ни одинъ кусокъ хлѣба не былъ

украденъ и тѣ, кто утверждалъ противное, лгали. Конечно, многіе только и ждутъ того, чтобы манифестанты совершили какое нибудь насильственное дѣйствіе: развѣ это не было-бы прекраснымъ предлогомъ, чтобы запретить митингъ и дать возможность вмѣшаться полиціи, которая всегда готова броситься на народъ?...

Въ эту минуту Труппъ замѣтилъ одного репортера, который съ совершенно равнодушнымъ видомъ дѣлалъ замѣтки: Труппъ чуть не вырвалъ у него изъ рукъ записную книжку и карандашъ. Страшно разстроенный всѣми этими сценами Труппъ хотѣлъ уйти, но толпа была такъ густа, что онъ пробирался съ большимъ трудомъ, и могъ замѣтить, что въ Трафальгаръ-Скверѣ были не одни только рабочіе не имѣющіе работы; тутъ были и тѣ темныя личности, которые, какъ крысы выходятъ изъ лондонскихъ трущобъ при всякомъ удобномъ случаѣ, тутъ были и просто любопытные со всѣхъ концовъ Лондона, голодныя и растрепанныя женщины съ дѣтьми на рукахъ и расфранченныя куклы Вестъ-Энда; эти послѣднія пришли сюда послѣ того, какъ убѣдились, что опасности никакой нѣтъ. Труппъ могъ видѣть всевозможные типы въ толпѣ наполнявшей площадь. Но онъ былъ въ особенности возмущенъ вызывающимъ и насмѣшливымъ видомъ одного джентельмена, который громко сказалъ:

— «Экая ерунда»...

Это было уже черезъ чуръ дерзко съ его стороны, хотя онъ не безъ основанія могъ полагаться на терпѣніе и великодушіе народа, а также на дубинки и револьверы полицейскихъ; угрожающій ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ, на которую этотъ джентльменъ смотрѣлъ съ вызывающимъ видомъ.

«У тебя отобьютъ охоту смѣяться, мерзавецъ» подумалъ Труппъ.

Въ ту же минуту ловкій ударъ кулака надвинулъ до ушей цилиндръ дерзкаго; толпа разразнилась хохотомъ, а джентльмену уже конечно теперь было не до смѣху. Толпа сильно всколыхнулась: полиція опять пустила въ ходъ кулаки, хотя этотъ случай и не былъ ею замѣченъ. Труппъ былъ увлеченъ толпою и очутился на восточной сторонѣ сквера.

Между тѣмъ скверъ наполнился опять народомъ и ораторы въ разныхъ концахъ его обращались съ рѣчью къ толпѣ. То, что говорилось не всегда строго соотвѣтствовало цѣли манифестаціи, а то и вовсе не соотвѣтствовало. Въ голосѣ многихъ изъ этихъ случайныхъ трибуновъ слышалось скорѣе удовольствіе слушать собственныя звонкія и пустыя фразы, нежели гнѣвъ на существующія злоупотребленія и желаніе пробудить въ своихъ слушателяхъ негодованіе на эти злоупотребленія. Труппъ не могъ удержаться отъ злой улыбки, когда услышалъ, какъ одинъ профессіональный ораторъ распинался по поводу страданій и нищеты въ Англійской Индіи; развѣ разоблаченіе гнусностей совершенныхъ тамъ правительствомъ Ея Милостиваго Величества могло сколько нибудь помочь устраненію тѣхъ гнусностей жертвами которыхъ были слушатели?

Въ это время вниманіе механика было привлечено свистками и хохотомъ толпы и обернувшись онъ увидѣлъ одного изъ этихъ жалкихъ фанатиковъ, которые всегда пользуются подобными случаями для того, чтобы пытаться привести народъ на лоно нашей матери святой церкви, внѣ которой нѣтъ спасенія. Слѣпцы съ поспѣшностью стараются убѣждать бѣдняковъ спокойно пребывать въ униженіи и бѣдности, а богачей въ ихъ эгоизмѣ и сытости. Труппъ съ любопытствомъ разглядывалъ проповѣдника одѣтаго въ черное; это выбритое лицо, эти опущенные внизъ глаза, сла-

щавый голосъ, были бы ему глубоко противны даже и въ томъ случаѣ еслибы проповѣдникъ этотъ не состоялъ на жалованьи у одного учрежденія, которое онъ, Труппъ, считалъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ на поприщѣ нравственнаго угнетенія и одурманенія народа.

Но бѣдный проповѣдникъ имѣлъ дѣло съ очень неблагодарными слушателями; на увѣщанія его отвѣчали смѣхомъ, свистками и ругательствами. Наконецъ многіе стали кричать, ему, чтобы онъ уходилъ по добру по здорову; однако же миссіонеръ продолжалъ невозмутимо говорить свою скучную проповѣдь, которую никто не слушалъ и нужно было прибѣгнуть къ особому средству, чтобы заставить его уйти: яйцо брошенное мѣткой рукой разбилось объ губы проповѣдника и въ одну минуту онъ былъ обрызганъ съ головы до ногъ желтоватой и зловонной жидкостью. Это было уже слишкомъ, даже для мученика христіанской вѣры: кашляя и отплевываясь онъ поспѣшилъ удалиться провожаемый язвительными насмѣшками всѣхъ присутствующихъ. Труппъ пожалъ плечами, подумавъ, что этотъ недогадливый человѣкъ получилъ по заслугамъ; онъ, Труппъ хотѣлъ, чтобы всѣмъ тѣмъ, кто презираетъ народъ и издѣвается надъ справедливостью зажимали-бы глотку подобнымъ образомъ.

Онъ обошелъ кругомъ скверъ и пройдя мимо фонтановъ, бассейны которыхъ были усѣяны всевозможными отбросами, направился къ сѣверной сторонѣ площади. Тамъ еще говорились рѣчи обращенныя къ безработнымъ, ораторы вскарабкались на широкую балюраду и стояли на ней, держась за уличные фонари.

Въ одномъ изъ этихъ неистовыхъ, Труппъ узналъ члена той соціалистической партіи, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Онъ не могъ разслышать всего, но по нѣкоторымъ долетавшимъ

до него словамъ, понялъ, что его товарищъ указываетъ на страшное развитіе капиталистической эксплуатаціи, на все болѣе и болѣе грозныя возмущенія эксплуатируемыхъ доведенныхъ до голоданія, на ничтожество средствъ употребляемыхъ для подавленія этихъ возмущеній, на вздорность предразсудка глубоко укоренившагося среди большинства, что нищета нѣкоторыхъ классовъ общество происходитъ отъ недостаточности естественныхъ богатствъ. Затѣмъ онъ говорилъ объ соціалистическихъ и коммунистическихъ ученіяхъ, согласно которымъ излишекъ богатствъ долженъ быть раздѣленъ между всѣми. Онъ говорилъ рѣзкимъ, образнымъ языкомъ, порой непослѣдовательно, но всегда увлекательно.

Однако впечатлѣніе его рѣчи на толпу повидимому было не очень сильно; правда, число слушавшихъ внимательно рѣчи было не велико, большинство же находилось постоянно въ движеніи, переходя отъ одной группы къ другой. Часто даже ораторы напрасно надсаживались, потому что ихъ слова заглушались шумѣвшей толпой.

Скамейки на сѣверной сторонѣ сквера были заняты дѣтьми, которые, не боясь никого, развлекались тѣмъ, что производили адскій шумъ; это были скороспѣлые негодяи, извѣстные въ Лондонѣ подъ именемъ „арабовъ", выброшенные на улицу своими родителями если они у нихъ есть и безжалостно преслѣдуемые полисменами; жалкія существа, у которыхъ не бываетъ молодости, которые никогда не ѣли до сыта и никогда не имѣли на себѣ чистаго платья. Они кричали и хохотали толкаясь и прыгая по скамейкамъ покрытымъ грязью; одинъ изъ нихъ ухитрился даже простоять нѣкоторое время на спинкѣ скамьи, откуда онъ передразнивалъ ораторовъ, махая руками и бормоча всякую безсмыслицу, пока наконецъ товарищи не сбросили его внизъ къ общей потѣхѣ.

Прежняя горькая улыбка появилась на устахъ Труппа; онъ думалъ, что, нельзя было найти болѣе горькой пародіи на горькую истину.

Всюду кругомъ онъ видѣлъ грязныя лица изможденныя и состарившіяся преждевременно отъ разврата, всюду нищета, голодъ, паденіе...

Эти люди были его братья, онъ чувствовалъ что неразрывныя узы одинаковой участи связываютъ его съ ними.

Наконецъ густая толпа стоявшая около колонны Нельсона всколыхнулась; красное знамя возвышавшееся надъ этимъ моремъ головъ, двинулось по направленію къ Вестминстеру и всѣ безъ всякихъ напоминаній послѣдовали за нимъ. Громадная площадь опустѣла и толпа двинулась подобная гигантскому пресмыкающемуся, которое все увеличивалось по пути. Шествіе прошло мимо Уайтхолля, гдѣ сосредоточено столько различныхъ управленій и съ которымъ связано столько историческихъ воспоминаній, мимо двухъ конногвардейцевъ въ блестящей формѣ на прекрасныхъ сытыхъ лошадяхъ стоявшихъ на часахъ, мимо толпы любопытныхъ стоявшихъ по обѣ стороны улицы и спѣшившихъ присоединиться къ шествію. Труппъ шелъ среди манифестантовъ и пульсъ его бился болѣе учащеннымъ темпомъ подъ вліяніемъ пережитыхъ волненій.

По мѣрѣ того, какъ шествіе подвигалось впередъ башни парламента выплывали по немногу изъ густого тумана стоявшаго въ воздухѣ. Дойдя до Вестминстерскаго аббатства, толпа наполнила его паперти; Труппъ старался увидѣть, что происходило въ первыхъ рядахъ. Ахъ, если-бы произошло столкновеніе, говорилъ онъ про себя.

Но повидимому ничего подобнаго нельзя было опасаться, красное знамя спокойно прошло вдоль фасада и исчезло за угломъ, а за нимъ въ порядкѣ послѣдовала вся колонна манифестантовъ.

Куда она направлялась? Разныя догадки высказывались въ толпѣ, но затѣмъ всѣ смолкли, когда увидѣли, что голова колонны входитъ въ аббатство черезъ восточный порталъ.

Труппъ очутился въ «углу поэтовъ». Онъ видѣлъ бюсты, читалъ надписи, но имена ничего не говорили ему. Что это были за знаменитые писатели собранные здѣсь? Онъ ихъ не зналъ; между тѣмъ, того поэта, котораго произведенія онъ читалъ и перечитывалъ постоянно, хотя и не все понималъ,—Шелли, здѣсь не было и Труппъ удивлялся этому. Правда, что ему не знакома была британская узость взглядовъ, благодаря которой авторъ «Царицы Мабъ» до сихъ поръ еще не помѣщенъ въ этомъ національномъ святилищѣ генія.

Манифестанты попали какъ разъ къ серединѣ богослуженія; изъ глубины громаднаго зданія неясно доносился монотонный голосъ священника, который продолжалъ службу послѣ короткаго перерыва. Молящіеся сначала испуганные вторженіемъ этой массы успокоились, видя невозмутимость священнослужителя. Труппъ не понималъ ни одного слова изъ богослуженія, да и трудно было уловить что-либо, такъ какъ вновь прибывшіе только первое время были молчаливы и сосредоточены, поддавшись невольно очарованію свѣжаго сумрака храма; тѣ которые сняли было шляпы, снова ихъ надѣли и начались разговоры въ полголоса. Труппъ сѣлъ на скамейку; онъ чувствовалъ, что его охватываетъ странное неопредѣленное волненіе, волненіе, котораго онъ уже давно не испытывалъ. Чѣмъ болѣе ограничено бываетъ вокругъ насъ пространство, тѣмъ болѣе угнетается наша мысль, она бьется о стѣны давящей ее тюрьмы; чѣмъ болѣе расширяются эти стѣны, тѣмъ болѣе мы склонны забыть даже о ихъ существованіи. Труппъ закрылъ гла-

за и около получаса сидѣлъ, потерявъ понятіе о времени и мѣстѣ.

Въ теченіи этого получаса вся жизнь его прошла передъ его умственнымъ взоромъ; это было тяжелое зрѣлище; утѣшительныхъ картинъ не было. Вотъ его жизнь:

Теперь ему тридцать пять лѣтъ; родился онъ въ бѣдной хижинѣ, въ равнинахъ Саксоніи. Отецъ его былъ простой поденьщикъ—человѣкъ тупоголовый, мать женщина сварливаго нрава; отъ нея ребенокъ унаслѣдовалъ неукротимую энергію и пылкій характеръ. Онъ постоянно ссорится съ матерью и въ одинъ прекрасный день послѣ бурной сцены, во время которой она осыпала его незаслуженными упреками, мальчикъ покидаетъ родительскій домъ: пробудившееся уже чувство справедливости возмутилось въ немъ.

Въ это время ему было пятнадцать лѣтъ; безъ копѣйки денегъ онъ скитается изъ одной деревни въ другую, пока наконецъ мучимый страшнымъ голодомъ не рѣшается попросить кусокъ хлѣба у одной женщины. Ему навѣки будетъ памятно холодное осеннее утро слѣдующаго дня, когда онъ иззябшій и голодный рѣшается наконецъ искать работы въ ближайшемъ мѣстечкѣ въ окрестностяхъ Хемница. Онъ проситъ работы у одного кузнеца, который сначала встрѣчаетъ его съ насмѣшкою, но затѣмъ, посмотрѣвъ на мускулистыя руки мальчика оставляетъ его у себя. Труппъ остается; настаетъ часъ обѣда, у него есть мѣсто за столомъ вмѣстѣ съ другими работниками; въ одно мгновеніе ока онъ съѣдаетъ свою порцію довольно скверной похлебки, вызывая насмѣшки товарищей; но какое ему дѣло до нихъ: онъ больше не голоденъ.

За работу онъ принимается съ жаромъ: дни, недѣли, мѣсяцы проходили-бы очень скоро, еслибы онъ зналъ что дѣлать по вечерамъ. Случай-

но, въ углу своей комнатки онъ находитъ книжку, которую прочитываетъ всю, не понимая ея однако. Хозяинъ застаетъ его въ одинъ вечеръ за этимъ занятіемъ, вырываетъ у него засаленную книжку и даетъ ему пощечину, крича „Я тебѣ сопляку покажу соціализмъ!“ Книга была *Рабочая программа* Фердинанда Лассаля. Для Отто слово „соціализмъ“ было такъ-же мало понятно, какъ и вся книга, да и слышалъ то онъ это слово въ первый разъ.

Однако же, благодаря этому случаю, онъ пріобрѣтаетъ друзей. Одинъ изъ рабочихъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ идей пропагандируемыхъ Всеобщимъ Союзомъ германскихъ рабочихъ, и противникомъ Эйзенахской партіи; онъ заинтересовывается Труппомъ. Сначала онъ даетъ ему журналъ, напечатанный на сѣрой бумагѣ; юноша изъ этого журнала гораздо лучше понимаетъ всѣ пороки современнаго общества нежели изъ ученыхъ трудно понимаемыхъ статей родоначальника соціализма въ Германіи. На этотъ разъ Отто все понимаетъ, да и какъ ему было не понять, когда такъ ясно были описаны всѣ возмутительныя злоупотребленія однихъ людей и тѣ страданія, какія приходится испытывать другимъ? Горе и негодованіе овладѣваютъ имъ; сердце его полно ненавистью и любовью: ненавистью къ угнетателямъ, любовью къ угнетеннымъ. Отнынѣ для него все человѣчество представляетъ двѣ касты рѣзко отличающіяся другъ отъ друга; съ одной стороны, буржуа эксплуататоръ, бандитъ презирающій работу, съ другой—эксплуатируемый рабочій, несчастная жертва угнетенія.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Когда девятнадцати лѣтъ Труппъ покидаетъ это мѣстечко, то онъ умѣетъ читать и писать, благодаря своему неусыпному труду; кромѣ того онъ прекрасный рабочій—это значится у него въ аттестатѣ,

Съ этого времени онъ начинаетъ путешествовать. Франко-прусская война только что кончилась; Труппъ ѣдетъ въ Мюнхенъ и Нюренбергъ, гдѣ онъ совершенствуется въ своемъ ремеслѣ, работая цѣлый годъ на крупной фабрикѣ.

Онъ остается все время вѣренъ «самымъ передовымъ идеямъ», но не соглашается однако съ тѣми пріемами, которые употребляютъ апостолы этихъ идей дѣлая изъ нихъ догматы, отъ которыхъ нельзя уклоняться подъ угрозой быть объявленнымъ еретикомъ. Онъ жаждетъ узнать, что дѣлается и что говорится заграницей; сначала онъ направляется въ Швейцарію и тамъ, переходя съ мѣста на мѣсто добирается до Женевы. Здѣсь онъ впервые слышитъ слово «анархизмъ»; въ Германіи онъ ничего не слышалъ о немъ, да и здѣсь никто еще не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи новаго ученія, никто еще не представляетъ себѣ даже приблизительно, каково можетъ быть значеніе его въ будущемъ.

Въ двадцать два года онъ является сторонникомъ революціи, до этого времени онъ былъ только сторонникомъ реформъ. Онъ попадаетъ въ общество составленное изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ — тутъ и заговорщики и эмигранты всѣхъ возрастовъ, мужчины и женщины, всѣ они являются сторонниками революціи, всѣ они пострадали въ общественной борьбѣ. Они находятся въ лихорадочно-нетерпѣливомъ ожиданіи, въ возбужденномъ состояніи духа, благодаря горячему желанію «сдѣлать что-нибудь», чувствуя въ тоже время, что становятся все болѣе и болѣе чуждыми жизни собственнаго отечества.

Молодые говорятъ Труппу о своихъ надеждахъ; старые о своихъ разочарованіяхъ и о своихъ... упованіяхъ. Отъ времени до времени то тотъ, то другой исчезаетъ: онъ отправляется вы-

полнять «порученіе». Новыя лица появляются и тоже исчезаютъ такъ, что даже имена не остаются въ памяти.

Это время было эпохой въ существованіи Труппа.

Карлъ Марксъ основалъ *Интернаціоналъ* въ 1864 г. Основная идея его различно была понята его послѣдователями, изъ которыхъ одни защищали частную собственность, а другіе возставали противъ нея, одни проповѣдывали коллективизмъ, тогда какъ другіе терялись въ неопредѣленныхъ и туманныхъ областяхъ коммунизма; конгрессы показывали, что расколъ все увеличивается. Вдругъ желѣзная рука вмѣшивается въ дѣла партіи и дѣлаетъ разрывъ неизбѣжнымъ и окончательнымъ. Бакунинъ, русскій офицеръ, ученикъ Гегеля, вождь дрезденскаго возстанія, повелитель Саксоніи въ теченіи трехъ дней, сибирскій ссыльный, вступаетъ въ борьбу съ знаменитымъ авторомъ библіи коммунизма.

Въ 1868 году образуется *Соціальдемократическій союзъ*; за годъ передъ тѣмъ какъ Труппъ оставилъ родину—*Конфедерація Юры*, которая будетъ колыбелью анархизма. Труппъ остается три года въ Швейцаріи и изучаетъ французскій языкъ. Когда онъ былъ въ Бернѣ, передъ отъѣздомъ изъ этой гостепріимной страны, то тамъ разыгралась послѣдняя сцена эпической борьбы. Михаилъ Бакунинъ покинутъ всѣми; напрасно онъ старается набрать новыхъ послѣдователей взамѣнъ тѣхъ, которые его покинули, конецъ близокъ, никто не становится больше подъ знамя, клочья котораго уносятся съ каждымъ порывомъ вѣтра. Тотъ кто поднялъ это знамя, не достигъ своей цѣли разрушить общественный строй, но ему удалось посѣять раздоръ среди торжествующаго Интернаціонала.

Труппъ былъ однимъ изъ послѣднихъ при-

верженцевъ Бакунина; въ двадцать-четыре года онъ террористъ по убѣжденіямъ.

Онъ знаетъ наизусть одиннадцать заповѣдей касающихся „обязанностей революціонера по отношенію къ самому себѣ и къ своимъ братьямъ по революціи“. которыя начинаются этими ужасными словами, отрицающими всякую свободу:

„Революціонеръ есть человѣкъ, который принесъ себя въ жертву.

У него нѣтъ больше ни интересовъ, ни чувствъ, ни вкусовъ въ обычномъ смыслѣ слова; у него нѣтъ ничего своего, даже имени. Все что есть въ немъ должно исчезнуть, передъ единымъ интересомъ, единою страстью, единою мыслію—революціей“.

Когда двадцатитрехлѣтній Труппъ пріѣзжаетъ въ Германію, то онъ полонъ этой единою мыслію, одной единою страстью. Онъ проѣхалъ всю Германію съ юга на сѣверъ и горькое чувство все усиливается въ немъ, такъ какъ онъ видитъ нищету повсюду. Это было въ тотъ годъ, когда два направленія въ соціализмѣ наконецъ сливаются на основаніяхъ, которыя послужатъ опорою для одной изъ наилучше организованныхъ наиболѣе энергическихъ и наиболѣе дѣятельныхъ партій; этой партіи, быть можетъ принадлежитъ близкое будущее.

Труппъ путешествуетъ изъ города въ городъ, съ дикою ненавистью работая надъ разрушеніемъ „того что есть“; онъ убѣждаетъ рабочихъ оставить колею реформъ, которыя такъ медленно осуществляются; онъ доказываетъ имъ, что ихъ спасеніе, ихъ свобода могутъ быть достигнуты только путемъ насилія. Онъ находитъ послѣдователей изъ числа тѣхъ, у которыхъ чувство преобладаетъ надъ разсудкомъ.

Итакъ Труппъ теперь анархистъ; по крайней мѣрѣ онъ работаетъ подъ знаменемъ анархизма.

Ему кажется, что анархія есть именно то, чего онъ хочетъ: уничтоженіе всякой власти какъ индивидуальной такъ и коллективной. Сила воли у него дѣйствительно замѣчательная и онъ пытается разрѣшить вопросъ съ научной точки зрѣнія; онъ строитъ цѣлую философскую систему, въ лабиринтѣ которой онъ неминуемо заблудился бы, не имѣй онъ передъ собою путеводной звѣзды идеала. Теперь онъ только и вѣритъ, что въ революцію; революція должна создать вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла миръ и братство на землѣ. Всѣ его мечты стремятся къ революціи, къ великой революціи, которую произведутъ люди подобные ему, послѣ чего уже не будетъ больше никакой революціи.

Онъ дѣятельно ведетъ свою пропаганду; онъ не запомнитъ сколько разъ ему приходилось мѣнять свое имя. Его всюду преслѣдуютъ, онъ долженъ постоянно быть на чеку, чтобы избѣгать ареста. Однако ему частенько приходилось сидѣть въ тюрьмѣ, но каждый разъ его освобождали за недостаткомъ уликъ.

Въ Берлинѣ раздаются выстрѣлы направленные въ императора; Труппъ въ восторгѣ; онъ превозноситъ до небесъ виновниковъ покушенія, этихъ двухъ фанатиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ съумасшедшій, а другой идіотъ. Реакція не заставила себя ждать, настаютъ тяжелыя времена, пробуждаются самыя гнусныя чувства, доносы и шпіонство процвѣтаютъ.

Труппъ арестованъ одинъ изъ первыхъ и на этотъ разъ онъ думаетъ, что его пѣсня спѣта. Однако непредвидѣнный случай спасаетъ его. Въ то время, какъ его разыскиваютъ, какъ заговорщика съ одной стороны, съ другой его приговариваютъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію за оскорбленіе величества, не подозрѣвая его настоящаго имени. Въ теченіи шести мѣсяцевъ

надъ нимъ виситъ угроза смерти, но смерть щадитъ его, и вотъ онъ свободенъ. Претерпѣвая страшную нужду, онъ добирается до границы и наконецъ попадаетъ въ Парижъ. Начинается новый періодъ жизни, съ этихъ поръ онъ—изгнанникъ. Онъ знаетъ, что возвращаться въ отечество, это значитъ идти на вѣрную смерть.

Теперь Труппъ изъ революціонера, который велъ тайную но непрерывную работу разрушенія существующаго порядка, становится открытымъ пропагандистомъ, ораторомъ на собраніяхъ и митингахъ подъ открытымъ небомъ.

Французскіе анархисты начинаютъ издавать журнальчикъ „*La Révolte*“, первый органъ коммунизма; сторонники новаго ученія, которое дѣлаетъ медленные, но вѣрные успѣхи, начинаютъ анархистскую организацію, образовыя „свободныя группы“, явившіяся первымъ примѣненіемъ принципа децентрализаціи. Рабочій конгрессъ въ Марселѣ въ 1879 году носилъ коммунистическій характеръ; хотя онъ и не далъ опредѣленныхъ результатовъ, но между коммунизмомъ и коллективизмомъ уже появляется разладъ, который вскорѣ не замедлитъ обнаружиться.

Труппъ—всюду. Никогда еще его сердце не билось такимъ учащеннымъ темпомъ; въ тѣсномъ кружкѣ своихъ соотечественниковъ онъ передаетъ то, что слышитъ у французовъ.

Въ это-то время онъ встрѣчаетъ Каррара Обана, этого двадцатипятилѣтняго ребенка. На Труппа производитъ глубокое впечатлѣніе энтузіазмъ, мужество и самоотверженіе Обана. Но едва только онъ близко сошелся съ нимъ и полюбилъ его, какъ имъ пришлось разстаться. Каррарь Обанъ приговоренъ къ полуторагодовому тюремному заключенію и во время этой долгой разлуки Труппъ хранитъ восторженное воспоминаніе о блестящей рѣчи, въ которой обвиняемый защищалъ „ общее дѣло“ передъ судьями.

Когда они встрѣтились въ 1884 году въ Лондонѣ, куда оба укрылись отъ преслѣдованій, Каррарь былъ уже не тотъ, Труппъ-же не измѣнился; ихъ ничто уже не привязываетъ другъ къ другу, кромѣ прошедшаго.

Обанъ начинаетъ понимать Труппа, когда уже не можетъ больше идти съ нимъ рядомъ.

Между тѣмъ въ Германіи перешли отъ теоріи къ практикѣ. Перепуганное общество видитъ передъ собою точно страшную голову Медузы, анархизмъ съ кровавыми дѣяніями въ Вѣнѣ, Страсбургѣ, Штутгартѣ, Нидервальдѣ; все это задерживаетъ развитіе идей свободы и даетъ новое оружіе въ руки враговъ. Надолго, очень надолго „анархистъ и „убійца“ будутъ синонимами. Разъяснится ли когда либо это недоразумѣніе? Не будетъ ли это смѣшеніе понятій всегда господствовать въ Европѣ? Не будетъ ли анархизмъ всегда предметомъ ненависти для общества?

Труппъ въ Лондонѣ безплодно растрачиваетъ свои силы на разныя мелочи и дрязги партіи . .

. . . .

Труппъ проснулся, возвращаясь къ дѣйствительности; онъ снялъ шляпу и осмотрѣлся.

Монотонный голосъ священника все еще былъ слышанъ и его дрожащія ноты терялись въ громадномъ храмѣ; молодые и звонкіе голоса дѣтей-пѣвчихъ отвѣчали ему.

Труппа окружала густая толпа, отъ пыльной и пропитанной потомъ одежды которой отдѣлялся рѣзкій запахъ пота смѣшавшійся съ затхлымъ запахомъ плесени свойственнымъ мѣстамъ погруженнымъ въ постоянный полумракъ. Казалось, что *unemployed* были совершенно подавлены. У однихъ эте была усталость, у другихъ полное истощеніе; всѣ невольно поддавались вліянію этого страннаго положенія, въ которомъ они находились. Большинство не было въ церкви съ

дѣтства и воспоминанія невольно оживали въ нихъ.

Многіе дремали прислонясь къ спинкамъ скамеекъ, часто безпокойно вздрагивая; другіе вполголоса говорили другъ съ другомъ объ этихъ мраморныхъ статуяхъ, стоявшихъ всюду по стѣнамъ аббатства; эти люди въ странныхъ костюмахъ, стоявшіе въ такихъ важныхъ и вызывающихъ позахъ—кто они были? Были ли это могущественные распорядители счастьемъ и несчастьемъ бѣдныхъ людей?

Чувства гнѣва и возмущенія одушевлявшія безработныхъ всего часъ тому назадъ, когда они шли отъ Трафальгаръ-сквэра, казалось совершенно изчезли; что они дѣлали здѣсь? Почему они не уходили? Они очень хорошо знали однако, что здѣсь было не на что надѣяться, что они здѣсь услышатъ только пустыя слова, а имъ надо было работы и хлѣба.

Понемногу ими овладѣвало горькое чувство. Труппъ кусалъ себѣ руки въ страшномъ бѣшенствѣ, а съ высоты каѳедры раздавалась медленная спокойная рѣчь священника. Механикъ ничего не понималъ въ проповѣди, да и товарищи его также вѣроятно понимали не много; какое имъ наконецъ было дѣло до этой скучной проповѣди, въ которой говорилось только о неземномъ?

„Положите свое упованіе на Бога“ гнусилъ священникъ, и эхо повторяло въ отдаленномъ углу храма: „На Бога...“

„Только Онъ единый, можетъ васъ спасти“, продолжалъ проповѣдникъ.

Бѣдняки встрепенуоись при этихъ словахъ; точно волна пробѣжала по всой массѣ. Въ это же время Труппъ иронически захохоталъ, его настроеніе передалось другимъ, раздались насмѣшливые возгласы; на этотъ разъ очарованіе было разсѣяно.

Манифестанты надѣли шапки и поспѣшили къ выходу. Вѣрующіе вздохнули свободно; Господь,

безъ воли котораго ни одинъ ихъ волосъ не можетъ упасть съ головы, отвратилъ опасность грозившую его чадамъ. Съ уходомъ этихъ отверженныхъ, праведные вновь были въ своей семьѣ. Священнослужитель прервавшій на время проповѣдь, снова началъ свои разглагольствованія и паства устремила радостно-счастливые взоры на пастыря душъ.

Выйдя изъ аббатства въ сѣрую мглу октябрскаго дня, *unemployed* быстро пришли въ свое прежнее настроеніе, насущныя заботы вновь овладѣли ими, тѣмъ болѣе, что за недостаткомъ мѣста, многіе ждали на улицѣ и не испытали мистическихъ чувствъ своихъ товарищей. Остававшіеся на улицѣ въ это время слушали примиряющія рѣчи одного изъ высшихъ сановниковъ Церкви, прерывая ихъ неодобрительнымъ ропотомъ; громкія многозначительныя рукоплесканія нѣсколько разъ прерывали рѣчь другаго лица—одного изъ бывшихъ сторонниковъ христіанскаго соціализма, рѣчь въ которой высказывалось много горькихъ истинъ.

Колонна безработныхъ стала опять выстраиваться, чтобы направиться къ тому скверу откуда они пришли; они сомкнулись тѣснѣе, какъ бы для того, чтобы взаимно поддерживать другъ друга и не поддаваться голоду. Труппъ былъ увлеченъ въ толпу. Безконечное шествіе направилось по Парламентъ-Стритъ.

Вдругъ тысячный хоръ началъ меланхолическую, мрачную и угрожающую пѣсню; она подымалась къ небу подобно тѣмъ клубамъ дыма, которые предшествуютъ изверженіямъ „Unemployed“ пѣли старинную пѣсню,

«Пѣснь бѣдняковъ Старой Англіи».

„Let them bray until in the face they are black
That over oceans they hold their sway,
Of the Flag of Old England, the Union Jack,

About which J have something to say:
'Tis said that it floats o'er free, but it waves
Over thousands of hard-worked, ill paid British slaves,
Who are driven to pauper and suicide graves
The starving poor of Old England".

(Переводъ).

„Пусть они неистово кричать,
Что флагъ Старой Англіи
Побѣдно развѣвается надъ океанами.
Я же, вотъ что хочу сказать про это:
Говорятъ, что флагъ этотъ вьется надъ свободными людьми.
Но онъ вьется также и надъ тысячами британскихъ
Рабовъ, которыхъ тяжелой, дурно оплачиваемой
Работой доводятъ до голодной смерти и самоубійства.
Несчастные, умирающіе съ голоду бѣдняки старой Англіи!"

И громадный хоръ повторялъ припѣвъ:

„'Tis the poor, the poor the taxes have to pay,
The poor who are starving every day,
Who starve and die on the Queen's highway—
The starving poor of Old England".

(Переводъ).

Они же и должны платить налоги,
Эти бѣдняки, которые каждый день
Умираютъ съ голоду на глазахъ у королевы.
Несчастные, умирающіе съ голоду бѣдняки старой Англіи!"

Затѣмъ слѣдовали новыя строфы:

„Tis dear to the rich, but too dear for the poor
When hunger stalks in at every door..."

(Переводъ).

„Тяжело для богатыхъ, но слишкомъ тяжело для бѣдныхъ,
Когда голодъ стучится въ каждую дверь".

Пѣсня оканчивалась гнѣвнымъ крикомъ, въ которомъ слышалась въ то же время и надежда:

„But not much longer these evils we'll endure
We the working men of Old England“.

(Переводъ).

„Но дольше терпѣть это зло мы не будемъ,
Мы рабочіе Старой Англіи!“

Труппъ съ большимъ затрудненіемъ выбрался изъ толпы и направился по одной по одной изъ боковыхъ улицъ. Вестминстерское аббатство изчезало все болѣе и болѣе въ сумракѣ наступавшаго вечера, а вдали все еще слышались замиравшіе звуки пѣсни, въ которой умирающіе съ голоду выражали свои страданія;

„Tis the poor, the poor the taxes have to pay,
The poor who are starving every day,
Who starve and die on the Queen's highway
The starving poor of Old England“.

Но и на небѣ, какъ на землѣ не было судьи, который внялъ бы жалобамъ этихъ несчастныхъ тщетно просящихъ о справедливости.

Съ опущенной головой, судорожно сжавъ губы, Труппъ шелъ по улицамъ, направляясь къ сѣвернымъ кварталамъ Лондона.

IV.

Каррарь Обань.

Въ то время, когда въ сердцѣ столицы происходили описанныя выше событія, Каррарь Обанъ спокойно сидѣлъ у себя дома; онъ занималъ комнату порядочно высоко, въ одной изъ улицъ къ сѣверу отъ Кингъ-Кросса; это была одна изъ тѣхъ улицъ, которыя въ будни тихи и безмолвны, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ напоминаютъ кладбищенскія аллеи. Каррарь поселился въ этомъ кварталѣ съ тѣхъ поръ, какъ остался одинъ. Комната была скудно меблирована. печальна и неудобна; однако въ Лондонѣ и за такое помѣщеніе приходится платить не менѣе десяти шиллинговъ въ недѣлю; за то въ такихъ комнатахъ можно жить спокойно, вдали отъ шумнаго свѣта. Весь трехъ-этажный домъ отдавался въ наймы отдѣльными комнатами; жильцы видѣли свою *landlady* (хозяйку) только въ тѣ дни, когда надо было платить за комнату, а другъ друга никогда не видѣли. Встрѣчавшіеся на лѣстницѣ быстро проходили другъ мимо друга, не кланяясь.

Комната Обана раздѣлялась ширмами на двѣ неравныя части; громадный столъ занималъ почти всю комнату. Этотъ столъ былъ сдѣланъ изъ массивной доски краснаго дерева, изъ котораго были также сдѣланы и полки для книгъ занимавшія все остальное свободное пространство.

Библіотека Каррарь Обана, быть можетъ единственная въ своемъ родѣ, состояла во-первыхъ

изъ произведеній великихъ экономистовъ Франціи и Англіи, отъ Гельвеція до Прудона и отъ Адама Смита до Спенсера. Сторонники свободнаго обмѣна занимали въ ней повидимому болѣе значительное мѣсто, затѣмъ тутъ была коллекція брошюръ, журналовъ газетъ, памфлетовъ относящихся къ революціямъ XIX вѣка и въ особенности къ революціямъ сороковыхъ годовъ. Эта коллекція досталась Обану отъ отца и онъ сначала не оцѣнилъ ее по достоинству, но потомъ съ каждымъ днемъ убѣждался какіе цѣнные документы она въ себѣ содержитъ.

Было здѣсь также много матеріаловъ по общественнымъ вопросамъ; это была прямо сокровищница, изъ которой будущій историкъ могъ бы почерпнуть все что касается рабочаго движенія въ нашу эпоху· Всѣ эти матеріалы были собраны самимъ Обаномъ, который не упускалъ ни одного случая, чтобы пополнить эту коллекцію.

Онъ стремился главнымъ образомъ къ философскому познанію, во всѣхъ знаніяхъ онъ видѣлъ только средство для достиженія этой основной цѣли.

Въ этомъ собраніи мыслителей, поэты также не были забыты; тутъ были Викторъ Гюго, Бальзакъ, Шекспиръ и Гете, но Обанъ очень рѣдко заглядывалъ въ ихъ произведенія; — онъ дѣлалъ это только въ тѣ минуты, когда чувствовалъ потребность отдохнуть душою.

Этотъ столъ и эти книги составляли все его имущество; Обанъ имѣлъ привычку сжигать каждую книгу, которая по его мнѣнію не заслуживала вторичнаго чтенія. Всѣ эти книги и вещи онъ привезъ изъ Парижа въ Лондонъ и ему казалось, что въ нихъ заключается частичка далекой родины.

Въ комнатѣ не было ни одного произведенія искусства; всѣ предметы были только необходимые для повседневнаго употребленія, на каминѣ

стояли въ видѣ украшенія двѣ небольшихъ портрета: Михаила Бакунина,—фанатика революціи и Пьера Прудона—обновителя общества.

Обанъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ, вытянувъ ноги къ огню; два часа уже онъ сидѣлъ въ задумчивости, то устремляя взоръ на горящія угли камина, то медленно обводя глазами комнату, какъ бы ища ускользавшія мысли. Но Обанъ былъ бездѣятеленъ только по виду, умъ же его работалъ такъ усиленно, что даже капли пота покрывали его лобъ. Его лицо утратило свое обычное безстрастное и надменное выраженіе.

Онъ чувствовалъ, что съ нѣкотораго времени его охватываетъ необъяснимое волненіе. Гармонія существовавшая прежде между его волей и его энергіей исчезла; ему иногда казалось, что онъ похожъ на безумца выбросившаго изъ окна огромное состояніе и незнающаго какъ прожить завтрашній день, порой онъ чувствовалъ приливъ силы, творчеекой мысли неукротимо побуждавшихъ его къ дѣятельности.

Была ли его воля на одномъ уровнѣ съ его энергіей? Или же онъ нуждался только въ первоначальномъ импульсѣ?

Нужно было наконецъ разрѣшить этотъ вопросъ. Съ тѣхъ поръ. какъ Обанъ начинаетъ себя помнить—онъ всегда боролся: въ молодые годы—противъ того, что его окружало; въ зрѣломъ возрастѣ онъ боролся съ самимъ собою, со своими предубѣжденіями, со своими иллюзіями, со своей наклонностью къ преувеличеннымъ надеждамъ, со своей дѣтской слабостью къ идеалу. Разъ онъ вообразилъ, что люди перемѣнятся къ нему только потому, что онъ хотѣлъ быть свободнымъ, потомъ онъ увидалъ однако, что если онъ желаетъ быть свободнымъ, то долженъ разсчитывать только на самаго себя.

Онъ съ рѣшительностью принимается за работу и начинаетъ освобождать свой умъ отъ всего

ненужнаго хлама накопившагося, благодаря воспитанію, ошибкамъ прошлаго и ученію безъ системы; онъ чувствовалъ потребность дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ немъ происходитъ, чтобы не бродить во мракѣ ощупью; онъ долженъ былъ овладѣть собою, освободиться отъ тѣхъ нравственныхъ путъ, которыя стѣсняли его.

Понемногу онъ сталъ самимъ собою; мысли его просвѣтлѣли и онъ радовался этому, какъ выздоравливающій радуется солнцу.

Онъ могъ теперь безъ горечи думать о своей молодости, смѣяться надъ своими ошибками и не считать потерянными годы прошедшіе въ борьбѣ, которую въ наше время долженъ вынести всякій желающій идти не торными путями.

Каррару Обану нѣтъ еще и тридцати лѣтъ но онъ уже успѣлъ пріобрѣсти умѣнье быть всегда спокойнымъ; онъ уже обладаетъ хладнокровіемъ, которое однако не мѣшаетъ ему испытывать порой горькое чувство и гнѣвъ; однимъ словомъ это строгій критикъ признающій одни только естественные законы.

Матери своей онъ не зналъ, онъ помнитъ только уже стараго, но еще пылкаго человѣка, полнаго идеальныхъ стремленій, помнитъ его страстныя, напыщенныя рѣчи; этотъ человѣкъ — его отецъ. Обанъ живетъ съ нимъ въ маленькой комнаткѣ недалеко отъ бульвара Клиши.

Все, что онъ знаетъ о своемъ отцѣ, узналъ онъ отъ Адольфа Понтера, единственнаго его друга въ эти времена. Адольфъ Понтеръ пріютилъ его, когда онъ остался сиротою въ шесть лѣтъ, и былъ для него вторымъ отцомъ, болѣе заботливымъ нежели его родной отецъ. Жанъ-Жакъ Обанъ родился въ послѣдніе дни великой революціи, его отецъ (дѣдъ нашего героя) былъ хлѣбнымъ торговцемъ, который умѣлъ вернуть съ громадной прибылью свое состояніе потерянное при переворотѣ. Благодаря этому, Жанъ-Жакъ могъ жить

до пятидесяти лѣтъ, не подозрѣвая, что деньги являются вещью необходимою въ жизни; когда наконецъ, эта истина предстала предъ нимъ, то онъ былъ счастливымъ, неопытнымъ человѣкомъ; онъ много зналъ, много читалъ, не помышляя никогда приложить свои познанія къ дѣлу; онъ былъ революціонеромъ по склонности, не зная ни обманутыхъ надеждъ, ни неисполнившихся желаній; онъ жилъ со своими идеями, не зная даже женщинъ.

Цѣлые полъ вѣка онъ не зналъ ничего о томъ, что дѣлается на свѣтѣ; шумъ кровавыхъ подвиговъ корсиканскаго героя насиліемъ достигшаго успѣха и насиліемъ же сверженнаго затихалъ. новыя лица выступали на сцену, а Жанъ-Жакъ интересовался всѣмъ происходящимъ вокругъ него, не больше чѣмъ школьникъ интересуется исторіей церкви. Онъ былъ свидѣтелемъ революцій 1830 года, но мысли его были далеко. Онъ былъ въ это время поглощенъ ужасными теоріями Мальтуса и старался провѣрить его гипотезы.

У Жанъ-Жака было предчувствіе, что приближается кризисъ, передъ которымъ всѣ политическія распри его времени покажутся дѣтскими играми. Онъ съ одинаковымъ вниманіемъ слушалъ пророческія слова Сенъ-Симона и горячія рѣчи Бабефа; потомъ онъ увлекался фаланстеріями Фурье, этими химерическими планами сумасшедшаго, или же реформаторскими проектами временнаго правительства Іюльской революціи. Онъ то видѣлъ землю обѣтованную въ Икаріи *отца* Кабе, то Мессію въ ловкомъ фразерѣ Луи Бланѣ. Онъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ пролетаріатомъ, который просыпался, разгибая свои члены еще не зная своей силы.

Жанъ-Жакъ совершенно перемѣнился съ того момента, когда явилась наконецъ необходимость зарабатывать насущный хлѣбъ, въ потѣ лица. десяти лѣтъ этой жизни было достаточно, чтобы

сдѣлать изъ него желчнаго, преждевременно состарившагося человѣка, несмотря на то что онъ съ возростающимъ интересомъ слѣдилъ за жизнью. Онъ покинулъ всѣхъ своихъ прежнихъ идоловъ и теперь принималъ участіе въ повседневной общественной борьбѣ, которая была ему такъ несимпатична прежде. Онъ долженъ былъ сдѣлать нечеловѣческія усилія подъ собою, чтобы утилизировать отчасти свои знанія и способности; это было для него очень трудно; жилъ онъ очень бѣдно, работая неблагодарную работу; слишкомъ старый, чтобы вполнѣ понимать жизнь и слишкомъ неопытный, онъ имѣлъ постоянныя разочарованія, благодаря которымъ его сужденія становились все менѣе и менѣе вѣрными и онъ терялъ увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ.

Во время Февральской революціи онъ былъ на баррикадахъ, не уступая въ мужествѣ блузникамъ сражавшимся во имя утопіи. Паденіе Іюльской монархіи наполнило его безумными надеждами.

Теперь онъ былъ рабочимъ, такимъ же какъ и другіе рабочіе; Люксембургскій дворецъ, гдѣ люди подобные ему важно возсѣдали на бархатныхъ креслахъ, былъ въ его глазахъ небомъ, откуда должно было снизойти спасеніе; каждый онъ ходилъ въ мэрію своего округа получать пособіе, которое давалось правительствомъ всѣмъ рабочимъ не имѣющимъ работы: а какую работу могъ исполнять Жанъ-Жакъ Обанъ въ національныхъ мастерскихъ?

Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ безсмысленности подобной мѣры, которая должна была неизбѣжно повести къ новымъ, еще болѣе кровавымъ столкновеніямъ; Жанъ-Жаку было пятьдесятъ лѣтъ, а онъ не зналъ еще двухъ элементарныхъ истинъ: первой, что правительство можетъ тратить только тѣ деньги, которыя поступили въ его кассу и второй, что всѣ попытки разрѣшить соціальные

вопросы обращеніемъ къ государственной власти заранѣе обречены на неудачу. Когда іюньскіе дни разсѣяли его сладкія иллюзіи, то потрясеніе испытанное имъ было такъ велико, что онъ захворалъ; въ первомъ серьезномъ столкновеніи съ капиталомъ трудъ былъ раздавленъ: это ясно показывало, что для уничтоженія привилегій власти надо обладать оружіемъ болѣе опаснымъ, нежели насиліе.

Болѣзнь была спасеніемъ для Жанъ-Жака Обана; ужъ если онъ счелъ долгомъ принимать участіе въ борьбѣ буржуазіи съ монархіей, то какъ же бы онъ могъ воспротивиться желанію принять участіе въ борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей? А въ этомъ случаѣ его ожидало или долгое тюремное заключеніе, или ссылка въ нездоровую отдаленную колонію?

Когда онъ выздоровѣлъ, то Парижъ былъ въ ужасѣ передъ краснымъ призракомъ соціализма; на арену вышелъ новый боецъ. Прудонъ выпустилъ свою первую газету Le Réprеsentant du Peuple (Представитель народа); 31 іюля онъ произнесъ въ Національномъ Собраніи рѣчь о даровомъ взаимномъ кредитѣ, рѣчь встрѣченную ироническимъ смѣхомъ и бранью депутатовъ. Въ глазахъ Жанъ-Жака этотъ реформаторъ съ широкимъ размахомъ мысли былъ измѣнникомъ народному дѣлу: Прудонъ не принималъ участія въ іюльскихъ дняхъ и Жанъ-Жакъ не могъ ему этого простить. Онъ такъ былъ ослѣпленъ, что не понялъ также и этого смѣлаго плана Размѣннаго Банка (*Banque d'E'change*), который Прудонъ хотѣлъ учредить подъ именемъ *Banqe du Peuple* (Народный Банкъ), предпріятіе которое не могло быть доведено до конца благодаря аресту и тюремному заключенію иниціатора.

Жанъ-Жакъ равнодушно присутствовалъ при развитіи этой высшей революціи, самой мирной изъ всѣхъ и единственной, которая имѣла данныя

быть долговѣчной. Вступленіе на престолъ Луи-Наполеона разрушило послѣднія надежды какія онъ еще могъ имѣть, съ этого времени онъ также ненавидѣлъ клятвопреступника Кавеньяка, какъ и узурпатора Бонапарта.

Много времени прошло прежде нежели Жанъ-Жакъ оправился отъ такихъ ужасныхъ ударовъ, пока ему удалось сбросить съ себя то оцѣпененіе, которое имъ овладѣло. Во время этого періода жизни у него была одна забота: насущный хлѣбъ; женитьба его была дѣломъ случая постольку же поскольку и выраженіемъ воли. Его пригласили въ одно богатое семейство доканчивать образованіе двухъ мал способныхъ дѣтей, учительница, которая до него занималась этимъ неблагодарнымъ трудомъ, была молодая нѣмка, которую онъ полюбилъ тронутый ея одиночествомъ; она отвѣчала на его чувство искренней привязанностью и онъ женился на ней, хотя ей всего было двадцать семь лѣтъ.

Счастье ихъ было скромное, но полное, по рожденіи Каррара унесло жизнь молодой матери. Жанъ-Жакъ былъ совершенно уничтоженъ этимъ несчастіемъ о возможности котораго онъ и не помышлялъ; оно сдѣлало его стариомъ безъ воли, безъ энергіи. Не имѣя достатоной силы воли для дѣйствія, онъ сталъ тѣмъ болѣе рѣзокъ на словахъ и маленькій Карраръ росъ среди этихъ постоянныхъ бурныхъ словоизверженій и неловкихъ ласкъ Адольфа Понтера.

Ребенку было шесть лѣтъ, когда отецъ его умеръ, проклиная Наполеона Третьяго и повидимому даже не думая о томъ, что онъ оставляетъ малолѣтняго сына.

Адольфъ Понтеръ беретъ къ себѣ маленькаго Каррара, дѣля съ нимъ свою скудную трапезу и бѣдную комнату; онъ учитъ его читать и писать; однако же импровизированный учитель скоро истощаетъ свой запасъ знаній и не можетъ удов-

летворить той любознательности, которую обнаруживаетъ ребенокъ; когда Каррару исполнилось девять лѣтъ, Понтеръ отдалъ его въ городскую школу.

Когда вспыхнула война 1870 года Обану было тринадцать лѣтъ; Понтеръ питаетъ розовыя надежды, которыя скоро разсѣиваются однако, Карраръ едва отдаетъ себѣ отчетъ въ происходящемъ.

Наступаетъ время Коммуны: Парижъ представляетъ изъ себя хаосъ полный крови, дыма, грохота, бѣшенства и безумства. Адольфъ Понтеръ съ ужасомъ видитъ, что въ глазахъ Каррара зажигается огонекъ живо напоминающій ему фанатическій восторгъ Жанъ-Жака; для Понтера были ясны только страшныя внѣшнія слѣдствія революціи, онъ не догадывался объ ихъ благодѣтельномъ нравственномъ вліяніи, а потому онъ рѣшаетъ удалить робенка изъ этой отравленной среды, изъ этого Парижа, безъ котораго онъ самъ не могъ бы жить. Онъ везетъ его въ Эльзасъ, въ Мюльгаузенъ, большой промышленный городъ гдѣ по окончаніи войны два враждебные элемента стараются кое-какъ поладить между собою. У Понтера тамъ была дальняя родственница француженка, которая никогда не хотѣла произнести ни одного слова на языкѣ побѣдителей; у Каррара же тамъ былъ дальній родственникъ его матери, важный чиновникъ съумѣвшій пріобрѣсти благорасположеніе Германіи путемъ постоянныхъ дипломатическихъ tours de-force, т. е. заботливо скрывая свой образъ мыслей.

Мадемуазель Понтеръ выказываетъ большую заботливость по отношенію къ ребенку порученному ея заботамъ; она даетъ ему хорошую комнату, хорошо кормитъ и оставляетъ дѣлать все что ему вздумается. Въ теченіи четырехъ лѣтъ пребыванія Каррара въ этомъ домѣ, гдѣ свято хранилось воспоминаніе объ искэлѣченной отчизнѣ,

M-lle Понтеръ не дала ему ни одного совѣта, да онъ у нея ихъ и не спрашивалъ; она сразу замѣтила, что онъ отлично можетъ самъ управлять своими дѣйствіями.

Родственникъ Каррара сдѣлалъ то, что требуется приличіями: онъ постоянно приглашаетъ къ себѣ юношу, который находитъ у него общество дурно воспитанныхъ молодыхъ людей, съ которыми никогда не могъ сойтись, до такой степени были противоположны ихъ интересы. Карраръ чувствуетъ себя неловко въ этомъ домѣ и понемногу его посѣщенія становятся все болѣе и болѣе рѣдкими; впрочемъ у родственниковъ неособенно безпокоятся объ этомъ.

У M-lle Понтеръ онъ научился цѣнить независимость и свободу, у своихъ родственниковъ онъ знакомится съ нѣмецкими буржуями и чувствуетъ непреодолимую антипатію къ этому классу людей.

Во время своего пребыванія въ Мюльгаузенѣ онъ ни разу не ѣздилъ въ Парижъ, каникулы онъ проводитъ въ экскурсіяхъ по Южнымъ Вогезамъ, которые представляютъ изъ себя величественныя картины, полныя чарующей прелести. Но часто, взобравшись на вершины горъ Карраръ устремляетъ свои взоры на западъ туда, гдѣ лежитъ *ville lumière*.

Когда ему было пятнадцать лѣтъ онъ нашелъ себѣ друга. Одинъ французскій рабочій, который зналъ Жанъ-Жака, случайно узнаетъ о томъ, что Карраръ въ Эльзасѣ и однажды, когда тотъ возвращался изъ школы, завязываетъ съ нимъ знакомство. Съ этого дня юноша всѣ свои свободные вечера проводитъ въ маленькомъ кафе въ обществѣ рабочихъ, изъ которыхъ самый молодой вдвое его старше; каждый изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ занимать „бѣднаго ребенка", который „такъ одинокъ", одинъ дѣлаетъ для него

папироски, другой учитъ его играть на бильярдѣ, третій разсказываетъ ему о великихъ дняхъ, когда коммуна пыталась свергнуть иго буржуазіи.

Каррарь узнаетъ о нуждахъ и стремленіяхъ народа изъ устъ сыновъ этого народа, съ этой минуты онъ начинаетъ размышлять, но его мысли и чувства еще очень неясны для него самого. Школа для нето—тюрьма; онъ долженъ тамъ учить вещи которыя кажутся ему безполезными и оставлять безъ должнаго вниманія то, что ему кажется необходимымъ. У него нѣтъ пріятелей между учениками, которые его не любятъ, но не смѣютъ показывать ему свою нелюбовь. Только одинъ изъ нихъ ищетъ его дружбы: это Фридрихъ Валлеръ, старшій сынъ кузена. Фридрихъ былъ способный мальчикъ, не ничѣмъ особенно не выдававшійся. Онъ питалъ большую симпатію къ Каррару и старался овладѣть его довѣріемъ. Каррарь однако не поддается и несмотря на это Фридрихъ Валлеръ продолжаетъ выказывать свои симпатіи къ кузену парижанину.

Въ восемнадцать лѣтъ Каррарь Обанъ былъ высокій блѣдный и худой юноша, казавшійся апатичнымъ, но въ дѣйствительности имѣвшій страстный и горячій темпераментъ. День онъ проводитъ въ скучной школѣ, ночью думаетъ о Богѣ, безсмертіи души и обо всѣхъ жгучихъ вопросахъ, которые рано или поздно возникаютъ въ умѣ всякаго мыслящаго существа.

Когда изъ Парижа пришла вѣсть о смерти Адольфа Понтера, Каррару было только пятнадцать лѣтъ и онъ пролилъ искренніе слезы о потерѣ этого друга; это были послѣднія слезы, которыя горе заставило его пролить въ жизни; черезъ два года утерла и добрая женщина, подъ крыломъ которой онъ жилъ такъ счастливо, однако она любя его, не выказывала своей любви ничѣмъ и онъ чувствовалъ къ ней только уваженіе.

Послѣдній годъ своего ученія онъ проводитъ въ другой семьѣ, а затѣмъ направляется въ Парижъ съ ни къ чему не пригоднымъ дипломомъ въ карманѣ и съ непоколебимой вѣрой въ будущее въ сердцѣ. Онъ въѣзжаетъ въ Парижъ съ радостью сына видящаго нѣжно любимую мать; дни кажутся ему недостаточно длинными для того, чтобы насмотрѣться на всѣ красоты этого города, хотя сначала онъ съ утра до вечера слоняется по улицамъ. Онъ бродитъ по улицамъ, упиваясь парижскимъ воздухомъ и забывая обо всемъ.

Каррарь Обанъ ищетъ работы и радуется, что не находитъ ее, однако начинаетъ безпокоиться увидя, что скудный капиталъ доставшійся ему въ наслѣдство отъ Понтера быстро таетъ при бездѣльи. Онъ живетъ въ Батиньолѣ, часто встаетъ съ восходомъ солнца и пускается въ свою безконечную прогулку по городу; онъ бродитъ по скверамъ, долго стоитъ на площади Согласія. столько разъ обагрявшейся кровью въ теченіи двухъ столѣтій, потомъ идетъ по залитой солнцемъ набережной и наконецъ въ изнеможеніи садится на скамейку въ Тюильрійскомъ саду и любуется дѣтскими играми, машинально перелистывая книгу. Отдохнувъ онъ идетъ вдоль Елисейскихъ Полей наслаждаться чудными сумерками въ Булонскомъ лѣсу, а затѣмъ послѣ короткаго отдыха въ одномъ изъ кабачковъ Отейля, онъ на пароходѣ подымается по Сенѣ, любуясь башнями Собора Парижской Богоматери тонущими въ надвигающейся темнотѣ. Онъ очень рѣдко бываетъ въ театрѣ, онъ предпочитаетъ слоняться изъ пивной въ пивную въ Латинскомъ кварталѣ, или толковать о политикѣ за бутылкою вина съ какимъ-нибудь рабочимъ или лавочникомъ изъ квартала. Для него нѣтъ болѣе привлекательнаго зрѣлища чѣмъ то, которое пред-

ставляютъ вечеромъ ярко-освѣщенные бульвары полные жизни и движенія. Послѣ столькихъ лѣтъ тихой и уединенной жизни онъ съ опьяненіемъ погружается въ парижскую жизнь, гдѣ, кажется удовольствія никогда не изсякаютъ.

— О, Парижъ! — прошепталъ Обанъ,—какъ я люблю тебя мой прекрасный Парижъ, какъ я счастливъ быть твоимъ сыномъ!

Но вотъ настаетъ время, когда пылъ его нѣсколько остываетъ, а кошелекъ пустѣетъ; однако онъ не теряетъ увѣренности въ своемъ счастьи, и случайная встрѣча подкрѣпляетъ эту увѣренность. Однажды въ Тюильри онъ завязываетъ знакомство съ однимъ господиномъ, который, нуждаясь въ секретарѣ, предлагаетъ это мѣсто Обану.

Обанъ остается на этомъ мѣстѣ около двухъ лѣтъ; работы у него не очень много, а жалованья достаточно для удовлетворенія его потребностей. Однако же, когда ему приходится заниматься перепиской, или приводить въ порядокъ библіотеку, онъ работаетъ не важно, такая работа кажется ему черезъ-чуръ скучной. За то онъ становится такъ сказать необходимымъ для своего хозяина, ученаго англичанина, занимающагося спеціальными изслѣдованіями по общественнымъ вопросамъ и обнаруживающаго удивительное упорство въ изслѣдованіяхъ, но неумѣющаго какъ слѣдуетъ пользоваться своими открытіями; Карраръ Обанъ исправляетъ работы, которыя англичанинъ имѣлъ странную привычку писать по французски, несмотря на видимую неопытность въ этомъ языкѣ. Этотъ оригиналъ никогда не показывалъ, что хоть сколько-нибудь интересуется личными дѣлами своего секретаря; повидимому онъ смотритъ на него только какъ на рабочую силу; однако же передъ отъѣздомъ въ Англію онъ даетъ Обану много рекомендательныхъ писемъ, которыя впрочемъ тому ни къ чему не послужили, а затѣмъ

крупную денежную награду, которая была какъ нельзя болѣе кстати для молодого человѣка.

Обанъ снова независимъ на нѣкоторое время еще благодаря этой щедрой наградѣ; если въ послѣдніе два года онъ со страстнымъ увлеченіемъ слѣдилъ за общественными вопросами, и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы завязать знакомство съ выдающимися представителями партій, то теперь онъ бросается очертя голову въ самую середину сѣчи.

Общественные вопросы... будущность человѣчества.—Передъ Обаномъ встаютъ таинственныя и серьезныя загадки, но онъ молодъ, онъ убѣжденъ, у него та вѣра, которая двигаетъ горами. До сихъ поръ онъ шелъ по уже протоптанной дорогѣ, теперь онъ стоитъ на порогѣ того идеала, которому хочетъ посвятить всю свою жизнь. Человѣческіе голоса доносятся до него изъ этихъ неизвѣданныхъ глубинъ: они какъ бы протестуютъ противъ тѣхъ жалобъ и стоновъ, которые слышались у его колыбели.

Онъ бодро принимается за работу.

Намѣренія его самыя благородныя, желанія горячія, воля твердая и онъ вступаетъ въ борьбу, которая идетъ въ наше время и которую будутъ продолжать еще будущія поколѣнія. Обану всего двадцать три года; онъ видитъ только два враждующихъ стана; съ одной стороны тѣ, которые желаютъ зла, съ другой тѣ, которые стремятся къ добру. Первые кажутся ему совершенно испорченными, осужденными на разложеніе, заранѣе побѣжденными; вторые—даютъ ему надежду на достиженіе обѣтованной земли, земли свѣтлаго будущаго! Онъ увлеченъ такимъ непреодолимымъ теченіемъ, что неспособенъ ни къ малѣйшему изслѣдованію, неспособенъ къ критикѣ; онъ думаетъ, что нѣтъ ничего лучше, прекраснѣе, какъ быть въ числѣ тѣхъ, которые бро-

сают вызовъ цѣлому обществу, онъ чувствуетъ себя переродившимся... обновленнымъ...

Развѣ всѣ тѣ, которые были въ его положеніи не испытывали тѣхъ же ощушеній?

Онъ бываетъ на сборищахъ и слушаетъ ораторовъ; чѣмъ болѣе эти послѣдніе уклоняются «влѣво», тѣмъ болѣе они ему нравятся, тѣмъ болѣе онъ имъ рукоплещетъ. Онъ дѣлается членомъ рабочихъ собраній, онъ съ жадностью перечитываетъ газеты и журналы всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ самыхъ умѣренныхъ и кончая самыми крайними; первый встрѣчный фразеръ — для него герой, всякій краснобай псевдо-защитникъ свободы—богъ. До этого времени онъ не выказывалъ большой энергіи, а послѣдніе годы въ особенности его мужество ослабѣло, но теперь онъ пробуждается и работаетъ, работаетъ усиленно, вѣдь ему надо усвоить столько новыхъ идей, изучить совершедно новый міръ.

Сколько онъ долженъ работать, сколько усвоить! Онъ добросовѣстно изучаетъ брошюры представляющія изъ себя квинтэссенцію изслѣдованій иногда плодотворныхъ, но изложенныхъ довольно страннымъ образомъ. Онъ изучаетъ также и болѣе трудныя вещи: капитальные труды по соціализму.

Онъ совершенно мѣняетъ свои привычки, потому что ни за что на свѣтѣ не желаетъ походить на буржуа. Онъ поселяется недалеко отъ Бютъ-Шомонъ, одѣвается проще, обѣдаетъ въ дешевыхъ трактирчикахъ; правда что расходы его не сокращаются но «совлекши съ себя ветхаго Адама» онъ не чувствуетъ уже того смущенія, которое испытывалъ раньше, живя лучше нежели его братья бѣдняки.

Слѣдуя своимъ принципамъ онъ ищетъ ручного труда, но искать ему приходится довольно долго потому, что онъ не знаетъ никакого ре-

месла. Наконецъ онъ поступаетъ наборщикомъ въ типографію одной соціалистической газеты и скоро получаетъ тамъ мѣсто фактора. Къ этому времени относятся его первыя статьи по общественнымъ вопросамъ. Ничто такъ быстро не сближаетъ людей, какъ служеніе одному дѣлу. Параграфы программъ являются петлями, незамѣтно охватывающими человѣка, который въ концѣ концовъ уже не хозяинъ своихъ силъ: они принадлежатъ партіи.

Каррарь Обанъ добровольно вступилъ на этотъ путь. Вскорѣ онъ сталъ простымъ рядовымъ, поклявшимся идти за знаменемъ „во что бы то ни стало", и идущимъ туда, куда его ведетъ знамя. Иногда можетъ быть разумъ протестуетъ, но что же изъ этого; клятва дана, свободнаго выбора нѣтъ такъ какъ свою свободу онъ передалъ въ руки другихъ.

Настаетъ однако же время, когда Каррарь Обанъ становится опять хозяиномъ своихъ дѣйствій; онъ видитъ какое ужасное смѣшеніе понятій и неурядица господствуютъ въ партіи, онъ не можетъ больше не замѣчать честолюбивыхъ замысловъ, зависти, ненависти, подлости которыя скрываются подъ мишурою звонкихъ фразъ: партія его не хуже и не лучше другихъ политическихъ партій.

Это открытіе заставило его много страдать.

Дѣло въ томъ, что онъ остается еще очень юнымъ душою, несмотря ни на что; онъ не хочетъ понять, что вожаки партій сами вовсе не вѣрятъ въ тѣ громкія слова, которыя говорятъ, что „общественный порядокъ и безопасность" — консерваторовъ, „конституціонныя свободы" радикаловъ, „право на трудъ" рабочей партіи, заманчивыя обѣщанія равенства и справедливости со стороны всѣхъ партій,—являются самыми грубыми приманками разсчитанными на наивныхъ и

невѣжественныхъ людей, чтобы съ ихъ помощью имѣть за собою право сильнаго.

Самъ онъ развѣ не такъ-же поступалъ во время своего сотрудничества въ этой газетѣ? Развѣ онъ не занимался толченіемъ воды въ ступѣ? Но онъ былъ искренне убѣжденъ, что это лучшее средство для защиты бѣдныхъ и угнетенныхъ.

Онъ желаетъ одного, только одного: свободы; его протестующій умъ, его страдающее сердце говорятъ ему, что только свобода можетъ дать счастье человѣчеству, только при свободѣ возможенъ прогрессъ. Обанъ проходитъ всѣ фазы развитія общественнаго движенія и жажда свободы постоянно преслѣдуетъ его. Никакое ученіе его не удовлетворяетъ, нигдѣ онъ не видитъ, не опровержимыхъ истинъ, прочныхъ гарантій.

Вездѣ и всюду его преслѣдуетъ одна мысль: „это не настоящая свобода, это не полная свобода". Онъ чувствуетъ, что въ немъ ростетъ ненависть ко всякому авторитету и онъ въ концѣ концовъ отказывается отъ своего мѣста.

Въ это время у него завязывается дружба съ Отто Труппомъ, котораго онъ уже нѣсколько разъ встрѣчалъ раньше. Отъ Труппа онъ получаетъ свѣдѣнія о положеніи рабочаго движенія въ Германіи и въ Швейцаріи, о чемъ онъ зналъ очень мало; разсказы Труппа производятъ на него громадное впечатлѣніе.

Наступаетъ 1881 годъ. Анархистскія идеи быстро распространяются во Франціи. Къ анархизму примыкаютъ многіе перебѣжчики соціализма: интелигентные рабочіе мыслящіе самостоятельно и недовольные многими поступками вожаковъ партій, люди нетерпѣливые которымъ кажется, что освобожденіе и революція черезчуръ запаздываютъ.

Если-бы не было ни государствъ ни религій,

если-бы уничтожить всѣ правительственныя учрежденія, то развѣ было-бы мыслимо правительство? Надо противъ установленнаго насилія употребить насиліе... И вотъ Каррарь замышляетъ разрушить старое общество, говоря, что новое общество, общество, въ которомъ дѣйствительно будетъ царить равенство, выйдетъ изъ груды развалинъ.

— Каждому по его заслугамъ, каждому по его потребностямъ...

На этотъ разъ онъ нашелъ формулу удовлетворяющую его. Въ своихъ мечтахъ онъ устраиваетъ будущее человѣчества, счастливое, лучезарное, свѣтлое... Всѣ довольны, всѣ желанія исполнены, всѣ надежды осуществились; трудъ и обмѣнъ свободны, ничто не ограничиваетъ ихъ больше, даже ихъ цѣнность; вся земля является общимъ достояніемъ; каждый имѣетъ такое же право на землю, какъ и на званіе человѣка. Онъ думаетъ что его мечта готова осуществиться и что земля превратится въ настоящій рай.

Онъ и его друзья анархизмомъ называютъ каммунизмъ, ученіе такое же старое какъ и религіи, которыя однако создали на землѣ адъ, а не рай.

Никогда онъ не говорилъ съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, никогда онъ не вліялъ такъ на своихъ слушателей, какъ въ это время. Онъ является самымъ передовымъ человѣкомъ въ партіи, дальше идти некуда. Никто не можетъ сравняться съ нимъ въ самоотреченіи; онъ является удивительно дѣятельнымъ пропагандистомъ и организаторомъ и всюду возбуждаетъ симпатіи къ тому ученію котораго онъ является горячимъ поборникомъ. Этотъ годъ самый бурный въ его жизни; ни одного дня онъ не проводитъ спокойно.

Онъ слишкомъ человѣкъ дѣла, онъ слишкомъ

любитъ положительные, осязательные результаты для того чтобы довольствоваться этой дѣятельностью лихорадочной поспѣшной; съ другой стороны знанія пріобрѣтенныя опытомъ растутъ у него незамѣтно. Онъ понимаетъ своихъ товарищей, ихъ взаимныя обвиненія, ихъ крики боли, у него постоянно передъ глазами несчастные терпящіе нужду и голодъ. Онъ и самъ иногда голодаетъ, и часто впадаетъ въ отчаяніе; онъ видитъ съ другой стороны возмутительную роскошь, циничное презрѣніе къ слабымъ, признаніе единственнаго права—права сильнаго. Онъ съ увлекательнымъ гнѣвнымъ краснорѣчіемъ проповѣдуетъ необходимость отвѣчать на насиліе—насиліемъ. По его мнѣнію самое существенное, это дать хлѣба голоднымъ, одѣть тѣхъ у кого нѣтъ одежды, обогрѣть тѣхъ кому холодно. Научныя открытія, успѣхи искусства являются вопросами второстепенными. Онъ проповѣдуетъ насиліе на всѣхъ собраніяхъ; его слушаютъ съ большимъ вниманіемъ, но вдругъ незначительный самъ по себѣ случай совершенно мѣняетъ направленіе Каррара Обана.

Одно изъ собраній, на которомъ онъ долженъ былъ говорить было разогнано полиціей причемъ одинъ изъ полицейскихъ грубо толкнулъ Обана, который отвѣтилъ на это насиліе ударомъ кулака въ лицо.

Вѣрный принципу по которому революціонеръ долженъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для пропаганды, Каррарь произноситъ на судѣ рѣчь надѣлавшую много шума. И до него многіе изъ обвиняемыхъ доказывали некомпетентность судей ихъ осуждавшихъ, — но никто еще такъ краснорѣчиво не опровергалъ авторитетъ человѣческихъ законовъ, какъ Обанъ. Слушая его рѣчь одни ошеломлены, другіе негодуютъ, третьихъ она очень занимаетъ, но вообще его не

считаютъ вполнѣ отвѣтственнымъ за свои поступки и благодаря этому онъ отдѣлывается полуторагодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Въ настоящее время суды цивилизованныхъ странъ Европы уже не такъ наивны; они знаютъ, что подобныя рѣчи произносятся врагами существующаго порядка и не впадаютъ больше въ такія ошибки.

Обанъ отбылъ только двѣ трети своего наказанія, когда 1883 году процессъ 83-хъ въ Ліонѣ взволновалъ общественное мнѣніе, которое начинаетъ интересоваться анархистами. Правительство на этотъ разъ дѣйствуетъ съ большою суровостью и счастье Обана, что онъ уже сидитъ подъ замкомъ. Съ этого времени общественное мнѣніе во Франціи считаетъ анархистовъ — убійцами.

Когда Обанъ почувствовалъ, что полицейскій беретъ его за шиворотъ, то насиліе предстало предъ нимъ съ самой гнусной стороны; но что дѣлать? Онъ — безсиленъ. У него есть еще выходъ: возможность страдать за человѣчество, и онъ поступаетъ согласно съ этимъ. Его не смутили ни скептическія улыбки судей, ни тупые испуганные взгляды публики смотрѣвшей на него какъ на рѣдкаго звѣря; когда ему былъ объявленъ приговоръ—онъ глазомъ не моргнулъ: полтора года тюрьмы, да развѣ стоитъ говорить объ этомъ, если вспомнить сколько другіе страдали до него?.. И твердыми шагами, съ гордымъ видомъ онъ входитъ въ свою камеру.

Сначала Карраръ казалось, что онъ не будетъ въ состояніи долго выносить это лишеніе свободы, но онъ ошибался; въ самомъ скоромъ времени онъ почувствовалъ успокоеніе; подобная реакція была логическимъ слѣдствіемъ того возбужденнаго состоянія въ какомъ онъ находился послѣдніе годы. Для него это уединеніе полезно,

оно дѣйствуетъ на него успокоительно. Нѣтъ болѣе истощающихъ волненій, нѣтъ споровъ; раны полученныя въ борьбѣ понемногу заживаютъ и онъ скоро становится такимъ спокойнымъ какимъ никогда не былъ.

Иногда ему удается доставать книги и онъ знакомится основательно съ произведеніями замѣчательныхъ экономистовъ своей страны. Благодаря имъ, міръ является ему въ совершенно иномъ свѣтѣ; теперь Обанъ находится въ сторонѣ отъ водоворота и можетъ болѣе безпристрастно судить о различныхъ направленіяхъ эпохи; въ этотъ промежутокъ времени онъ много размышляетъ.

Онъ выходитъ изъ тюрьмы къ концу лѣта 1884 года совершенно другимъ человѣкомъ. Сначала ему трудно дается эта перемѣна, потому что характеръ у него сильный, но не гибкій. Товарищи радостно встрѣчаютъ его, только Труппа нѣтъ между ними—онъ въ Лондонѣ; но Обанъ не радуется: горячая вѣра прежнихъ дней исчезла. Въ настоящее время его больше всего интересуютъ положенія политической экономіи; онъ хочетъ знать чего можно ожидать отъ этой науки. Отнынѣ это самое главное для него въ жизни; онъ видитъ, что шелъ-бы по ложному пути, основывая свои изысканія на шумныхъ преніяхъ собраній, на статьяхъ газетъ, полныхъ общихъ мѣстъ, или же на грудѣ брошюръ партіи.

Пребываніе въ Парижѣ при этихъ условіяхъ становится для него невыносимымъ, потому что онъ постоянно встрѣчаетъ тамъ свидѣтелей своихъ прежнихъ заблужденій. Всѣ звонкія и пустыя фразы внушаютъ ему только отвращеніе; онъ хочетъ сосредоточиться. Вотъ почему онъ безъ колебаній принимаетъ предложяніе одного книжнаго магазина въ Лондонѣ, и идетъ туда работать надъ составленіемъ энциклопедіи на французскомъ языкѣ.

Онъ уѣзжаетъ не одинъ; съ нимъ вмѣстѣ ѣдетъ одна молодая дѣвушка, которую онъ зналъ уже до своего ареста и которая осталась ему вѣрна, пока онъ былъ въ тюрьмѣ.

Годъ совмѣстной жизни съ нею безъ сомнѣнія является счастливѣйшимъ въ жизни Каррара; онъ теряетъ свое счастье въ тотъ день, когда она умираетъ послѣ рожденія мертваго ребенка.

Подруга Обана была женщина со здравыми понятіями, съ добрымъ сердцемъ; ничто не можетъ лучше характеризовать ее какъ этотъ маленькій діалогъ!

„Сдѣлали-ли вы что-либо для блага человѣчества?!!" спрашивалъ ее одинъ коммунистъ.

„Конечно, потому—что я была счастлива", отвѣчала она.

Обанъ становится болѣе серьезнымъ и болѣе рѣшительнымъ, если это было возможно. Онъ все болѣе и болѣе ненавидитъ идеалистическія мечтанія; онъ обрушивается на нихъ со всею силою своей безжалостной критики, онъ встрѣчаетъ ихъ ѣдкими сарказмами.

На него нападаютъ тѣ самые люди, которые рукоплескали ему въ началѣ его дѣятельности; Обанъ очень радъ этому. Вскорѣ онъ начинаетъ относится крайне скептически ко всему соціально-политическому фарсу, который разыгрывается передъ нимъ.

Съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился въ Лондонѣ, онъ посвящетъ всѣ свои досуги изученію новой науки—соціологіи, которая требуетъ участія ума и сердца.

Знакомство съ этой наукой ведетъ къ тому, что онъ совершенно отказывается отъ своихъ неопредѣленныхъ стремленій, начинаетъ думать послѣдовательно.

Всѣ его симпатіи сначала влекутъ его къ Прудону; онъ видитъ въ немъ гиганта мысли, умъ

котораго охватываетъ громадный горизонтъ; онъ видитъ въ немъ горячаго и страстнаго діалектика, отца анархіи, того мыслителя, къ которому во всякомъ случаѣ нужно обращаться, если дѣло идетъ о новомъ ученіи. Большинство соціалистовъ знаетъ изъ Прудона только его знаменитое: *La propriété c'est le vol.* (Собственность есть воровство).

Обанъ видитъ въ ученіи Прудона не только этотъ знаменитой афоризмъ.

Онъ наконецъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что Прудонъ понимаетъ подъ словомъ собственность: онъ не понимаетъ подъ нимъ результатъ труда, потому что онъ все время возстаетъ противъ коммунизма, а только привилегіи обезпечиваемыя этому результату закономъ,—проценты и ренту тяготѣющіе подъ трудомъ и препятствующіе свободному обращенію. Онъ видитъ, что равенство такое, какимъ его понимаетъ Прудонъ исключительно равенствомъ правъ, а братство, вовсе не есть безкорыстіе, а разумное пониманіе личныхъ интересовъ на почвѣ взаимности. Онъ понимаетъ, что Прудонъ защищаетъ свободную ассоціацію, противопоставляя ее обязательной ассоціаціи предписываемой государствомъ, и указывая, что общественный строй ограничивающійся поддержаніемъ равенства въ средствахъ производства и обмѣна, является единственно возможнымъ справедливымъ и истиннымъ.

Обанъ улавливаетъ разницу дѣлаемую Прудономъ между пользованіемъ и собственностью. Первое справедливо—вторая несправедлива; трудъ и его результатъ справедливы, пользованіе этимъ результатомъ, который есть капиталъ, и монополія на это пользованіе—вотъ что несправедливо. *La propriété c'est le vol.* Обанъ видитъ теперь истинныя причины неравенства въ распредѣленіи оружія для борьбы между людьми; почему одни осуждены всю жизнь трудиться, терпѣть нужду подъ давленіемъ

желѣзнаго закона заработной платы, тогда какъ другимъ достаточно пустить въ обращеніе свои капиталы и продукты труда другихъ текутъ въ ихъ сундуки? На это у Обана есть отвѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ отдался изученію соціальныхъ наукъ.

Онъ замѣчаетъ, что меньшинство пользуется старыми предразсудками для того, чтобы держать въ подчиненіи большинство, и заставлять признавать свои привилегіи; онъ замѣчаетъ что существованіе государства дѣлаетъ возможными два явленія: поддержаніе въ однихъ незнанія своихъ собственныхъ интересовъ, и предоставленіе другимъ менѣе невѣжественнымъ возможности обирать первыхъ.

Онъ заключилъ изъ этого, что вовсе не слѣдуетъ проповѣдывать долгъ и самоотреченіе, но напротивъ: эгоизмъ и личные интересы; этотъ выводъ въ корнѣ измѣнилъ всѣ взгляды Каррара Обана на соціальный вопросъ.

Онъ твердо вѣритъ, что если этотъ вопросъ можетъ быть когда либо разрѣшенъ, то только на этой почвѣ; все остальное по его мнѣнію или утопія, или замаскированное рабство.

Онъ чувствуетъ, что понемногу созрѣваетъ для этой свободы, которой онъ наслаждается вмѣстѣ съ той которую любитъ, несмотря на иго давящее его въ теченіи дня. Когда онъ лишился своей подруги то онъ чувствуетъ себя одинокимъ, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него ясно въ головѣ и воля его крѣпка, какъ никогда.

Онъ продолжаетъ смотрѣть на Труппа, какъ на своего лучшаго друга, онъ цѣнитъ все болѣе и болѣе энергію, упорство и врожденную деликатность составляющія положительныя черты характера Труппа. Однако друзья не всегда хорошо понимаютъ другъ друга. Труппъ продолжаетъ считать людей такими, какими они должны бы

были быть. Обанъ же напротивъ, пришелъ къ твердому убѣжденію, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ сдѣлать счастливыми тѣхъ людей, которые отъ этого отказываются.

Онъ возлагаетъ всѣ надежды на медленный прогрессъ, самосознанія людей,—Труппъ же надѣется только на революцію; Труппъ всецѣло отдался общему дѣлу и не принадлежитъ больше самому себѣ,—Обанъ говоритъ, что свобода ни къ чему не обязываетъ.

Такимъ образомъ одинъ отдается все болѣе и болѣе горячечной дѣятельности, подобный коню постоянно пришпориваемому всадникомъ, или солдату идущему впередъ по приказанію начальника, —тогда какъ другой убѣждается что успѣхъ обезпечивается тактикой діаметрально противоположной, состоящей въ томъ, чтобы выждать нападенія непріятеля съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣе его разбить. По мнѣнію одного спасеніе въ кровавой борьбѣ, по мнѣнію другого—въ борьбѣ гдѣ не будетъ пролито ни одной капли крови.

V

Борцы свободы.

Въ дверь постучали и мальчикъ изъ сосѣдняго ресторана, просунувъ голову въ дверь сказалъ:

„Сэръ?“

„Зайдите еще черезъ полъ-часа“, отвѣчалъ Каррарѣ.

Онъ посмотрѣлъ на часы и увидалъ, что добрый часъ провелъ въ мечтахъ. Было уже пять часовъ; онъ зажегъ большую лампу и поставилъ ее на каминъ; подбросилъ угля въ каминъ отодвинулъ столъ къ окну, освободивъ середину комнаты, гдѣ теперь могло помѣститься человѣкъ десять полукругомъ.

Занавѣси на окнахъ, огонь въ каминѣ и мягкій свѣтъ лампы придавали этой комнатѣ почти уютный видъ, но какая разница въ сравненіи съ двумя маленькими комнатками на Хольборнѣ, которыя онъ занималъ когда была жива его жена... Она умѣла сдѣлать такъ что всѣ чувствовали себя хорошо, умѣла заставить говорить самаго молчаливаго, заставить слушать болтуна, пробудить интересъ къ дѣлу въ самомъ равнодушномъ и все это дѣлалось такъ, что никто и не подозрѣвалъ ея вліянія. Въ то время на этихъ собраніяхъ часто присутствовали и женщины.

Собранія должны были прекратиться, когда она заболѣла, а послѣ ея смерти Каррарѣ чувствовалъ страшную пустоту, но не могъ рѣшиться

прекратить эти собранія, потому что ей же принадлежала иниціатива ихъ устройства.

Итакъ собранія опять возобновились; никто не говорилъ о той, которой всѣмъ такъ недоставало; сколько народу уже перебывало у него за эти два года—навѣрное болѣе ста человѣкъ! Почти всѣ были болѣе или менѣе причастны къ международному общественному движенію, но идеалы были очень различны, различны были и пути, которыми они стремились къ ихъ осуществленію. Всѣ они имѣли одну общую точку соприкосновенія, а именно: всѣ страдали при современномъ порядкѣ вещей и всѣ желали установленія лучшаго порядка.

Нѣкоторые упрекали Обана въ томъ, что онъ слишкомъ терпимо относился къ людямъ, допуская на эти собранія всѣхъ, въ этомъ видѣли даже измѣну.

„Измѣну по отношеніи къ кому?“ спросилъ разъ улыбаясь Обанъ; „я не давалъ никому клятву въ вѣрности“.

Онъ не водилъ больше знакомства съ этими вѣчными фразерами, людьми партіи, этими ортодоксальными фанатиками, которые желаютъ правда допустить своего ближняго въ рай свободы, при условіи однако что этотъ ближній усвоитъ ихъ идеалъ свободы,

Постоянными посѣтителями этихъ собраній были теперь только личные друзья Каррара, подобно ему признававшіе, что свобода есть ничто иное, какъ взаимная независимость, возможность для каждаго быть свободнымъ на свой манеръ.

Обыкновенно разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ; по англійски говорили только въ томъ случаѣ, если въ числѣ находились англичане, что бывало довольно часто. Часто бывали на этихъ собраніяхъ иностранцы, въ особенности за послѣднее время. Обанъ никого не просилъ прихо-

дить, но дружеское пожатіе руки при прощаньи показывало часто, что и въ слѣдующее воскресенье онъ будетъ встрѣченъ радушно. Каждый могъ приводить своихъ друзей; тогда набиралось столько народу, что не хватало стульевъ, а иногда Каррарь былъ въ обществѣ всего двухъ-трехъ друзей.

Обыкновенно разговоръ былъ общимъ и касался злободневныхъ, стоящихъ на очереди вопросовъ, случалось, что образовывались маленькіе группы и тогда разговоръ шелъ на двухъ—трехъ языкахъ.

Обыкновенно Карраръ держался въ сторонѣ, не принимая участіе въ спорахъ. Онъ вмѣшивался только когда видѣлъ, что споръ переходитъ въ въ пустую игру словами, которая можетъ тянуться безконечно, не приводя ни къ какимъ результатамъ.

На этотъ разъ однако онъ рѣшилъ уступить настояніямъ своихъ друзей и изложить противоположности двухъ ученій, отъ смѣшенія которыхъ происходитъ невообразимая путаница въ умахъ. Онъ хотѣлъ также на этотъ разъ разсѣять послѣднія недоразумѣнія, какія могли еще существовать относительно его убѣжденій и начать ту борьбу, которой отнынѣ хотѣлъ посвятить всѣ свои силы. Обанъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ посмотрѣлъ на часы, въ эту минуту въ дверь постучали и въ комнату вошелъ незнакомый Обану человѣкъ и подошелъ къ нему называя себя и подавая письмо.

Карраръ просилъ незнакомца садиться и наскоро пробѣжалъ письмо. Оно было отъ одного очень виднаго парижскаго журналиста, котораго побаивались въ тамошнемъ обществѣ, такъ какъ при крупномъ талантѣ онъ обладалъ ѣдкимъ языкомъ. Въ настоящее время онъ стоялъ во главѣ одной изъ очень значительныхъ анти-министер-

скихъ газетъ, Обанъ раньше часто встрѣчался съ нимъ, защищая права рабочихъ.

Письмо было написано очень живо и остроумно. Авторъ его рекомендовалъ Обану друга, который чувствовалъ влеченіе къ изученію соціальнаго вопроса, «какъ бабочка летитъ на огонь», и желалъ воспользоваться краткимъ пребываніемъ въ Лондонѣ для того, чтобы узнать по возможности больше объ анархизмѣ,—Обанъ же лучше кого либо могъ дать ему нужныя свѣдѣнія. Что-же касается до него самого, писалъ дальше журналистъ, то онъ слишкомъ поглощенъ настоящимъ, чтобы обольщаться будущимъ, на которое потеряны всякія надежды. Письмо заканчивалось пожеланіями успѣха литературному предпріятію порученному Обану и полнымъ тонкой ироніи упоминаніемъ о общихъ движеніяхъ „съ которыхъ грубой рукой жизни сорвано все очарованіе".

Обанъ началъ распрашивать своего гостя о своемъ старомъ товарищѣ по оружію, котораго онъ уже начиналъ терять изъ виду; затѣмъ онъ сказалъ, что всецѣло находится въ распоряженіи своего гостя. Этотъ послѣдній очень нравился Обану своей выдержкой, спокойствіемъ и видимой твердостью. А затѣмъ развѣ онъ не принесъ въ эту комнату немного парижскаго воздуха?...

„Вы хотите", сказалъ Обанъ,—„чтобы я далъ вамъ объясненія относительно теоріи анархизма: не будете ли вы такъ любезны сказалъ имъ сначала, что вы до сихъ поръ понимали подъ словомъ анархія?"

„Охотно, но я долженъ вамъ признаться, что мои понятія по этому предмету недостаточно определенны.—Хаосъ полный крови и дыма, груды развалинъ, разрывъ всѣхъ связей бывшихъ до сихъ поръ между людьми: брака, семьи, церкви, государства; люди уничтожающіе друга среди невообразимаго безпорядка"...

Обанъ улыбался, слушая это, хорошо знакомое ему описаніе.

— „...Вотъ, что такое была бы анархія, если вѣрить нашей печати, нашимъ политикамъ и нашимъ профессорамъ политическихъ наукъ. Я скажу также, что все это казалось мнѣ клеветою идей заинтересованныхъ въ неуспѣхѣ дѣла или же дѣтскими сказсками для народныхъ массъ“.

„И вы были правы“.

„Съ другой стороны, идеальное, идиллическое общество состоящее изъ людей живущихъ въ послѣднемъ согласіи, жертвующихъ личными интересами на пользу общую, кажется мнѣ неосуществимымъ и совершенно противорѣчащимъ человѣческой природѣ“.

„Я раздѣляю ваше мнѣніе“, сказалъ Обанъ, продолжая улыбаться.

„Правда?“ спросилъ его собесѣдникъ не вѣрившій своимъ умамъ, „но развѣ это не анархическій идеалъ?“

„Нѣтъ. это идеалъ антипода анархизма, — идеалъ коммунизма“.

„Я думалъ что и тотъ и другой имѣютъ одну и ту же цѣль“....

„Они отличаются другъ отъ друга, какъ день и ночь, истина и заблужденіе, эгоизмъ и альтруизмъ, свобода и рабство“.

„Но всѣ анархисты, которыхъ я знаю—коммунисты“.

„Это невѣрно. Это коммунисты называющіе себя анархистами“.

„Но въ такомъ случаѣ по вашему ни во Франціи ни даже въ Европѣ нѣтъ вовсе анархистовъ?“.

„Есть, но оченъ мало и притомъ они разсѣяны тамъ и сямъ. Однако-же всякій убѣжденный индивидуалистъ есть анархистъ“.

„А теперешнее движеніе, которое служитъ предметомъ столькихъ толковъ“.

„....Является ничѣмъ инымъ какъ анти-индивидуалистическимъ движеніемъ, а слѣдовательно и анти-анархическимъ. Я повторяю, это движеніе по своей сущности коммунистическое“.

Обанъ увидѣлъ, что его слова повергли иностранца въ полное недоумѣніе; выраженіе лица было настолько серьезно, что Обанъ ни на минуту не усумнился въ томъ, что его собесѣдникъ дѣйствительно серьезно интересуется этимъ дѣломъ.

Оба помолчали немного. Обанъ спокойно ждалъ пока его собесѣдникъ возобновитъ разговоръ.

„Позволите вы мнѣ теперь спросить васъ, что вы понимаете подъ анархіей?“ сказалъ наконецъ тотъ.

„Конечно, Вы знаете, что «анархія» есть слово «заимствованное съ греческаго и точное значеніе «его „отсутствіе власти“. Стало быть состояніе «анархіи совпадаетъ съ свободнымъ состояніемъ, «потому что ясно, что я свободенъ, если надо мною «нѣтъ никакой власти, которой я долженъ пови«новаться.

« Анархія слѣдовательно есть свобода. Теперь «остается опредѣлить свободу и я могу дать ей «такое опредѣленіе: свобода создается отсутст«віемъ всякаго насилія и всякаго принужденія“.

Онъ на нѣсколько секундъ прервалъ свою рѣчь какъ бы для того чтобы дать своему собесѣднику возможность понять смыслъ этихъ словъ произнесенныхъ ясно и отчетливо, затѣмъ продолжалъ.

„Государство есть организованное насиліе. Сущность его заключается въ насиліи; оно имѣетъ привиллегію грабежа. Оно опирается на обираніе одного въ пользу другого. Анархистъ смотритъ на государство, какъ на своего самаго большого врага, даже какъ на единственнаго врага.

Первое условіе свободы заключается въ томъ,

чтобы каждый могъ разсчитывать получить весь «продуктъ своего труда. Первымъ требованіемъ «анархиста является экономическая независимость. «Онъ желаетъ прежде всего чтобы былъ положенъ «конецъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Эта «эксплуатація станетъ невозможной въ тотъ день, «когда каждый будетъ имѣть возможность свободно «и безвозмездно получать средства необходимыя «для обмѣна произведеній труда, когда капиталъ «не будетъ больше отягощенъ процентами приз«нанными и защищаемыми закономъ, когда кре«дитъ будетъ даровымъ, организованнымъ на «принципѣ взаимности, когда рынокъ будетъ сво«боднымъ, когда не будетъ никакихъ препонъ и «препятствій для обмѣна, какъ между отдѣльными «лицами, такъ и между странами, когда земля «будетъ свободна, и когда каждый будетъ имѣть «возможность ею пользоваться,—наконецъ, когда «трудъ будетъ свободенъ“.

„Если я вѣрно понимаю ваши слова“, сказалъ «собесѣдникъ Обана, «вы склонны къ „*laissez faire,* «*laissez aller*“ сторонниковъ свободной конкуррен«ціи?“.

„Не совсѣмъ такъ: это они идутъ за нами, но «мы значительно ихъ опередили. Если они хотятъ «быть послѣдовательны то они неминуемо дол«жны придти къ тому, къ чему мы пришли. Они «говорятъ, что защищаютъ свободную конкурренцію, «въ дѣйствительности же они стоятъ только за кон«курренцію между бѣдными, потому что хотятъ «монополизировать капиталъ и помѣстить его подъ «защиту государства. Что же касается до насъ, «то мы хотимъ сдѣлать капиталъ всѣмъ доступ«нымъ; мы хотимъ чтобы каждый могъ быть ка«питалистомъ; благодаря свободному кредиту, мы «хотимъ принудить капиталъ участвовать въ кон«курренціи.

Одинъ разъ даже пришелъ субъектъ, котораго

ни кто не зналъ и который оказался впослѣдствіи шпіономъ. Онъ пришелъ сюда съ намѣреніемъ открыть заговоръ, бомбы, исполнительный комитетъ а т. п. Крѣпко проскучавъ нѣсколько часовъ, этотъ господинъ исчезъ, навѣрное давая себѣ слово не ходить больше въ подобныя собранія.

Многія горячія головы испытали то же разочарованіе. Для нихъ считавшихъ геройскимъ подвигомъ бросаніе разрывныхъ [бомбъ, изслѣдованіе причинъ человѣческихъ бѣдствій было тратой драгоцѣннаго времени. Съ какимъ высокомѣріемъ, съ какимъ презрѣніемъ говорили они о философскомъ анархизмѣ, считая его пятымъ колесомъ въ телѣгѣ для дѣла освобожденія народовъ.

— Эти идеи совершенно новы...

— Не настолько, насколько обыкновенно думаютъ, но онѣ кажутся новыми въ такое время, когда ждутъ спасенія сверху и когда не хотятъ понять, что для разрѣшенія общественныхъ вопросовъ требуется личная иниціатива каждаго, надо, чтобы каждый человѣкъ рѣшилъ самъ устроить свои дѣла, а не поручалъ бы этого другимъ.

— Въ настоящее время я не могу вполнѣ оцѣнить смыслъ вашихъ выводовъ, вы это понимаете, но однако же полагаю, что не ошибусь заключивъ, что вы отвергаете всякое обязательство подчиненія волѣ третьяго лица и всякое право предписывать свою волю третьему лицу?

— Я требую права распоряжаться моей собственной личностью, такъ какъ мнѣ желательно,—возразилъ Обанъ, упирая на каждое слово;— я не прошу у общества никакихъ правъ: пусть также поступаетъ въ отношеніи меня. Замѣтьте, что я говорю *общество*, но я точно такъ же ска-

залъ бы государство, община, отечество или человѣчество: не въ словѣ дѣло.

— Вы заходите далеко; это вѣдь ни больше ни меньше какъ отрицаніе всей исторіи.

— Я отказываюсь отъ прошлаго, которымъ я воспользовался, и немногіе могутъ это сказать, я отрицаю всѣ человѣческія учрежденія, основанныя на насиліи. Въ моихъ глазахъ они имѣютъ меньше цѣны нежели моя личность.

— Но они вами владѣютъ...

— Въ настоящее время—да; но придетъ часъ когда они рухнутъ. Потому что ихъ сила развѣ не зиждется на всеобщемъ безуміи?

Обанъ всталъ; его худощавое лицо выражало спокойную гордость.

— Вы вѣрите стало быть въ успѣхи человѣчества на поприщѣ свободы?

— Нѣтъ, я не вѣрю; несчастенъ тотъ, кто вѣритъ... Я вижу ихъ такъ же ясно, какъ вижу что солнце освѣщаетъ землю.

Гость тоже поднялся; Обанъ удержалъ его, говоря:

— Если у васъ есть время и желаніе, то останьтесь еще немного. По воскресеньямъ у меня обыкновенно собираются друзья, а сегодняшнія пренія я думаю будутъ для васъ интересны.

Разговоръ перешелъ на Парижъ и на нѣкоторыхъ тамошнихъ дѣятелей. Обанъ хотѣлъ имѣть понятіе о тайныхъ пружинахъ многихъ событій, что не всегда можно найти въ журналахъ.

Вскорѣ начали собираться обычные гости. Сначала пришелъ докторъ Хуртъ, англійскій врачъ, лечившій жену Обана и который съ этого времени не пропускалъ ни одного засѣданія. Онъ имѣлъ довольно рѣзкія манеры и былъ неразговорчивъ; видно было что это человѣкъ непоколебимой воли;—въ разговорѣ онъ всегда былъ слегка насмѣшливъ. Скептикъ онъ былъ безжалост-

ный. Обанъ очень уважалъ его и ни съ кѣмъ такъ охотно не бесѣдовалъ, какъ съ этимъ безстрастнымъ Англо-Саксомъ, котораго логика не отступала ни передъ какими выводами. Нѣкоторое время разговоръ шелъ на англійскомъ, такъ какъ французъ зналъ этотъ языкъ. Хуртъ занялъ свое обычное мѣсто у камина и грѣя свою широкую спину, проклиналъ лондонскіе туманы и дымъ, которые являются разсадникомъ всѣхъ болѣзней.

Его ворчанье было прервано приходомъ Мареля, за которымъ робко выступалъ юноша лѣтъ двадцати—краснѣвшій и смущавшійся.

— Что новаго г. Марель?

— А вотъ могу вамъ представить молодого новобранца соціальной борьбы—нѣмецкаго поэта, котораго вы видѣли, если не ошибаюсь на митингѣ протеста; онъ сгораетъ желаніемъ познакомиться съ вами.

Обанъ улыбнулся; добрый старикъ имѣлъ обыкновеніе постоянно приводить новыхъ адептовъ, которыхъ онъ ухитрялся гдѣ-то находить. Этотъ прекрасный человѣкъ не только не могъ отвѣтить отказомъ на какую бы то ни было просьбу, но часто самъ предупреждалъ желанія своихъ знакомыхъ. Такъ было конечно и въ этомъ случаѣ.

Марель, бывшій почти постоянно въ путешествіяхъ отъ одного континента къ другому, зналъ лично большинство выдающихся людей, принимающихъ участіе въ общественномъ движеніи; его тоже большинство знало и любило. Онъ шире всѣхъ пользовался правомъ рекомендаціи новыхъ гостей и конечно Обанъ не былъ на него за это въ обидѣ.

— Я очень хорошо понимаю это, — отвѣчалъ Обанъ, поэты всегда были сторонниками и защитниками свободы и мнѣ извѣстно, что нѣмецкіе

поэты не составляютъ исключенія изъ этого правила. Я съ удовольствіемъ перечитываю прекрасные стихи Фрейлиграта; есть-ли что-либо лучше поэмъ „Революція“ и „Умершіе живымъ“?

— Чудаки эти нѣмцы,—проворчалъ докторъ, родятся они на землѣ индивидуализма, а разсыпаются мелкимъ бѣсомъ передъ властью. Я не понимаю, какъ порядочный человѣкъ можетъ жить среди этихъ трусовъ.

— Такъ они же и эмигрируютъ въ громадномъ количествѣ, замѣтилъ американецъ; они къ намъ прибываютъ массами.

Дверь снова отворилась и вошелъ Труппъ. Онъ раскланялся съ присутствующими легкимъ наклоненіемъ головы. За нимъ слѣдомъ пришелъ одинъ русскій нигилистъ, котораго имени никто не зналъ, но который считался среди своихъ единомышленниковъ очень талантливымъ человѣкомъ: затѣмъ пришелъ еще сторонникъ Ньюіоркской „*Freiheit*“, съ которымъ Обанъ еще меньше могъ столковаться чѣмъ съ Труппомъ, но котораго онъ тѣмъ не менѣе принималъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ послѣдній гость. Это былъ человѣкъ громаднаго роста, голубые глаза и бѣлокурые волосы котораго обличали его скандинавское происхожденіе; онъ принадлежалъ къ молодой еще партіи шведскихъ соціалистовъ, но имѣлъ самыя живыя симпатіи къ анархизму. По его словамъ между соціалистами его страны и анархистами разница была очень незначительна: одни стремились достичь политическими реформами цѣли, которой другіе хотѣли достичь насиліемъ. Онъ начиналъ находить, что реформы идутъ очень медленно, а потому начиналъ склоняться въ сторону насилія. Это былъ чистѣйшій типъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ соціалистами по чувству.

Всѣ усѣлись полукругомъ около камина и мальчикъ изъ ресторана пришелъ спросить, что кому принести. Обанъ считалъ, что такъ гораздо удобнѣе, такъ какъ каждый могъ заказать, что ему было по вкусу. Всѣ были этимъ довольны. Разговоръ быстро завязался.

Обанъ избѣгалъ церемонныхъ представленій одного гостя другому, зато онъ умѣлъ хорошо познакомить ихъ другъ съ другомъ во время бесѣды. Такимъ образомъ всѣ вскорѣ имѣли понятіе другъ о другѣ. Докторъ мало говорилъ, но внимательно слушалъ; — это была его обычная манера. Русскій революціонеръ тоже не принималъ участія въ разговорѣ: онъ сидѣлъ задумавшись и опустивъ глаза, не теряя ни одного слова изъ того, что говорилось вокругъ него, казалось онъ искалъ внутренняго, болѣе глубокаго смысла въ томъ, что слышалъ. Онъ присутствовалъ уже на четвертомъ собраніи, хотя познакомился съ Обаномъ всего мѣсяцъ тому назадъ.

Всѣ чувствовали себя непринужденно, благодаря любезности Мареля и дружеской непринужденности Обана. Большинство курило и скоро комната наполнилась густыми клубами дыма медленно тянувшагося къ потолку. Когда на минуту водворилось молчаніе, Обанъ, сидѣвшій между французомъ и нѣмецкимъ поэтомъ сказалъ:

— Господа, Труппъ и я хотѣли просить васъ посвятить часъ-другой изслѣдованію вопроса: Что такое анархизмъ? Долженъ васъ предупредить, что дѣло идетъ не объ изслѣдованіи съ опредѣленной точки зрѣнія, но объ обмѣнѣ мнѣній по вопросу объ основныхъ принципахъ анархизма. Мы оба чувствуемъ, что объясненіе по этому вопросу стало теперь безусловно необходимымъ.

Онъ замолчалъ, выжидая отвѣта. Всѣ изъявили свое согласіе кивкомъ головы и Обанъ продолжалъ:

— Многіе изъ васъ можетъ быть скажутъ: Какъ? Споръ объ основныхъ принципахъ анархизма? Да вѣдь никто не оспариваетъ, что эти принципы уже давно установлены. Ну, а я вамъ говорю, что существуютъ сомнѣнія, повѣрьте мнѣ. Несмотря на то, что слово „анархистъ“ было произнесено впервые лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ хотя въ теченіи полустолѣтія анархизмъ проникъ во всѣ европейскія государства, хотя въ настоящее время въ Европѣ насчитывается десять тысячъ человѣкъ, называющихъ себя анархистами,—да пожалуй столько же и въ Америкѣ, однако, несмотря на все это число тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно хорошо понимаютъ анархистское ученіе — число этихъ лицъ, говорю я, очень ограничено. Я скажу вамъ кто эти лица. Это мыслители индивидуалисты настолько послѣдовательные, чтобы принять свою философскую систему къ обществу; это еще тѣ смѣлые люди, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи и живутъ тамъ, въ Бостонѣ въ одномъ изъ самыхъ культурныхъ и интеллигентныхъ городовъ Америки, городѣ, гдѣ выходитъ единственная анархистская газета; наконецъ это рѣдкіе позлѣдователи Прудона, разсѣянные тамъ и сямъ по свѣту, люди, для которыхъ этотъ геній не умеръ, хотя соціалисты и полагаютъ что онъ уже отжилъ свой вѣкъ.

— Вы можете еще прибавить, — замѣтилъ Хуртъ что нѣкоторые капиталисты отлично понимаютъ благодаря чему они держатся и настолько сообразительны, что не совсѣмъ пренебрегаютъ своимъ самымъ опаснымъ врагомъ.

— Что же въ такомъ случаѣ мы, рабочіе, которые гордо носили это имя несмотря на преслѣдованія, мы—не анархисты?—спросилъ Труппъ съ живостью.

— Прежде всего анархизмъ вовсе не является

вопросомъ классовымъ; онъ есть дѣло каждаго кому дорога свобода. А затѣмъ, — продолжалъ Обанъ, становясь въ середину кружка; — я утверждаю, что тѣ рабочіе, о которыхъ ты говоришь Отто, не анархисты. Я попрошу у васъ господа вниманія; полчаса мнѣ будетъ довольно, чтобы доказать это.

— Говорю первымъ, — возразилъ Труппъ, казавшійся очень спокойнымъ, „я отвѣчу, когда ты кончишь“.

— Я могу сказать, что всегда желалъ только одного: свободы. Не одну теорію я изучилъ основательно, я былъ горячимъ поборникомъ соціализма, но въ концѣ концовъ я отошелъ отъ всего для того, чтобы предаться новымъ изслѣдованіямъ и чувствую, что теперь достигаю до высшей точки всѣхъ изслѣдованій своего *я*. Я чувствую теперь нѣкоторое отвращеніе говорить публично. Прошло то время когда слова лились у меня потокомъ именно потому, что мыслей было немного, теперь я отказался отъ многословія, предоставляя его женщинамъ, молодымъ людямъ и коммунистамъ. Но теперь настало время оцѣнить по достоинству тщетныя усилія, которыя дѣлаются для того, чтобы связать въ одну теорію совершенно несовмѣстимые принципы. Теперь дѣло идетъ о выборѣ опредѣленной позиціи, выбирать между тѣмъ и другимъ, быть за или противъ свободы. Честный врагъ лучше невѣрнаго друга.

Слова эти были сказаны энергическимъ тономъ и произвели сильное впечатлѣніе: всѣ чувствовали, что наступилъ важный моментъ. Потому то каждый съ большимъ вниманіемъ слушалъ объясненія Обана и возраженія Труппа. Почти никто не вмѣшивался въ ихъ споръ.

Обанъ говорилъ медленно отчеканивая слова; никакихъ недоразумѣній относительно сказаннаго имъ быть не могло, потому что онъ старательно

подчеркивалъ тѣ слова и выраженія, которыя считалъ особенно важными. Труппъ же напротивъ говорилъ со всѣмъ жаромъ сердца жаждущаго справедливости. Когда онъ наталкивался на препятствія, которыя не могъ преодолѣть разумомъ, то онъ улеталъ на крыльяхъ надеждъ. Оба друга говорили по французски; всѣ присутствующіе понимали этотъ языкъ.

Обанъ снова началъ говорить, медленно точно читая:

— Я утверждаю, что современное общественное движеніе подрывается внутренними раздорами съ каждымъ днемъ становящимися все болѣе и болѣе значительными. Новая идея анархизма отдѣляется отъ старой идеи соціализма. Сторонники той и другой доктрины образуютъ въ настоящее время два противоположныхъ лагеря. Дѣло идетъ о томъ, чтобы пойти въ одинъ или въ другой лагерь и мы это и сдѣлаемъ сегодня, если вы желаете. Сначала посмотримъ къ чему стремится анархизмъ и къ чему—соціализмъ.

Какую цѣль преслѣдуетъ соціализмъ?

„Я прихожу къ тому убѣжденію, что очень трудно дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Я внимательно слѣдилъ за движеніемъ лѣтъ десять, я близко познакомился съ нимъ въ двухъ различныхъ по характеру странахъ и однако же мнѣ не удалось составить яснаго понятія о конечныхъ цѣляхъ соціализма. Если бы было иначе, то я вѣроятно былъ бы еще въ числѣ послѣдователей этого ученія. Куда я ни обращался, я могъ получить только два отвѣта. Одинъ: „Было бы странно желать теперь же дать опредѣленное понятіе о будущемъ, которое мы только подготовляемъ; оставимъ эту заботу тѣмъ, которые будутъ жить послѣ насъ“. Другой, менѣе скромный; люди будутъ ангелами, земля—раемъ, гдѣ будутъ царить миръ, свобода и счастье; все

это выростетъ, какъ грибы и образуетъ будущее общество. Первый отвѣтъ даютъ коллективисты, соціальдемократы, и сторонники государственнаго соціализма; второй отвѣтъ—отвѣтъ тѣхъ свободныхъ коммунистовъ, которые называютъ себя анархистами, а также мечтателей, проникнутыхъ идеями христіанства, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи и число которыхъ болѣе значительно нежели обыкновенно думаютъ. Къ этой послѣдней категоріи должны быть отнесены большинство филантроповъ и религіозныхъ фанатиковъ. Конечно я не могу упоминать обо всѣхъ въ томъ краткомъ очеркѣ, который хочу теперь сдѣлать; я имѣю въ виду не выходить изъ рамокъ самой строгой дѣйствительности, а потому буду разсматривать людей такими, какими они были, такими, каковы они есть и какими всегда будутъ. Свободные коммунисты или революціонеры мѣняли свою окраску чуть не каждыя десять лѣтъ, они слѣдовали за Бакунинымъ послѣ того какъ клялись Бабефомъ, Кабе и Вейтлингомъ,—въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ они назвали себя анархистами и своими поступками запятнали кровью и втоптали въ грязь это имя. Что касается до утопистовъ филантропіи, то эта порода не исчезнетъ до тѣхъ поръ пока государство не перестанетъ разводить нищету.

„Оставивъ этихъ фантазеровъ и принимая въ „соображеніе только то, что согласно съ выводами „разума, я полагаю что стремленія соціалистовъ „могутъ быть истолкованы такимъ образомъ: „общность всѣхъ средствъ производства и си„стематическая регламентація производства въ „общихъ интересахъ. Все это должно быть сдѣ„лано согласно желанія абсолютнаго большинства „населенія выбранными имъ уполномоченными.

„Таковъ первый членъ символа вѣры соціали„стовъ всѣхъ странъ. Я разумѣю тѣхъ соціали-

„стовъ, которые считаются съ требованіями дѣй-„ствительной жизни.

„Вы понимаете, что я не могу распростра-„няться относительно возможности осуществленія „этихъ теорій, проведеніе которыхъ въ жизнь „могло-бы быть достигнуто только путемъ безпри-„мѣрнаго террора и цѣною полнаго уничтоженія „личности, во что я не вѣрю, не могу распростра-„няться также и относительно неисчислимыхъ „послѣдствій которыя диктатура большинства по-„влечетъ за собою для хода цивилизаціи.

„Да и къ чему? Мнѣ достаточно будетъ на-„помнить вамъ о тѣхъ общественныхъ условіяхъ, „отъ которыхъ мы всѣ теперь страдаемъ и пере-„числить вамъ привилегіи, которыя государство „признаетъ за капиталомъ и собственностью, о „борьбѣ труда оставленнаго на произволъ капи-„тала. Мнѣ достаточно будетъ упомянуть объ „этихъ фактахъ, чтобы показать вамъ, что эконо-„мическая свобода и свобода личная будутъ не-„много стоить въ тотъ день, когда всѣ эти част-„ныя монополіи уступятъ мѣсто единой общей „монополіи въ пользу общины. То, что теперь „является насильственной эксплуатаціей боль-„шинства меньшинствомъ, завтра будетъ не ме-„нѣе насильственной и не болѣе справедливой „эксплуатаціей меньшинства большинствомъ. Угне-„теніе слабаго сильнымъ превратится въ угнете-„ніе сильнаго слабымъ. Въ обоихъ случаяхъ мы „имѣемъ дѣло съ привилегированною властью „дѣлающей что ей угодно.

„И такъ лучшее, чего можетъ достичь соціа-лизмъ, это перемѣна властей“.

„Какова же цѣль анархизма?“

„Я скажу, что анархизмъ стремится къ упразд-ненію всякой власти имѣющей слѣдствіемъ раз-дѣленіе людей на эксплуататоровъ и эксплуати-руемыхъ.

„Всякая властъ основана на насиліи, а наси-

ліе есть несправедливость. Справедлива только свобода, отсутствіе насилія и принужденія. Свобода основывается на равенствѣ жизненныхъ условій для всѣхъ людей. Идеаломъ анархіи является воспитать на этомъ основаніи равенства, человѣка свободнаго, независимаго, хозяина своихъ дѣйствій, требующаго отъ общества только одного—уваженія къ своей свободѣ, не признающаго другихъ законовъ, кромѣ того закона, который онъ самъ себѣ поставилъ: уважать свободу другихъ".

„Когда такой человѣкъ пробудится къ жизни, то государству наступитъ конецъ. Правительство будетъ замѣнено обществомъ, государство — свободными ассосіаціями, принудительные законы — свободными договорами. Тогда начинается свободная конкурренція, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Искусственныя понятія о силѣ и слабости исчезнутъ въ тотъ моментъ, когда всѣ пути станутъ свободны, когда люди въ своихъ дѣйствіяхъ будутъ руководствоваться правильно понимаемымъ эгоизмомъ, согласно которому благосостояніе одного человѣка не можетъ существовать безъ благосостоянія другого. Какъ только привилегіи поддерживаемыя государствомъ исчезнутъ вмѣстѣ съ нимъ, каждый будетъ въ состояніи получить весь продуктъ своего труда и такимъ образомъ осуществится первое положеніе анархизма—общее съ соціализмомъ".

„Вы хотите знать", продолжалъ Обанъ встрѣтивъ вопросительные взгляды нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, — „когда я буду въ состояніи обезпечить себѣ полный продуктъ моего труда? Когда я буду имѣть возможность обмѣнять этотъ продуктъ на другой равноцѣнный, вмѣсто того, чтобы быть принужденнымъ продавать его, какъ теперь т. е. позволять похищать у меня часть его.

„Съ исчезновеніемъ насилія капиталъ теряетъ

возможность брать съ труда ту дань, которую этотъ послѣдній платитъ ему теперь; онъ принужденъ будетъ принять участіе въ борьбѣ, извлекать пользу путемъ займовъ, процентъ на которые, благодаря конкурренціи, будетъ очень невеликъ. Банки будутъ соперничать между собою, увеличивая средства обмѣна и сдѣлаютъ невозможнымъ сосредоточеніе капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ".

„Прибыль капитала убиваетъ трудъ; это вампиръ истощающій его. Уничтожьте прибыль и трудъ свободенъ".

„Вы увидите какъ богата наша мать природа, когда она не будетъ болѣе сдерживаема противоестественными учрежденіями тиранической организаціи, которыя подъ предлогомъ заботы объ общественномъ благѣ держатъ въ ужасающей нищетѣ почти все населеніе, для того чтобы ничтожное меньшинство могло жить въ безумной роскоши. Вы увидите, что личное благосостояніе соотвѣтствуетъ благосостоянію общественному, причемъ надо замѣтить, что второе зависитъ отъ перваго, а не наоборотъ".

„Анархизмъ стремится къ уничтоженію всѣхъ искусственныхъ препятствій, которыя появляются между человѣкомъ и свободой, между человѣкомъ и его ближнимъ подъ разными формами коммунизма, въ видѣ самой гнусной лжи, что отдѣльная личность должна жить не для себя, а для общества".

„Я вѣрю въ силу разума, который уже началъ очистительную работу и я спокойно жду будущаго. Возможно, что свобода еще далека, но она придетъ. Она является необходимостью для человѣчества; люди всегда стремились и будутъ стремиться къ ней. Свобода не есть состояніе покоя, но напротивъ состояніе дѣятельности, такъ же

точно, какъ жизнь является не сномъ, а бдѣніемъ, которое прекращается только со смертію".

„Свобода подъ именемъ анархизма ставитъ свое главнѣйшее условіе, требуя независимости личности. Подъ этимъ именемъ будутъ бороться люди желающіе отвоевать свою личность у соціалистическаго міра, который теперь начинаетъ образовываться. Никто не можетъ относиться безучастно къ борьбѣ; каждый принужденъ будетъ стать на ту или на другую сторону; вопросъ свободы является вопросомъ экономическимъ".

Каррарь Обанъ уже не имѣлъ теперь своего обычнаго равнодушнаго вида, а послѣднія фразы онъ произнесъ взволнованнымъ голосомъ. Слушатели его повидимому испытывали различныя впечатлѣнія; никто изъ нихъ не отвѣтилъ тотчасъ-же.

„Я поступалъ въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ согласно съ высказанными мною убѣжденіями, прибавилъ Обанъ,—и я сказалъ вамъ каковы они. Достаточно-ли ясно я выражался? Всѣ-ли меня поняли? Не знаю, но знаю, что мое мѣсто внѣ всѣхъ современныхъ партій. Я ищу людей, которые пройдя черезъ тѣ же фазы развитія, пришли къ тѣмъ же заключеніямъ. Мы найдемъ другъ друга и когда будемъ достаточно сильны, то въ свою очередь начнемъ дѣйствовать... Но я сказалъ достаточно!!"

Онъ сѣлъ.

Нѣсколько времени всѣ обмѣнивались замѣчаніями, ожидая пока начнетъ говорить Труппъ. Этотъ послѣдній не пропустилъ ни одного слова изъ рѣчи Каррара; наконецъ онъ рѣшился говорить и, обведя слушателей своимъ проницательнымъ взглядомъ, началъ рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ звучало глубокое убѣжденіе.

„Вопросъ идетъ о двухъ анархизмахъ, изъ которыхъ одинъ не анархизмъ. Я знаю только одинъ

анархизмъ появившійся среди рабочихъ и распространившійся всюду. Онъ одного возраста съ вѣкомъ и даже старше, потому что былъ извѣстенъ Бабефу. Либеральные буржуи можетъ быть изобрѣли другой анархизмъ, но меня это не касается, это меня не интересуетъ, это не интересуетъ рабочихъ. Что касается Прудона, о которомъ постоянно упоминаетъ товарищъ Обанъ, то о немъ давно уже не говорятъ даже во Франціи; его теоріи замѣнены коммунистическимъ и революціоннымъ анархизмомъ истиннаго пролетаріата".

„Если товарищи желаютъ знать къ чему стремится этотъ анархизмъ противоположный государственному коммунизму, то я скажу это въ немногихъ словахъ".

„Прежде всего мы смотримъ на человѣка какъ на произведеніе общества, которому онъ обязанъ всѣмъ, что имѣетъ. Онъ не можетъ поэтому выйти изъ общества, потому что онъ долженъ возвратить ему въ той или въ другой формѣ то, что онъ получилъ отъ него. По этой же причинѣ онъ не можетъ сказать: „то или это принадлежитъ только мнѣ". Частная собственность не должна больше существовать, все что произведено, и все что будетъ произведено, является собственностью коллективной. Всѣ имѣютъ равныя права на всѣ продукты производства, потому что нѣтъ возможности точно опредѣлить участіе каждаго въ этомъ производствѣ. Вотъ почему мы объявляемъ свободу пользованія, то есть право каждаго брать все, что ему нужно".

„Вотъ почему мы являемся коммунистами. Однако это вовсе не мѣшаетъ намъ быть анархистами. Это доказывается тѣмъ, что мы желаемъ установленія такого общественнаго строя, который позволитъ каждому всецѣло развивать свое „я", то есть свои таланты, способности, желанія и нужды. Не будетъ больше правительства, адми-

нистраціи, не будутъ этой комедіи выборовъ не будетъ этихъ пройдохъ, которые стремятся стать во главѣ рабочихъ только для того, чтобы обманывать ихъ.

— Какъ коммунисты мы говоримъ: „Каждому по его нуждамъ", какъ анархисты мы говоримъ: „Каждому по его способностямъ".

— Если Обанъ будетъ утверждать, что этотъ идеалъ не осуществимъ, то я отвѣчу ему, что онъ не знаетъ рабочихъ, которыхъ онъ долженъ-бы былъ знать потому, что достаточно жилъ между ними. Рабочіе вовсе не такіе гнусные эгоисты, какъ буржуа, они съумѣютъ разобраться когда придетъ послѣдняя революція и они сведутъ счеты со всѣми. Я думаю, что послѣ экспропріаціи эксплуататоровъ и уничтоженія банковъ, они все предоставятъ въ общее распоряженіе. Пустые дворцы скоро найдутъ жильцовъ, а магазины полные товарами—кліентовъ; объ этомъ особенно безпокоиться нечего.

— Потомъ, когда у каждаго будетъ, что ѣсть, во что одѣться и свой уголъ, когда голодные будутъ накормлены, то рабочіе образуютъ группы для совмѣстнаго производства и каждый будетъ потреблять сообразно съ своими нуждами. Каждый будетъ получать отъ общества эквивалентъ того, что онъ будетъ давать ему, ни въ какомъ случаѣ не меньше. Что вы хотите, чтобы сильный производящій больше нежели нужно, дѣлалъ съ избыткомъ, какъ не передавалъ его слабому? И мнѣ скажутъ, что это не свобода?.. Ни у кого вѣдь не будутъ спрашивать сколько они производятъ и сколько потребляютъ. Нѣтъ, они будутъ относить то, что произвели въ общіе магазины и будутъ брать, что имъ нужно...

Въ эту минуту Труппъ былъ прерванъ хохотомъ доктора Хурта. Всѣ удивились; большинство было въ недоумѣніи, но Обанъ былъ возмущенъ.

— Вы смѣетесь, докторъ,—сказалъ онъ, — а вѣдь это только печально видѣть какъ человѣкъ съ легкимъ сердцемъ идетъ на гибель.

Труппъ поднялся; было видно, что онъ очень взволнованъ; онъ не былъ однако оскорбленъ, понимая, что дѣло шло о его идеяхъ, а не о его личности.

— Съ такимъ, какъ вы, — вскричалъ онъ, — каши не сваришь...

Но докторъ уже былъ совершенно серьезенъ и казалось не слыхалъ этихъ словъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ рѣзко, — мы на землѣ или на лунѣ? Гдѣ вы встрѣтили такую породу людей? Вы никогда должно быть не будете видѣть ясно окружающую обстановку?..

Онъ повернулся и снова расхохотался.

— Вотъ никогда-бы не повѣрилъ, что можно проповѣдывать такія вещи, если-бы самъ не слышалъ! И это двѣ тысячи лѣтъ послѣ Христа, когда у насъ есть двѣ тысячи лѣтъ и опыта купленнаго дорогою цѣною, двѣ тысячи лѣтъ страданій, благодаря ученіямъ, которыми насъ опять угощаютъ.

Сцена внезапно измѣнилась; всѣ вдругъ заговорили, обмѣниваясь впечатлѣніями, начались оживленные споры.

Труппъ ничего не отвѣчалъ на слова доктора, онъ только плечами пожалъ. Онъ утѣшался своимъ успѣхомъ, потому что было ясно, что онъ имѣлъ успѣхъ, Обанъ не безъ удивленія констатировалъ это. Присутствующіе очень сухо приняли холодное изложеніе краткихъ доказательствъ; они стремились къ полному счастью и Труппъ имъ его обѣщалъ. Будетъ-ли это обѣщаніе исполнено? Повидимому этотъ вопросъ никому не приходилъ въ голову.

Надежда имѣетъ свои дурныя стороны, подумали Хуртъ и Обанъ, переглянувшись. Развѣ она

не пренебрегаетъ разумомъ, который съ такимъ трудомъ разрушаетъ громадное зданіе заблужденій? Нѣмецъ—поэтъ жадно слушалъ рѣчь Труппа; онъ былъ еще крайне несвѣдущъ въ вопросѣ объ анархизмѣ, а потому легко приходилъ въ восторгъ. Для него не существовало никакихъ сомнѣній: все будетъ хорошо, великодушно, велико. Онъ протянулъ руку Отто и сказалъ съ увлеченіемъ:

— Позвольте мнѣ быть вашимъ сторонникомъ!

Русскій оставался по прежнему безмолвнымъ и его молодое, но уже серьезное лицо было безстрастно и прочитать на немъ какія чувства волновали его, было невозможно. Рабочій пришедшій вмѣстѣ съ нимъ спокойно ждалъ, когда будетъ можно сказать свое мнѣніе.

— Повѣрьте дорогой мой, — сказалъ доктору Марель,—сердце должно быть принимаемо въ разсчетъ въ дѣлѣ соціализма. Основы нравственности...

Но неисправимый докторъ безъ всякаго уваженія къ сѣдинамъ этого прекраснаго человѣка, перебилъ:

— Я не забочусь объ основахъ нравственности, сэръ потому, что я матеріалистъ. Жизнь не очень-то нѣжна къ человѣку и я на своей шкурѣ испыталъ, что если я хочу быть свободнымъ, то долженъ напрячь для этого всѣ свои силы, а кромѣ того еще знаю, что сантиментальность самый худшій изъ всѣхъ недостатковъ.

Споръ быстро разгорался; всѣ наперерывъ старались выразить свои впечатлѣнія. Вокругъ Труппа образовался маленькій кружокъ изъ Мареля, поэта, другаго соотечественника Труппа и шведа, добросовѣстно старавшагося не пропустить ничего изъ того, что говорилось; это было довольно трудно для него, плохо знавшаго тотъ языкъ, на которомъ говорили.

Большинство было на сторонѣ механика, кото-

рый продолжалъ развертывать передъ своими слушателями одну картину заманчивѣе другой.

Докторъ сталъ разговаривать съ иностранцемъ, который первымъ пришелъ на собраніе; русскій внимательно смотрѣлъ на Обана, какъ бы желая проникнуть въ его сокровенныя мысли. Обанъ же разглядывалъ своихъ гостей и думалъ о томъ, какіе поразительные контрасты представляютъ нѣкоторыя лица; у стараго американца былъ профиль сѣдобородаго патріарха, тонкія черты эфеба у нѣмецкаго поэта, мрачное блѣдное лицо и всклокоченные волосы у русскаго, тонкое умное лицо у француза, лицо римскаго императора у доктора, голова карточнаго короля у шведа, голубые глаза котораго сохраняли свое кроткое выраженіе даже во время самаго ожесточеннаго спора.

„Сколько людей, сколько различныхъ существъ“, думалъ Обанъ. „И ихъ хотятъ всѣхъ подвести подъ одну мѣрку?.. Нѣтъ, нѣтъ, свобода вездѣ и во всемъ, въ мелочахъ также какъ и въ великихъ вещахъ“.

— Я жалѣю, что тебя перебили, Отто — сказалъ онъ громко, когда кружокъ около его друга началъ расходиться.

Но Труппъ не далъ ему кончить.

— Я сказалъ все, что хотѣлъ.

— Тѣмъ лучше. Хочешь-ли ты, чтобы мы болѣе полно выразили наше міровоззрѣніе? Это легко сдѣлать, задавая другъ другу вопросы относительно нѣкоторыхъ частностей!

Всѣ снова стали внимательно слушать, однако спокойствіе было болѣе кажущимся, чѣмъ настоящимъ и многіе слушатели не могли удержаться, чтобы не вмѣшаться въ этотъ горячій споръ.

— Я хочу попробовать,—началъ Обанъ,—доказать насколько различны между собою анархизмъ и коммунизмъ и насколько они несогласны

даже въ своихъ заключеніяхъ. Ты требуешь автономіи личности, ты требуешь для нея независимости и свободнаго распоряженія своими дѣйствіями; ты хочешь, чтобы личность могла свободно развиваться, ты хочешь, чтобы она была свободна: въ этомъ мы съ тобою вполнѣ сходимся. Но только ты устраиваешь идеальное будущее соотвѣтствующее твоимъ вкусамъ, желаніямъ и привычкамъ. Ты даешь ему названіе идеала человѣчества и убѣжденъ, что каждый человѣкъ дѣйствительно достойный этого имени будетъ такъ же счастливъ при осуществленіи этого идеала, какъ будешь счастливъ ты. Нужно, чтобы твой идеалъ сталъ идеаломъ всѣхъ людей. Я же напротивъ, желаю чтобы каждый могъ брать тотъ идеалъ, который ему больше всего подходитъ. Я желаю, чтобы меня оставили въ покоѣ, я не желаю, чтобы отъ меня требовали то того, то другого во имя идеала человѣчества. Ну, теперь мы кажется уже не такъ согласны?

„Я освобождаюсь, ты—связываешь себя; я держусь оборонительно, ты переходишь въ наступленіе: я одинъ борюсь за свою собственную свободу, ты ратуешь за то, что ты называешь свободой другихъ.

„Перейдемъ ко второму положенію, къ устраненію, или, чтобы сказать настоящее слово: къ насильственному упраздненію нѣкоторыхъ учрежденій. Ты говоришь объ уничтоженіи религіи, ты гонишь священниковъ, запрещаешь религіозное обученіе, ты будешь преслѣдовать вѣрующихъ.

„Я вѣрю въ философское развитіе, которое все увеличивается и въ концѣ концовъ замѣнитъ религію наукой. Недостатокъ экономической свободы вынуждаетъ людей въ настоящее время примыкать къ той или другой изъ существующихъ церквей и не отпадать отъ нихъ. Пусть трудъ станетъ свободнымъ и храмы скоро опу-

стѣютъ, вѣра исчезнетъ сама и священникамъ некому будетъ читать проповѣди. Такимъ образомъ я никогда не дамъ своего одобренія насилію надъ свободою человѣка желающаго смотрѣть на Бога, какъ на свое единственное утѣшеніе, или на папу, какъ на непогрѣшимое существо. Будетъ ли онъ вѣрующимъ или атеистомъ, для меня это рѣшительно все равно, лишь бы только онъ не пытался ограничить мою свеболу въ этомъ отношеніи".

Кругомъ засмѣялись: эта крайняя терпимость Обана по отношенію къ врагу однихъ занимала, а другихъ раздражала. Обанъ не смутился, онъ рѣшилъ твердо идти до конца.

„Подобно мнѣ ты хочешь свободной любви, «остается знать, что ты разумѣешь подъ свобод«ной любовью.

Разумѣешь ли ты подъ этимъ обязанность «женщины отдаваться каждому мущинѣ, который «ее пожелаетъ, обязанность мущины не отказывать «желаніямъ женщины, обязанность общества со«держать дѣтей происшедшихъ отъ этихъ сою«зовъ; обязанность личной семьи обратиться въ «общую семью,—неправда ли, ты это называешь «свободною любовью? Ну, а я содрогаюсь при од«ной мысли, что подобный порядокъ вещей мо«жетъ осуществиться. Никто больше меня не «ненавидитъ бракъ; бракъ принуждаетъ мущину «и женщину продаваться другъ другу, онъ пре«пятствуетъ свободному подбору существъ, онъ «является порою непреодолимымъ препятствіемъ «къ разводу, создавая такимъ образомъ адъ «вдвоемъ, которому конецъ можетъ положить «только смерть;—я смотрю на бракъ съ ужасомъ. «Я никогда не возражу ничего противъ свободнаго союза мущины и женщины, свободно выбравшихъ другъ друга и остающихся вѣрными другъ ругу всю жизнь. Но съ другой стороны, я очень

хорошо понимаю тѣхъ мущинъ и женщинъ, которые любятъ мѣнять предметы своей любви; по моему союзы на одну ночь, на одну весну, также законны, какъ и вѣчные союзы. Требованія нравственности кажутся мнѣ прямо смѣшными и являющимися слѣдствіемъ болѣзненной страсти нѣкоторыхъ людей все регламентировать кстати и не кстати.

Наконецъ вы отрекаетесь отъ частной собственности съ замѣчательной непринужденностью и самонадѣянностью. Вы говорите: уничтожимъ государство и мы въ тоже время уничтожимъ и частную собственность защищаемую государствомъ, и тогда собственность будетъ въ нашихъ рукахъ. Вы мало заботитесь о собственности, я убѣжденъ въ этомъ, потому что въ противномъ случаѣ развѣ вы не заботились бы больше о вашей собственности. Дня не проходитъ безъ того, чтобы у васъ не отнималось значительная ея часть. Уничтожьте несправедливое владѣніе, то владѣніе благодаря которому ваше добро находится въ чужихъ рукахъ, но устройтесь такъ, чтобы самимъ стать его владѣльцами.

Вотъ единственное средство дѣйствительно уничтожить собственность; только оно хорошо и справедливо, только оно ведетъ въ тоже время и къ свободѣ.

„Долой государство, пусть трудъ будетъ свободенъ и пусть будетъ свободна собственность. Тогда и денежное обращеніе не будетъ отягощено привилегіями"...

Но терпѣніе Труппа истощилось.

„Какъ!" вскричалъ онъ съ негодованіемъ, „вы сохраняете деньги, эти гнусныя деньги, которыя всѣхъ насъ мараютъ, унижаютъ, дѣлаютъ рабами?".

Обанъ пожалъ плечами; онъ теперь рѣшилъ смѣяться, хотя сначала чуть было не разсердился.

„Позволь мнѣ спросить у тебя одну вещь: воз-
«возмущало-ли бы тебя быть одновременно твоимъ
«работникомъ и твоимъ хозяиномъ? Быть наемни-
«комъ, нанимателемъ и акціонеромъ вмѣсто того,
«чтобы быть простымъ слугою капитала, какимъ
«ты являешься теперь? Я этого не думаю. Возму-
«тительно, что могутъ существовать люди, какъ
«въ наше время, которые получаютъ барыши, не
«работая".

„Какъ же по твоему будетъ опредѣляться цѣн-
ность работы?".

„Большей или меньшей ея полезностью, кото-
«рая сама по себѣ установится путемъ свободной
«конкурренціи. Всякій другой способъ опредѣле-
«нія, исходитъ ли онъ сверху или снизу несправед-
«ливъ и произволенъ. По своему обыкновенію
коммунизмъ распоряжается съ большой непринуж-
денностью. Онъ все сваливаетъ въ одну кучу.

— Но у насъ уже есть свободная конкурренція
воскликнулъ Отто.

— Заблужденіе! У насъ есть конкурренція
труда, но нѣтъ конкурренціи капитала. Вы видите
гибельныя послѣдствія этой частной конкурренціи и
преимуществъ данныхъ собственности, и вы кричите
тогда: Долой собственность! Но вы не видите,
что собственность даетъ независимость, вы
не видите, что нужно только сдѣлать ее всѣмъ
доступной и устранить разницу между хозяиномъ
и работникомъ. Повѣрьте мнѣ, организація свободнаго
кредита, то есть возможность для каждаго
достать средства труда, эта мирная радикальная
революція, самая великая изъ всѣхъ революцій,
будетъ имѣть слѣдствіемъ такое значительное измѣненіе
условій жизни, что трудно себѣ составить
о немъ точное понятіе.

Онъ замолчалъ—и замѣтилъ, что его объясненія
не возбуждали большаго сочувствія. Большая
часть слушателей обнаруживала признаки

нетерпѣнія, только докторъ сидѣлъ задумчивый, какъ бы вдумываясь въ то, что слышалъ. Для большинства же революція значила груды развалинъ и труповъ, и они съ сомнѣніемъ качали головами. Для нихъ-то Обанъ попытался еще болѣе пояснить свои мысли:

— Знаете-ли вы, что произойдетъ отъ уничтоженія процента, а слѣдовательно и ростовщичества? Будетъ постоянный спросъ на рабочія руки, установится равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, цѣны понизятся до минимума, а слѣдовательно увеличится потребленіе, обмѣнъ будетъ происходить равноцѣнными продуктами, а слѣдовательно распредѣленіе богатствъ будетъ самое справедливое, благосостояніе отдѣльныхъ лицъ и всей страны будетъ увеличиваться...

На этотъ разъ расхохотался Труппъ.

— Хороша твоя революція! И ты хочешь, чтобы рабочіе повѣрили этой чепухѣ? Право, еслибы я не видѣлъ тебя, я подумалъ-бы, что это говоритъ буржуа. Нѣтъ, милый мой, революція, которую мы сдѣлаемъ, будетъ почище всѣхъ твоихъ экономическихъ эволюцій. Мы церемониться не будемъ; мы просто возьмемъ все то, что у насъ было украдено силою и хитростью.

— Если только буржуазія не будетъ еще меньше церемониться съ вами, возразилъ докторъ; *exempla docent*. Это значитъ: читайте исторію.

Хуртъ не забылъ какъ видно угрозы, съ которой къ нему обратился Труппъ, и которой онъ казалось не слышалъ.

— Въ общемъ,—замѣтилъ нѣмецъ, членъ Нью-Іоркской «*Freiheit*», секціи «Коммунистическаго общества воспитанія рабочихъ», — вопросъ объ анархизмѣ въ собственномъ смыслѣ слова еще не подымался. Это тотъ анархизмъ, который существовалъ уже въ то время, когда не знали еще ни Бостонскаго клана, ни фанатической сек-

ты автономистовъ. Однако этотъ анархизмъ насчитываетъ наибольшее число сторонниковъ. Онъ имѣетъ цѣлью коммунизмъ въ свободномъ обществѣ, основанномъ на кооперативной организаціи труда; онъ не отвергаетъ обязательной работы, потому, что ставитъ принципъ: Нѣтъ правъ безъ обязанностей. Онъ требуетъ, чтобы равноцѣнные продукты обмѣнивались самими производительными ассоціаціями безъ всякихъ посредниковъ и прибыли и чтобы общины устраивали всѣ общественныя дѣла путемъ свободнаго договора. При такой организаціи общества, государство не нужно и большинство членовъ этого общества будутъ чувствовать себя очень хорошо.

— Вы стало быть признаете за большинствомъ право прибѣгать къ силѣ, чтобы предписать свою волю.

— Безъ сомнѣнія: личность должна стоять ниже общества, интересы котораго гораздо важнѣе.

— Вы идете по стопамъ соціализма...

— Это очень заманчиво для анархиста, вставилъ Труппъ. А что вы дѣлаете съ свободою личности? Все это централистическій коммунизмъ; мы теперь уже ушли очень далеко. Что касается до меня то я твердо вѣрю и не отказываюсь отъ этого, что въ будущемъ обществѣ каждый будетъ добровольно дѣлать ту работу, которая придется на его долю.

— Но допустите, что люди этого не будутъ дѣлать,—сказалъ вѣжливо французъ: что же будетъ съ вашимъ правомъ пользованія?

— Они будутъ дѣлать, будьте увѣрены,—отвѣчалъ Труппъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ.

— Я полагаю, что благоразумнѣе будетъ на это не разсчитывать.

— Вы не знаете рабочихъ.

— Но рабочіе будутъ уже буржуями, когда у нихъ явится собственность; они первые запро-

тестуютъ противъ экспропріаціи. Вы не считаетесь съ человѣческой природой. Вы повидимому забываете, что эгоизмъ является двигателемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій. Уничтожьте этотъ двигатель и машина человѣческаго прогресса перестанетъ дѣйствовать; міръ рушится и цивилизаціи придетъ конецъ. Земля обратится въ стоячее болото... но все это однако невозможно пока люди будутъ существовать.

— Почему вы сами не подадите примѣра? — спрашивали у Труппа. Это было бы лучшее средство доказать возможность практическаго примѣненія теорій. Труппъ отдѣлался отъ отвѣта, задавъ тотъ же вопросъ спрашивавшему. Обанъ однако же не поддался на удочку и отвѣчалъ:

— Да потому что государство является хозяиномъ обращенія и оно не задумалось бы употребить противъ насъ силу, если бы мы захотѣли бы создать новое условіе. Такимъ образомъ наши нападки направлены исключительно противъ государства.

Повидимому все было сказано между Обаномъ и Труппомъ и дальнѣйшій споръ былъ бы празднымъ словоизверженіемъ. Обанъ заговорилъ опять съ цѣлью только просто изложить то, что во время спора было выражено черезъ-чуръ неопредѣленно увлекшимися въ область фантазіи противниками.

— Послушай Отто, отвѣть мнѣ опредѣленно на вопросъ,—началъ онъ своимъ яснымъ и рѣзкимъ голосомъ.—При томъ общественномъ порядкѣ, который вы разумѣете подъ именемъ свободнаго коммунизма, станете ли вы препятствовать отдѣльнымъ лицамъ обмѣнивать свой трудъ между собою при помощи мѣновыхъ средствъ созданныхъ вами? Будете ли вы препятствовать личному владѣнію землею, въ цѣляхъ личнаго интереса?

Труппъ не ожидалъ такого вопроса; если онъ отвѣчалъ бы утвердительно, то тѣмъ самымъ признавалъ бы, что общество можетъ производить насиліе надъ отдѣльными личностями, а потому прямо отказывался бы отъ автономіи личности, которой самъ же добивался во что бы то ни стало; если же онъ отвѣчалъ бы отрицательно, то этимъ призналъ бы принципъ частной собственности, о которомъ онъ и слышать не хотѣлъ.

Всѣ видѣли его затрудненіе и съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта.

— Ты смотришь на все это какъ человѣкъ, глаза котораго полны образами настоящаго. Въ будущемъ обществѣ у каждаго будетъ все, что ему нужно и торговля въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ теперь, существовать не будетъ; я убѣжденъ, что при этихъ условіяхъ никто не будетъ стремиться къ исключительному и полному владѣнію землею...

Обанъ поднялся; онъ былъ еще блѣднѣе чѣмъ обыкновенно.

— Отто, мы всегда были искренни другъ съ другомъ и теперь не время измѣнять этому. Ты самъ прекрасно сознаешь, что это не отвѣтъ, ты виляешь, вотъ и все. Но я настаиваю и прошу тебя отвѣтить мнѣ категорически да или нѣтъ, если ты желаешь, чтобы наши отношенія продолжались.

Труппъ въ нерѣшительности медлилъ отвѣтомъ, когда встрѣтился съ вопросительнымъ взглядомъ одного изъ товарищей, передъ которымъ онъ всегда защищалъ принципъ личной свободы. Онъ былъ вынужденъ отвѣчать.

— Анархія даетъ каждой группѣ индивидуумовъ возможность организоваться такъ, какъ они желаютъ и перейти такимъ образомъ отъ теоріи къ практикѣ. Я не вижу какимъ образомъ можно

было бы изгнать кого-либо изъ того дома, который онъ себѣ построилъ...

— Ну вотъ мы и договорились. То что ты только что сказалъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ принципами коммунизма, которые ты защищалъ. Ты признаешь собственность, собственность на землю и на сырые матерьялы, ты требуешь для каждаго работника права на весь продуктъ его труда: все это идетъ совершенно въ разрѣзъ съ анархизмомъ. Твои слова «все—всѣмъ» не имѣютъ больше смысла, ты самъ это подтверждаешь. Теперь маленькій примѣръ, чтобы никакое недоразумѣніе не было возможно. У меня есть клочекъ земли, который я обрабатываю и пользуюсь его произведеніями. Коммунистъ говоритъ мнѣ: Ты крадешь у общества». Но анархистъ Труппъ протестуетъ: говоря, что этого нѣтъ, и что если меня выгнать и взять хотя бы на сантимъ продуктовъ моего труда—то это будетъ насиліемъ.

Я заканчиваю мою рѣчь, такъ какъ я доказалъ то, что хотѣлъ доказать, а именно, что нѣтъ возможности примирить индивидуализмъ и альтруизмъ, анархизмъ и соціализмъ, свободу и власть.

Я утверждаю, что всѣ попытки примиренія непримиримаго должны кончиться неудачно подобно всѣмъ утопіямъ. Каждый мыслящій человѣкъ принужденъ будетъ высказаться или за соціализмъ, то-есть за насиліе и противъ свободы, или за анархизмъ—то-есть за свободу и противъ насилія. Труппъ хотѣлъ этого избѣжать—онъ не могъ. Мнѣ было бы очень легко повторить опытъ съ каждымъ изъ васъ и я знаю, что результаты будутъ тѣ же самые. Труппъ высказался за свободу,—Труппъ стало быть анархистъ, чему я всегда отказывался вѣрить до сихъ поръ. Обанъ замолчалъ. Труппъ возразилъ:

— Да, но мы на практикѣ будемъ проводить

наши коммунистическіе принципы и нашъ примѣръ будетъ настолько убѣдителенъ, что вы начнете намъ подражать и сами откажетесь отъ вашей личной собственности...

Каррарь не счелъ нужнымъ возражать. Онъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ, что это кажущееся примиреніе было послѣднимъ усиліемъ его друга для того, чтобы скрыть разницу во взглядахъ, которая давно уже появилась у нихъ и которая теперь была очевидна для всѣхъ. Онъ не принималъ больше участія въ разговорѣ, отвѣчая только если къ нему обращались непосредственно. Оживленіе было очень велико, пробило восемь, а никто еще и не думалъ уходить. Такъ долго обыкновенно не засиживались; наконецъ докторъ и французъ поднялись первыми.

— Милый другъ, я больше не буду ходить на ваши воскресенья,—сказалъ Хуртъ въ полголоса, прощаясь съ Обаномъ. Тутъ творятся такія вещи, что голова идетъ кругомъ. Вашъ другъ скачетъ прямо на небо, а у меня голова не настолько крѣпка, чтобы за нимъ туда слѣдовать.

Онъ ушелъ, а Обанъ, улыбаясь глядѣлъ ему вслѣдъ. Французъ началъ благодарить Обана за любезный пріемъ, но тотъ не хотѣлъ принимать благодарностей, говоря:

— Мы только еще поставили остовъ зданія, но на сегодня довольно. Въ слѣдующій разъ мы кончимъ.

— Вы вступаете на путь усѣянный многими трудностями, одна непреодолимѣе другой. Вы могли бы ихъ избѣжать, отбросивъ одно только слово, изъ-за котораго многіе вполнѣ расположенные идти за вами, отступятъ.

— Это слово анархія, прекрасно опредѣляетъ то, къ чему мы стремимся, и было бы малодушно для удовольствія робкихъ этимъ словомъ не пользоваться. У кого нѣтъ мужества взять слово и

изслѣдовать, что оно значитъ, тотъ никогда не будетъ въ состояніи имѣть собственное мнѣніе и поступать согласно ему.

— Я черезъ нѣсколько дней возвращаюсь въ Парижъ; могу ли поговорить о васъ съ нашимъ другомъ, г. Обанъ?

— Конечно. Скажите ему, что онъ поступаетъ, какъ плохой эгоистъ, такъ какъ онъ упускаетъ изъ виду свои собственные интересы. Онъ согласился принять на себя тяжелую отвѣтственность, а эгоистъ не желаетъ никакой отвѣтственности, кромѣ той, которую несетъ за свою личность.

— Кто это такой? — спросилъ Труппъ, когда иностранецъ ушелъ.

— Онъ пришелъ за нѣсколько минутъ до васъ; онъ у меня въ первый разъ, да вѣроятно и въ послѣдній — сказалъ Каррäръ, называя фамилію своего гостя.

— Въ такомъ случаѣ ты его не знаешь? съ сердцемъ спросилъ механикъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ты долженъ бы былъ меня объ этомъ предупредить.

— Ты забываешь Отто, что намь нечего скрывать, возразилъ строгимъ тономъ Обанъ. Всѣ могли слышать, что мы говорили.

Онъ сѣлъ около камина на освободившееся мѣсто доктора и положивъ голову на обѣ руки, разсѣянно прислушивался къ спору сдѣлавшемуся общимъ, даже русскій принималъ въ немъ участіе. То что Обанъ слышалъ, убѣждало его въ несомнѣнномъ торжествѣ Труппа.

— Возможно, что будетъ меньше геніевъ, вскричалъ съ энтузіазмомъ шведъ, но это не большэя бѣда. Таланты будутъ многочисленны и каждый будетъ одновременно ремесленникомъ и интеллигентомъ. Способности разовьются въ массѣ

вмѣсто того, чтобы концентрироваться и средній уровень будетъ гораздо выше,

— И тысяча ословъ будутъ умнѣе десяти мудрецовъ, мысленно прибавилъ Карраръ; почему? По той прекрасной причинѣ, что ихъ тысяча.

Объ Обанѣ никто не вспомнилъ. Все время пока онъ говорилъ слушатели чувствовали холодное дуновеніе разума, но теперь они оживали передъ очаровательными картинами будущаго. Всѣ наперерывъ описывали эту жизнь въ самыхъ розовыхъ краскахъ, опъяняя себя словами, забывая гдѣ находятся. Они посмѣялись слегка надъ однимъ вопросомъ противниковъ: кѣмъ будутъ исполняться непріятныя работы? Одинъ говорилъ, что не будетъ недостатка въ желающихъ, другой—что такихъ работъ больше не будетъ, изобрѣтутъ машины.

Никогда еще Обанъ не былъ больше убѣжденъ въ томъ, что худшій врагъ человѣка. самъ же человѣкъ; онъ никогда не чувствовалъ живѣе насколько тиранія любви также опасна, какъ и тиранія ненависти. Онъ стремился уничтожить привилегіи, они отрицали всѣ качества и всѣ цѣнности даже цѣнность труда. Его усилія были направлены противъ человѣка и того, что было сдѣлано человѣкомъ въ дни безумія и заблужденій: онъ побѣдитъ, это неизбѣжно; они вооружались противъ самой природы: развѣ не была химерою ихъ мечта? Пропасть которая образовалась между нимъ и ими дѣлалась все шире и глубже. Борьба началась между двумя діаметрально противоположными міровоззрѣніями; молодежь ополчилась противъ христіанства во всѣхъ его формахъ. Человѣчество не имѣло болѣе опаснаго врага, чѣмъ Искупитель: онъ училъ смиренію и самоотреченію; отсюда то началась эта ужасающая нищета, которая теперь нуждалась въ освободителѣ... Надо было устранить Бога во всѣхъ его проявленіяхъ.

Такъ прошелъ часъ. Разговоръ незамѣтно перешелъ на злобу дня. Чикагскія казни и неизбѣжность сильныхъ волненій въ Лондонѣ, занимали всѣ умы. Рѣшено было на нѣкоторое время отложить воскресныя собранія.

Когда американецъ наконецъ поднялся, то за нимъ поднялись и остальные; когда кто-то посмотрѣлъ на часы. то всѣ удивились, что уже такъ поздно. Обанъ пожималъ руки гостямъ; онъ дольше обыкновеннаго задержалъ въ своей рукѣ руку Труппа, какъ-бы говоря: подумай хорошенько и рѣшись. Онъ очень уважалъ своего друга, что же касается до Труппа, то онъ былъ очень недоволенъ Обаномъ и не дѣлалъ ни малѣйшаго усилія, чтобы это скрыть. Обанъ замѣтилъ это и улыбнулся, Марель былъ еще любезнѣе обыкновеннаго.

— Well, Обанъ, сказалъ онъ, беря его за обѣ руки, вы странный человѣкъ. Много правды во всемъ томъ, что вы сказали, но вѣдь отъ этого вѣетъ ледянымъ холодомъ. Ни одного слова, которое согрѣвало-бы сердце...

— О, г-нъ Марель, полагаю что вы ошибаетесь. Свобода грѣетъ такъ же, какъ и солнце. Холодно только въ тюрьмѣ. Когда наше сердце будетъ биться на свободѣ, оно даетъ больше, но не слѣдуетъ отнимать у разсудка руководство нашею жизнію; мы только что видѣли, что наше сердце не способно слѣдовать за разумомъ въ экономическую область.

Обанъ остался одинъ. Онъ открылъ оба окна своей комнаты и сидѣлъ неподвижно, въ глубокой задумчивости, смотря на темную улицу. Когда ночная свѣжесть пахнула ему въ лицо, онъ почувствовалъ, какъ горяча была борьба и какъ она утомила его физически... И онъ отдалъ всю свою молодость, чтобы придти къ этимъ результатамъ... И на этотъ разъ, какъ много разъ до

того онъ находилъ, что жертва черезчуръ велика въ сравненіи съ пріобрѣтенными результатами. Да, американецъ былъ правъ, говоря, что эта увѣренность холодитъ сердце; но развѣ она не производитъ на него спасительнаго дѣйствія нравственной боли послѣ долгаго оцѣпененія вѣры и пассивной надежды.

Онъ вспоминалъ, что онъ еще молодъ и что передъ нимъ много лѣтъ дѣятельности. Онъ чувствовалъ въ себѣ большую силу и радость наполняла его сердце.

Мужественнымъ и убѣжденнымъ голосомъ онъ сказалъ громко:

— Да, этому я отдалъ всю мою молодость...

VI.

Царство голода.

Истъ-Эндъ въ Лондонѣ это гнѣздо нищеты.

Нищета, точно черное чудовище, забилось туда и ея гигантскіе щупальцы спрута охватываютъ и пышный Сити и Вестъ-Эндъ. Лѣвые щупальцы идутъ къ южной части столицы, захватывая кварталы Ротерхитъ, Дентфордъ, Пекхэмъ, Кемберуэлль, Ламбетъ, на лѣвомъ берегу Темзы; правые развѣтвляются черезъ сѣверныя окраины и соединяются съ первыми тамъ, гдѣ Баттерси граничитъ съ Челси и у Бромптона.

Истъ-Эндъ образуетъ особый міръ настолько же рознящійся отъ Вестъ-Энда, насколько лакей отличается отъ барина. Иногда о немъ говорятъ, какъ о другой далекой странѣ, гдѣ живутъ люди съ другими нравами и обычаями...

Обанъ обѣщалъ Труппу придти къ нему въ первую субботу въ Ноябрѣ. Онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобы совершить со своимъ другомъ прогулку по Истъ-Энду, закончивъ ее въ клубѣ русскихъ революціонеровъ.

Суббота была выбрана потому, что въ этотъ день всѣ дѣла въ Лондонѣ кончаются раньше. Книжный магазинъ, гдѣ служилъ Обанъ и фабрика, гдѣ работалъ Труппъ закрывались на тридцать шесть часовъ.

Было около часу, когда Каррaръ вышелъ изъ своей конторы, находившейся въ одной изъ бо-

ковыхъ улицъ по сосѣдству съ Флитъ-Стритъ. Улицы были еще болѣе оживлены, чѣмъ обыкновенно и онъ съ большимъ трудомъ пробирался среди возовъ съ товарами, кипъ газетъ и густой толпы прохожихъ. Обанъ рѣшилъ не заходить домой, чтобы не терять понапрасну время, а потому зашелъ позавтракать въ одинъ изъ ресторановъ по сосѣдству; народу тамъ было множество; завтракая, онъ быстро просматривалъ газеты; всѣ они говорили объ дѣйствіяхъ *unemloyed* и о событіяхъ въ Чикаго. Трафальгаръ-скверъ: атаки полисменовъ, манифестанты разсѣяны, многочисленные аресты за рѣчи возмутительнаго содержанія... Гайдъ-Паркъ: женщины безъ крова, шестнадцать ночей подъ открытымъ небомъ, смерть отъ голода и холода, несчастныя отправлены въ *workhouses* или въ больницы... Приготовленія къ казни осужденныхъ въ Чикаго: затрудненія, благодаря недостатку висѣлицъ; повѣшеніе четырехъ анархистовъ сначала и трехъ послѣ, чрезвычайныя мѣры для охраненія порядка, прошеніе о помилованіи подписанное четырьмя осужденными оставлено безъ послѣдствій губернаторомъ.. Дальше Обанъ не читалъ.

Вотъ до чего довели человѣчество... Не проходитъ дня, чтобы одни не были убійцами, а другіе искупительными жертвами. И тѣ и другіе одинаково безумны. Для тѣхъ и для другихъ положеніе было въ равной мѣрѣ безвыходно, потому что и тѣ и другіе приносили жертвы идолу сдѣланному человѣческими руками, имя этого идола—Долгъ. Одни убивали, другіе умирали потому что этого требовалъ отъ нихъ Долгъ.

Обанъ сѣлъ въ первый омнибусъ шедшій на станцію Ливерпуль-Стритъ. Съ имперіала, куда онъ сѣлъ, онъ могъ видѣть статуи королевы и принца Уэльскаго поставленныя на мѣстѣ, гдѣ раньше были ворота Темпль-Баръ, затруднявшія

движенiе; когда-то съ высоты этихъ воротъ народу показывали окровавленныя головы казненныхъ. Обанъ подумалъ о томъ, какъ медленно движется человѣчество къ свѣту... Сколько еще времени ему понадобиться, чтобы достичь свободы. Но какъ бы долго ни шло развитіе, однако же свобода придетъ, всѣ эти памятники будутъ уничтожены вмѣстѣ съ коронами, порфирами, скипетрами и прочими обломками среднихъ вѣковъ. Тогда придется бороться противъ другого тирана, еще болѣе смѣлаго, противъ народа-властелина. Настанетъ время общаго недомоганія, время, когда будутъ привыкать къ равенству, когда будутъ наблюдать другъ за другомъ, это будетъ время постоянныхъ раздоровъ и противорѣчій, Четвертое сословіе станетъ третьимъ, рабочій сдѣлается буржуа и восприметъ всѣ характерныя черты послѣдняго: пошлость мыслей и фарисейскее самодовольство. Искренніе люди снова будутъ принуждены соединиться для борьбы и защиты своего я.

Омнибусъ подвигался впередъ съ большимъ трудомъ; стеченіе народа было огромное, въ особенности на Людгетъ-Хиллъ. Туманъ поднимался со стороны Хольборнъ-Віадукта и желѣзный мостъ на Фаррингдонъ-Стритъ былъ весь имъ окутанъ; въ противоположномъ направленіи, гдѣ Темза катила свои мутныя волны подъ мостомъ Блэкфрайерсъ—небо было еще ясно. Когда омнибусъ былъ подъ мостомъ желѣзной дороги Лондонъ-Чатамъ-Дувръ, то казалось, что ему не удастся проѣхать сквозь густую толпу и ряды экипажей... Но вотъ наконецъ, церковь св. Павла, вырисовывается на темномъ фонѣ, вотъ статуя королевы Анны, вотъ сердце громаднаго города. Омнибусъ медленно, но безостановочно подвигался впередъ. Чипсайдъ казался широкой рѣкой, катящей человѣческія головы. Вотъ и Банкъ—мрачное и пе-

чальное зданіе безъ оконъ; двери были уже заперты.

Безчисленныя финансовыя учрежденія сгруппированныя вокругъ него, какъ птенцы подъ крыломъ матери, были также закрыты: всѣ бѣжали обѣдать, или домой отдохнуть немного. Тысячи людей спѣшили по разнымъ направленіямъ, усталые отъ недѣльной работы, желая забыть на нѣсколько часовъ безчисленныя колонны цифръ, съ которыми они имѣли дѣло всю жизнь и которые кажется сидѣли во всѣхъ клѣточкахъ ихъ мозга. Приказчики, бухгалтеры, крупные торговцы, спекуляторы, ростовщики, всѣ спѣшили перегоняя другъ друга въ сутолокѣ, которая была только кажущейся, потому что движеніе не останавливалось ни на минуту.

Омнибусъ остановился; одни сошли, другіе вошли. Цѣлая толпа бросилась къ ступенькатъ омнибуса; большинство должно было остаться ждать другихъ омнибусовъ, которые слѣдовали другъ за другомъ на короткомъ разстояніи, образуя какъ бы обозы.

Обанъ съ имперіала машинально слѣдилъ иногда глазами то за тѣмъ то за другимъ прохожимъ; то это былъ иностранецъ незнавшій хорошенько въ какую сторону идти среди этой толчеи; то это былъ джентльменъ одѣтый съ утонченной простотой съ умнымъ и гордымъ выраженіемъ лица, на которомъ казалось можно было прочитать: „Міръ мнѣ принадлежитъ я купилъ его, это я содержу васъ всѣхъ; всѣ правители, военные, мыслители и ученые работаете на меня. Люди стадо барановъ, я знаю ихъ очень хорошо, но я съумѣлъ устроиться иначе.

Обанъ перевелъ глаза на Банкъ; вотъ гдѣ заключалась тайна всего счастія и всѣхъ страданій. Для большинства дѣйствія этой высшей силы управляющей ихъ судьбами, было неразрѣшимой

загадкой. Большинство было совершенно сбито съ толку, когда слышало объ этихъ баснословныхъ богатствахъ, въ которыхъ оно не имѣло никакой доли; откуда они появлялись? — Этого не знали. Куда они попадали? — Въ руки богачей — это всѣ видѣли. Но какимъ образомъ они тамъ скоплялись? Благодаря какой таинственной работѣ получали они возможность управлять міромъ по своему желанію? Для большинства эта загадка была не разрѣшима. А между тѣмъ этотъ вампиръ сидѣлъ среди нихъ, пилъ ихъ кровь, толкалъ ихъ сестеръ въ грязь, душилъ ихъ дѣтей... Они, не думая ни о чемъ проходили мимо этихъ стѣнъ, за которыми было собрано столько золота сдѣланнаго изъ ихъ плоти.

Когда имъ говорили, что ихъ страна отягощена долгомъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ, когда имъ подтверждали, что каждый изъ нихъ былъ отвѣтственъ за этотъ долгъ — то они оставались равнодушными; что значило для нихъ слово милліардъ? Но недѣльная плата за квартиру, счетъ мясника въ нѣсколько шиллинговъ, повергали ихъ въ страшное безпокойство на нѣсколько дней

Многіе изъ нихъ были очень хорошо подготовлены для воспріятія соціализма. Соціализмъ объявлялъ, что трудъ является источникомъ всѣхъ цѣнностей; видя что всѣ богатства присвоены тѣми, кто неработалъ, они конечно выводили заключеніе, что другіе обогащались благодаря ихъ труду, а стало быть крали ихъ трудъ. Какимъ же образомъ это было возможно? Многіе этого не понимали: развѣ обкрадываемые не были въ сто, въ тысячу разъ многочисленнѣе воровъ? Самые развитые сказали себѣ, что воры вступали между собою въ соглашеніе и поддерживали другъ друга и что поэтому тѣ, которыхъ обкрадывали, должны

были дѣлать то же и они становились соціалистами.

Для Обана этой тайны не существовало съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось одну за другой сорвать всѣ завѣсы, за которыми скрывался сфинксъ. Онъ видѣлъ, что идолъ передъ которымъ всѣ преклонялись, былъ просто пугаломъ; ловкія руки снабдили его сложнымъ механизмомъ и автоматическія движенія придавали ему видъ живого.

Благодаря беззаботности массъ, въ рукахъ этого манекена оказалось грозное оружіе въ видѣ привилегій и преимуществъ всякаго рода: банкъ съ правомъ даннымъ ему государствомъ выпускать банковые билеты. Благодаря имъ скоплялись неслыханныя богатства, которыя давали ложное представленіе о дѣйствительномъ благосостояніи страны. Монополія ставила его внѣ конкурренціи, препятствовала приложенію принципа свободы сдѣлокъ, уничтожала всякое довѣріе за исключеніемъ его, становилась препоною между предложеніемъ и спросомъ, создавая это ужасающее неравенство состояній, дѣлая однихъ господами, другихъ рабами.

Уничтожить эту денежную монополію, отнять у привиллегированной касты возможность поддерживать единственное средство обмана, это значило уничтожить государство и сдѣлать сношенія между людьми свободными.

Омнибусъ наконецъ опять двинулся впередъ, оставивъ за собою Банкъ и Биржу на фронтонѣ, которой какъ злая иронія блестѣли слова библіи: „*The earth is the Lord's and the fulness thereof*“ (Земля принадлежитъ Господу и обиліе на ней). Онъ проѣхалъ черезъ Бродъ Стритъ, гдѣ казалось совершенно нельзя было проѣхать и покатился по узкимъ боковымъ улицамъ, гдѣ движеніе было не такъ значительно. Холодомъ пахнуло на Обана отъ этихъ высокихъ мрачныхъ и угрюмыхъ зданій.

Наконецъ, омнибусъ остановился передъ вокзаломъ Ливерпуль-Стритъ и Обанъ вошелъ въ баръ помѣщавшійся на углу. Тамъ была настоящая давка; многіе пили стоя, разговаривая, крича, жестикулируя, стараясь перекричать другъ друга. Двери постоянно хлопали и деньги звенѣли на прилавкѣ. Обанъ наконецъ досталъ себѣ свободный уголъ и выпилъ стаканъ „*half and half*“ (пиво пополамъ съ портеромъ) прежде чѣмъ выйти на станцію.

Толпа продавцовъ газетъ, цвѣточницъ, посыльныхъ и разныхъ оборванцевъ наполняла станцію; въ этой толпѣ Обанъ замѣтилъ бѣднаго мальчугана, на котораго никто не обращалъ вниманія; ребенокъ стоялъ, прислонившись къ рѣшеткѣ, держа руки въ карманахъ оборванныхъ штановъ, смотря внизъ на свои босыя ноги, красныя отъ холода. Обанъ догадался безъ труда, что этотъ несчастный страшно голоденъ; онъ купилъ для мальчика нѣсколько апельсиновъ и далъ ихъ ему; ребенокъ жадно сталъ ѣсть, не подымая глазъ, какъ собака гложущая кости. Сколько времени стоялъ онъ здѣсь? Сколько времени онъ ничего не ѣлъ? Обанъ содрогнулся подумавъ, что въ Истъ-Эндѣ убѣжище всѣхъ несчастныхъ и обездоленныхъ, его ждали и не такія ужасныя впечатлѣнія.

По пути на станцію Шордичъ, въ вагонѣ, Обанъ думалъ объ Истъ-Эндѣ. Воспоминанія вставали за воспоминаніями, образовавъ въ концѣ концовъ громадную и мрачную панораму Истъ-Энда.

Онъ думалъ о своихъ прогулкахъ, во время которыхъ онъ исколесилъ лондонское царство голода по всѣмъ направленіямъ; прогулка на Собачій островъ, гдѣ въ послѣдніе двадцать лѣтъ произведены циклопическія работы, вызывающія удивленіе и тутъ же рядомъ лабиринтъ узкахъ улицъ съ покосившимися полуразрушенными до-

мами гдѣ нищета скрывала свои страданія отъ равнодушнаго взора счастливыхъ, онъ вспомниалъ свои шатанья по Ваппингу съ однимъ старымъ матросомъ, который показывалъ ему доки, а вечеромъ шелъ съ нимъ на Санъ-Джорджъ Стритъ, улицу, гдѣ обыкновенно собираются матросы; они посѣтили извѣстный кабачокъ, гдѣ Малайцы, Датчане, Китайцы, и другіе танцовали и напивались. Вспоминалъ Обанъ и посѣщеніе курильпіума, мрачной и темной дыры около Монетнаго двора, гдѣ сидѣли въ гробовомъ молчаніи люди съ лицами мертвецовъ... А его ночныя одинокія прогулки по клоакамъ Уайтчепеля и Боу, гдѣ онъ зналъ каждый закоулокъ! Сколько омерзительныхъ вещей онъ тамъ видѣлъ! Сколько ужаса испыталъ онъ, думая о томъ, что творилось въ этихъ кварталахъ, позорѣ великаго города.

У Обана не было страстей и привычекъ, которыя отнимали бы у него много времени. Большая часть дня была занята работой; вечера онъ посвящалъ изученію общественныхъ наукъ и того движенія, которое его интересовало; воскресенье онъ проводилъ съ друзьями; то время, которое у него оставалось свободнымъ, онъ посвящалъ на болѣе близкое ознакомленіе съ англійской столицей. Эти экскурсіи *intra muros*, были единственнымъ его развлеченіемъ и лучшимъ удовольствіемъ. Онъ былъ счастливъ, когда имѣлъ нѣсколько часовъ въ своемъ распоряженіи для этихъ прогулокъ; онъ бралъ планъ Лондона, устанавливалъ свой маршрутъ и отправлялся. Онъ съ настоящимъ опьяненіемъ погружался въ могучій потокъ этой жизни ни на минуту не останавливающейся, онъ чувствовалъ себя увлеченнымъ и возвращался домой утомленнымъ, въ состояніи полной простраціи послѣ зрѣлища этой безпримѣрной дѣятельности которая однимъ давала всѣ радости, а другимъ только горе.

Часто онъ хотѣлъ поселиться, на нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, среди этихъ обездоленныхъ, чтобы лучше изучить ихъ жизнь, но у него все не было для этого достаточно времени. Волей-неволей онъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время своихъ прогулокъ, что было впрочемъ достаточно.

Труппъ только что сдѣлалъ то, чего Обанъ не могъ привеети въ исполненіе. Онъ написалъ своему другу, что послѣ спора съ хозяиномъ онъ потребовалъ разсчетъ и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поселиться поближе къ Уайтчепелю, въ этомъ же письмѣ онъ просилъ Каррара придти къ четыремъ часамъ въ Шордичъ.

Труппъ былъ аккуратенъ. Онъ легко пробирался сквозь толпу, благодаря своей широкой фигурѣ и скоро увидалъ своего друга, который стоялъ, опершись обѣими руками на трость, въ той же позѣ въ какой былъ въ вечеръ ихъ нечаянной встрѣчи въ Сохо, но только на этотъ разъ Карраръ внимательно присматривался къ тому, что происходило вокругъ него. Они поздоровались; ни тотъ ни другой не упомянули ни слова о послѣднемъ собраніи.

Отто разсказывалъ о невыносимой грубости своего хозяина и объ жалкой покорности своихъ товарищей по мастерской. Между ними царило малодушіе, примѣръ былъ необходимъ. Безполезно прибавлять, что Труппъ былъ еще сумрачнѣе обыкновеннаго; онъ былъ очень блѣденъ, той особой блѣдностью, которая бываетъ слѣдствіемъ безсонныхъ ночей; глаза его блестѣли лихорадочнымъ блескомъ. Друзья направились въ сторону Хекней-Роодъ, безконечно длинной, унылой улицы населенной мелкими „*shopkeepers*“ (лавочники), затѣмъ Труппъ взялъ направленіе на Бесналь-Гринъ.

Уличная жизнь вдругъ замерла здѣсь; улицы

были болѣе узки, болѣе темны, болѣе заброшены; оконныя стекла были страшно грязны и должно быть пропускали очень мало свѣта. Отъ времени до времени попадалась жалкая лавчонка старьевщика. Они прошли нѣсколько такихъ улицъ и затѣмъ свернули въ одну которая была не такъ мрачна; дома были тѣ же; минутъ черезъ пять друзья очутились на маленькой площади, откуда шли три переулка; дома были узкіе въ два этажа, и довольно правильной постройки

Труппъ, ничего не говоря, остановился, Обанъ догадался, что это первая остановка въ ихъ экскурсіи. Онъ взобрался на кучу вырытой земли и сталъ разсматривать печальную картину, которая была передъ нимъ.

Онъ никогда не видѣлъ болѣе печальнаго, болѣе раздирающаго сердце зрѣлища, чѣмъ эти стоящія въ рядъ жалкія лачуги, изъ которыхъ двадцатая терялась въ туманѣ ноябрьскаго дня. Дворы, отдѣленные другъ отъ друга полуразвалившимися стѣнками въ грудную высоту, были такъ узки, что стоя на нихъ, можно было едва-едва вытянуть руки; почва была покрыта лужами вонючей жидкости, въ углахъ лежали груды всякихъ отбросовъ, всюду валялась разбитая посуда, тамъ и сямъ висѣло разодранное бѣлье болѣе чѣмъ сомнительной бѣлизны. Каменныя ступеньки у входныхъ дверей были стоптаны, ставни едва держались въ перержавѣвшихъ петляхъ, стекла въ окнахъ были по большей части выбиты; въ открытыя окна можно было видѣть только голыя стѣны. Кругомъ не было ни души; можно было подумать, что смерть съ особеннымъ стараніемъ обходила эти дома и унесла всѣхъ жильцовъ.

Однако-же Обанъ въ концѣ концовъ замѣтилъ, что вдали что-то шевелилось: было-ли то животное или человѣкъ? Ему показалось, что это была

женщина наклонившаяся надъ чѣмъ-то, но разстояніе было слишкомъ велико, чтобы онъ могъ хорошенько разглядѣть. Тонкая струйка дыма поднималась изъ одной трубы и терялась въ сѣромъ облачномъ небѣ. Художникъ, который хотѣлъ бы изобразить на картинѣ этотъ уголокъ Лондона не нуждался бы въ богатой палитрѣ, все было одного грязно-сѣраго цвѣта.

Обанъ прислушался и уловилъ глухой непрерывный гулъ, который ясно слышенъ былъ среди этого молчанія, это былъ шумъ города, который здѣсь не давалъ ни малѣйшаго отзвука.

Труппъ ходилъ взадъ и впередъ, стараясь увидѣть что-нибудь; онъ на минуту остановился передъ разлагающимся трупомъ собаки, потомъ посмотрѣлъ на фонарь стоявшій въ концѣ улицы у котораго были выбиты всѣ стекла; онъ тщетно искалъ клочка зелени среди этой печальной обстановки. Всюду царило полнѣйшее запустѣніе показывавшее необходимость безпрерывной борьбы съ голодомъ.

Каррарь и Отто медленно пошли по средней улицѣ. Иногда въ какомъ-нибудь домѣ открывалось окно, оттуда высовывалась всклокоченная голова съ любопытствомъ и ненавистью смотрѣвшая на незнакомцевъ. Какой-то человѣкъ починялъ телѣжку, которая совершенно загораживала дорогу; онъ не отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе, а только посмотрѣлъ испуганно. Женщина сидѣвшая на корточкахъ въ дверяхъ одного дома поспѣшно встала при ихъ приближеніи и инстинктивно прижала къ груди ребенка, котораго держала на рукахъ, какъ бы ожидая нападенія. Только мальчишки, копавшіеся въ землѣ, казалось не замѣчали присутствія чужихъ людей, они играли такъ тихо, что ихъ можно было принять за несчастныхъ идіотовъ. Обанъ и Труппъ невольно ускорили шаги; они чувствовали, что являлись непрощенными свидѣтелями тайнъ жизни

этихъ жалкихъ существъ и спѣшили уйти отъ этихъ взглядовъ полныхъ ненависти, ужаса и жадности.

Въ концѣ переулка другая кучка дѣтей забавлялась зрѣлищемъ предсмертныхъ судорогъ кошки, которой они выкололи глаза и повѣсили за хвостъ. Съ жестокостью свойственною ихъ возрасту, они били несчастное животное, когда оно старалось освободиться.

— Оставьте ее сейчасъ, крикнулъ Труппъ, становясь посреди нихъ.

Они казалось не поняли этихъ словъ и съ тупымъ видомъ смотрѣли на Труппа, не обнаруживая желанія повиноваться, такъ что тотъ долженъ былъ самъ освободить несчастное животное, Когда Труппъ выражалъ свое негодованіе, Обанъ, пожимая плечами, печальнымъ голосомъ сказалъ ему:

— Пусть ихъ воспитываютъ въ лучшихъ условіяхъ и они будутъ лучше. Все остальное—безполезно.

Труппъ повидимому зналъ всѣ закоулки этого своеобразнаго квартала; онъ указывалъ иногда своему товарищу на дома находившіеся въ такомъ ужасномъ состояніи, что мимо нихъ было страшно проходить: казалось вотъ-вотъ они обрушатся; то онъ водилъ его по длиннымъ темнымъ проулкамъ гдѣ стояли вонючія лужи. Куда ни обращалъ свои взгляды Карраръ, онъ всюду видѣлъ только нищету и нищету.

Бродя такимъ образомъ, друзья пришли на узкій дворъ помѣщавшійся между высокими грязными домами; надъ воротами висѣла вывѣска „*Gibraltar's Gardens*".

— Гибралтарскіе сады, — проворчалъ Труппъ, можно-ли болѣе открыто насмѣхаться надъ несчастными, которыхъ оставляютъ умирать съ голоду?

Дѣти бѣгали на конькахъ съ колесиками по

растресковшемуся асфальту этихъ садовъ, гдѣ не было ни клочка зелени.

Труппъ и Обанъ снова углубились въ лабиринтъ узкихъ улицъ; дома здѣсь были тоже грязны и стары, двери ихъ были такъ низки, что для того чтобы войти надо было, согнуться; почти всѣ они были заняты лавками старьевщиковъ, товары которыхъ загромождали часть улицы; пройдя нѣкоторое разстояніе Обанъ и Труппъ вдругъ очутились въ срединѣ Чёрчъ-Лэнъ, оживленной и шумной артеріи этого квартала; оживленіе было тѣмъ больше, что былъ вечеръ субботы.

Обанъ уставъ отъ такой длинной прогулки, хромалъ сильнѣе; онъ предложилъ Труппу зайти въ первый *public-house* и отдохнуть тамъ немного. Они усѣлись въ уголку и попрежнему мало говорили, время отъ времени, обмѣниваясь только замѣчаніями. Заведеніе было настоящимъ притономъ, самого послѣдняго разбора; на вывѣскѣ было написано „*The chimney sweep*“ (Трубочистъ), что вызвало улыбку у Обана. Усыпанный опилками полъ былъ покрытъ пустымъ слоемъ грязи и плевковъ; прилавокъ былъ невообразимо грязенъ. Приказчики едва успѣвали удовлетворять всѣмъ требованіямъ; воздухъ былъ пропитанъ табачнымъ дымомъ, запахомъ спирта и человѣческими испареніями, такъ что духъ захватывало.

Публика была самая настоящая публика Истъ-Энда; женщинъ было почти столько-же сколько и мущинъ, многія изъ нихъ съ новорожденными младенцами, которыхъ онѣ прижимали къ своей изможденной груди. Дѣти шмыгали подъ ногами у взрослыхъ. Большая часть посѣтителей была на-веселѣ, но день еще не былъ конченъ. Обанъ показалъ Труппу на прибитое къ стѣнѣ объявленіе, которое гласило: „*Swearing and bad language strictly prohibited*“ (Браниться и произносить непристойныя слова строго воспрещается). Это запре-

щеніе въ подобномъ мѣстѣ, казалось просто смѣшнымъ, да на него никто и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Страшный шумъ не прекращался ни на минуту. Какой-то пьяный спорилъ съ однимъ старикомъ кричавшимъ, какъ ошпаренный, что кто-то выпилъ его стаканъ; громкій хохотъ присутствующихъ ободрявшихъ обоихъ противниковъ, заглушался пронзительнымъ голосомъ женщины бранившей своего мужа не хотѣвшаго идти вмѣстѣ съ нею домой. Молодые люди, почти дѣти, сидя въ углу со своими любовницами пѣли имъ непристойныя пѣсни или показывали танцы негровъ, дѣлая циничныя тѣлодвиженія. Но вдругъ вниманіе всѣхъ женщинъ было привлечено другою сценою: одинъ ребенокъ расплакался и всѣ столпились во кругъ матери съ нѣжностью смотря на маленькое существо и давая совѣты, какъ лучше его успокоить. Ребенокъ продолжалъ тѣмъ не менѣе орать и оралъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не выбился изъ силъ.

Эта сцена трогательная и смѣшная не представляла ничего новаго для Обана: сколько подобныхъ-же сценъ разыгрывалось передъ нимъ въ этихъ кабакахъ, гдѣ появленіе прилично одѣтаго человѣка составляетъ происшествіе.

Друзья въ этотъ вечеръ не были никѣмъ замѣчены, потому что посѣтители были въ достаточной степени пьяны и слишкомъ заняты своими спорами и перебранкой. Однако Труппъ долженъ былъ защищаться отъ настойчивыхъ приставаній одной отвратительной старухи, которая шатаясь и икая бормотала свои предложенія на жаргонѣ Истъ-Энда, совершенно непонятномъ механику. Повидимому онъ даже не замѣчалъ ее; когда она падала на него, онъ отталкивалъ ее спокойнымъ движеніемъ руки и на лицѣ его при этомъ не выражалось ни презрѣнія, ни отвращенія: эта

женщина была въ его глазахъ членомъ великой человѣческой семьи, его сестрою.

На скамейкѣ противъ Обана сидѣла молодая дѣвушка совершенно растрепанная; она сердито смотрѣла на Труппа своими большими черными глазами: была ли это ненависть къ иностранцу? Злоба на старуху? Ревность? Она отъ времени до времени отпускала площадную брань по его адресу.

Ея истасканное лицо выражало презрѣніе, злобу и низменныя страсти; однако черты его были правильны и красивы, не смотря на широкій шрамъ на правой щекѣ; зубы у нея были великолѣпны Ея корсажъ изъ грязнаго холста былъ разстегнутъ обнажая бѣлую тонкую шею; своими движеніями дѣвушка, казалось говорила: „Къ чему я буду стѣснять себя для васъ?“

Сколько времени еще сохранитъ она эти послѣдніе остатки красоты и молодости? Сколько времени понадобится для того, чтобы сдѣлать изъ нея старуху подобную этой ужасной мегерѣ, которая тяжело рухнулась на Труппа и которой этотъ послѣдній кричалъ прямо въ ухо, что онъ нѣмецъ и не понимаетъ по англійски?..

— Это ты, милашка?—бормотала она...

Но покачнувшись, старуха упала и осталась лежать на грязномъ полу, съ лицомъ покрытымъ на половину космами сѣдыхъ волосъ. Мущины захохотали, а дѣвушка стала отпускать по адресу Отто самыя отборныя ругательства, но тотъ не обращалъ на нее никакого вниманія.

Обанъ поднялся; онъ хотѣлъ поднять старуху, но Труппъ его удержалъ.

— Оставь ее,—сказалъ онъ, ей такъ очень хорошо; а затѣмъ, если бы ты захотѣлъ поднимать всѣхъ пьяныхъ женщинъ, которыхъ ты встрѣтишь сегодня, то тебѣ будетъ много дѣла.

Старуха уже спала.

— Пойдемъ отсюда,—сказалъ Карраръ.

Молодая дѣвушка поднялась въ свою очередь; она стала передъ Труппомъ, пристально глядя на него своими большими глазами, въ которыхъ свѣтилось болѣзненное желаніе. Однако она ничего не сказала. Труппъ обошелъ ее и направился къ двери.

— Вы — просто болванъ, — горько пробормотала она...

Обанъ видѣлъ, что она вернулась на свое мѣсто и закрыла лицо руками.

Хотя на улицѣ царило большое оживленіе, однако она показалась спокойной нашимъ друзьямъ, которые вздохнули свободнѣе, выйдя изъ этого вертепа. Между тѣмъ наступилъ вечеръ и въ воздухѣ посвѣжѣло; было сыро. По мѣрѣ того, какъ становилось темнѣе, жизнь начинала бить все болѣе и болѣе сильнымъ ключемъ; ручныя телѣжки торговцевъ загромождали улицу, продавцы надрывались изо всѣхъ силъ, чтобы залучить покупателя. Горы апельсиновъ и овощей, груды обуви и одежды лежали въ неописуемомъ безпорядкѣ, сотни рукъ въ нихъ рылись; тамъ и сямъ валялись книги букинистовъ оставленные читавшими ихъ съ наступленіемъ темноты. На углахъ торговцы ракушками и улитками выставляли такой товаръ, что тошнило отъ одного вида его.

— Брикъ-Лэнъ,—сказалъ вдругъ Труппъ.

Они были у начала этой знаменитой улицы.

Уайтчепель, Истъ-Эндъ Истъ-Энда, адъ ада гдѣ твое начало, гдѣ твой конецъ? Имя твое далеко распространилось за твои предѣлы и при его упоминаніи въ воображеніи встаютъ самыя ужасныя картины мрачной ночи Истъ-Энда. Въ Уайтчепелѣ люди живутъ въ ужасающей тѣснотѣ, тамъ скрываются тысячи людей живущихъ, какъ звѣри; тамъ человѣкъ-звѣрь является въ

самомъ ужасномъ своемъ видѣ и его зараженное дыханіе отравляетъ цѣлый кварталъ громаднаго города.

Брикъ-Лэнъ идетъ съ сѣвера на югъ, слегка изгибаясь. Онъ начинается тамъ, гдѣ Чёрчъ-Стритъ соединяется съ Бесналь-Гринъ-Родъ. Тутъ не подалеку находится музей Бесналь-Гринъ основанный съ цѣлью распространенія образованія среди низшихъ классовъ населенія, такъ-же точно какъ Викторіа-Паркъ устроенъ здѣсь же для того, чтобы дать имъ возможность подышать свѣжимъ воздухотъ Бесналь-Гринъ-Родъ кончается у перекрестка Альдъ-Гэтъ откуда идутъ безконечныя Уайтчепель-Родъ и Майль-Эндъ-Родъ къ сѣверу и широкая Коммерціаль Родъ идущая до Индійскихъ доковъ.

Если кто-нибудь хочетъ знать до какой степено человѣческая природа можетъ сопротивляться, всевозможнымъ вреднымъ вліяніямъ, если кто-либо хочетъ убѣдиться въ тщетѣ вѣры въ любовь могущую облегчить нищету, въ Государство могущее уничтожить пауперизмъ, кто хочетъ имѣть истинное понятіе о дѣйствіяхъ убійцы называемаго Государствомъ, — пусть всѣ эти люди придутъ посѣтить поле общественной битвы называемое Брикъ-Лэнъ; если они не найдутъ здѣсь труповъ съ проломленными черепами или простръленною грудью, то за то на каждомъ шагу могутъ встрѣтить скелеты тѣхъ, кого голодъ повергъ на землю.

Для того чтобы пройти всю Брикъ-Лэнъ, надо довольно много времени, Обанъ и Труппъ шли молча между двумя рядами домовъ похожихъ одинъ на другой, печальное однообразіе нарушалось только віадукомъ и складами Большой Восточной желѣзной дороги, видимыми издалека. Толпа была такая густая, что они часто съ трудомъ могли пробираться сквозь нее; воздухъ былъ

пропитанъ такими острыми испареніями, что порой имъ казалось что они задохнутся; пахло тухлой рыбой, жженымъ кофе и всевозможными разлагающимися отбросами. На каждомъ углу винныя лавки, мясныя съ кровавыми кусками говядины, группы юношей кричащихъ и поющихъ, одинокій пьяница пробирающійся, держась за стѣны, чтобы не свалиться въ грязь... Видъ улицы дѣлался все болѣе и болѣе безотраднымъ; друзья дошли такимъ образомъ до еврейскаго квартала, самаго бѣднаго, самаго ужаснаго изъ всѣхъ; здѣсь сосредоточивается населеніе портныхъ и другихъ рабочихъ, являющихся лучшей и самой легкой добычей для безжалостныхъ эксплуататоровъ. Обладая прямо удивительной умѣренностью въ пищѣ, выносливостью въ трудѣ, о которой трудно составить себѣ понятіе, они способны работать восемьнадцать часовъ въ сутки довольствуясь заработной платой въ шесть пенсовъ и даже въ четыре. Поэтому-то хозяева очень любятъ ихъ, а жители округа ненавидятъ потому, что конкурренція съ ними невозможна и цѣны на трудъ падаютъ. Они одни могли прочно утвердиться въ Уайтчепелѣ и ихъ масса образуетъ какъ бы гигантскій шампиньонъ у подножія дерева. Обанъ и Труппъ дошли наконецъ до конца Брикъ-Лэнъ; было около шести часовъ, когда они шли по вонючей Осборнъ-Стритъ ведущей къ Брикъ-Лэну; здѣсь они встрѣтили густую толпу рабочихъ выходившихъ изъ мастерскихъ и шедшихъ къ Уайтчепелю и Майль-Энду, возвращаясь въ городъ; мостовая почти во всю ширину была уставлена ручными телѣжками и лотками, среди которыхъ толпа толкалась съ криками и ругательствами.

Уайтчепель-Родъ является постоянной большой ярмаркой Истъ-Энда; здѣсь можно найти всевозможныя удовольствія доступныя самому скромному кошельку: тутъ и обширные кафе-шантаны,

и маленькіе кабачки, гдѣ нельзя ничего ни видѣть, ни слышать до того тамъ накурено и такъ тамъ галдятъ, тутъ и торговцы мазью исцѣляющей отъ всѣхъ болѣзней, человѣкъ-геркулесъ, женщина-рыба, собака съль виными когтями, все можно видѣть за пенни.

Каррарь и Отто не обращали никакого вниманія на всѣ эти чудеса. Идя все время къ сѣверу, то есть медленно возвращаясь къ тому мѣсту откуда они начали свою прогулку, они прошли двѣ или три мрачныхъ улицы, потомъ одинъ изъ этихъ проходовъ между домами, гдѣ пыль, и известка сыпятся на прохожаго, который настолько безразсуденъ, что рѣшается проникнуть туда. Друзья вдругъ очутились на одномъ изъ такихъ дворовъ, на которые никто кромѣ живущихъ на нихъ не заходитъ. Кромѣ высокихъ стѣнъ домовъ, крыши которыхъ уходили въ небо, здѣсь ничего не было видно; дневной свѣтъ никогда не проникалъ на дно этого колодца сырого и печальнаго. Обану показалось, что онъ въ могилѣ. Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что Труппъ беретъ его за руку и увлекаетъ за собою: въ этомъ-то углу механикъ взялъ себѣ комнату въ первомъ этажѣ, недалеко отъ двери. Когда Отто зажегъ свѣчу, то Каррарь увидѣлъ четыре голыхъ стѣнки, соломенникъ столъ и стулъ; столъ былъ покрытъ бумагами, брошюрами и газетами.

Въ то время какъ онъ оглядывалъ эту незамысловатую обстановку, Труппъ ходилъ взадъ и впередъ съ опущенной головой, держа руки въ карманахъ, какъ это онъ дѣлалъ обыкновенно, когда былъ очень взволнованъ. Наконецъ онъ заставилъ Обана сѣсть на стулъ, а самъ помѣстился на чемоданѣ, который вытащилъ изъ-за угла. Затѣмъ, какъ-бы для того, чтобы отвлечь осаждавшія его мысли, онъ началъ разсказывать то, что онъ видѣлъ въ эти послѣдніе дни.

— Бьюсь объ закладъ, что моя комната кажется тебѣ бѣдной, очень бѣдной? Ну, такъ вотъ, милый мой, замѣть хорошенько, что я живу какъ принцъ въ сравненіи съ множествомъ другихъ жильцовъ этого „*Family Hotel*". Моя нора не заманчива, это вѣрно, но она моя, я здѣсь одинъ; мои сосѣди по этажу и живущіе въ первомъ этажѣ уже живутъ цѣлой семьей въ такой же комнатѣ, что же касается того, какъ устроились жильцы верхнихъ этажей, то я ничего не могу тебѣ сказать; разъ я хотѣлъ самъ посмотрѣть, но принужденъ былъ вернуться, до того тамъ было грязно и до того отвратительно пахло. Кажется, въ каждой комнатѣ живутъ по двѣ семьи; я не знаю проводятъ ли они на полу-черту мѣломъ, но во всякомъ случаѣ живутъ повидимому въ ладу. Представь себѣ двѣ семьи на пространствѣ въ десять футовъ длины и шесть ширины и ты конечно признаешь, что я живу бариномъ. Въ этой комнатѣ и спятъ и ѣдятъ и готовятъ, и умираютъ; ты понимаешь, что тутъ уже нельзя быть особенно требовательнымъ. Есть комнаты, гдѣ живутъ по шести, по десяти, по двѣнадцати рабочихъ, это портные работающіе въ этихъ комнатахъ двѣнадцать-четырнадцать часовъ въ сутки, иногда шестнадцать и больше; ночь они спятъ на грудѣ тряпья, а иногда и работаютъ всю ночь напролетъ. Они не раздѣваются по цѣлымъ недѣлямъ. А знаешь-ли сколько они зарабатываютъ? За фасонъ платья продающагося за 2 гинеи, имъ платятъ пять, четыре, три иногда даже два шиллинга, одинъ шиллингъ, если стачка дастъ возможность хозяевамъ давать какія угодно цѣны. Хочешь еще цифры? Есть множество ремеслъ оплачиваемыхъ не лучше. Работницы дѣлающія спичечныя коробки получаютъ два пенса за гроссъ, это три-четыре часа работы; за дюжину рубашекъ— отъ двухъ съ половиною до четырехъ пенсовъ,

полировка гросса карандашей—два пенса. Но людей, которые настолько глупы, чтобы работать при подобныхъ условіяхъ, находятся болѣе чѣмъ достаточно.

Обанъ прервалъ его, потому, что зналъ, что Труппъ разъ заговорилъ объ этомъ, то никогда не кончитъ, и что цѣлые часы онъ будетъ приводить документальныя данныя, страдая и вмѣстѣ съ тѣмъ испытывая злорадство при указаніи на язвы современнаго строя. Это всегда кончалось однимъ словомъ: революція. Труппъ видѣлъ только одно дѣйствительное средство отъ этихъ золъ: разрушеніе всего существующаго.

Ничто не могло сдержать его бѣшенаго краснорѣчія; онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ препятствіе, но умѣлъ фактами доказывать справедливость своихъ теорій. Если его прерывали, онъ начиналъ съ другого конца, уничтожая все, что ему мѣшало, нагромождая обвиненія за обвиненіями до тѣхъ поръ пока слушатели не убѣждались въ томъ, что мирныя средства не дѣйствительны. Вотъ тутъ то онъ имъ и давалъ ключъ къ разрѣшенію вопроса: революція. Труппъ былъ агитаторъ имѣвшій удивительный успѣхъ въ особенности въ импровизаціи; никто лучше его не могъ выводить равнодушныхъ изъ нравственнаго оцѣпененія, разжигать неудовольствія, возбуждать ненависть и возмущеніе. Онъ всегда имѣлъ успѣхъ, но организаторомъ онъ не былъ. Въ клубахъ онъ появлялся все рѣже и рѣже; онъ избѣгалъ теоретическихъ споровъ, не имѣя дара спорить. Многіе отчаявались въ успѣхѣ борьбы; самые восторженные сторонники революціи постепенно подъ вліяніемъ монотонной жизни рѣшались подчиняться неизбѣжному ходу вещей; Труппъ показывалъ только путь, по которому надо было идти, но вести по нему онъ былъ не въ состояніи.

Когда Обанъ остановилъ его порывъ, то онъ

перешелъ на другую тему; онъ сталъ говорить о дѣтяхъ рожденныхъ въ этой нищетѣ, несчастныхъ существахъ увидѣвшихъ свѣтъ въ одномъ углу и умирающихъ въ другомъ, о которыхъ никто не заботится, очень часто даже и мать оставляетъ ихъ на произволъ судьбы; они никогда не бываютъ накормлены досыта и никогда не одѣты тепло. Треть умираетъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Онъ обрушился затѣмъ на страшную дороговизну жизни: пять шиллинговъ въ недѣлю домовладѣльцу, когда вся семья не зарабатываетъ и двѣнадцати; школа была дорога и большинство дѣтей не ходило туда изъ экономіи. Онъ говорилъ о томъ ужасномъ положеніи, въ которое бывали поставлены эти люди при всякихъ экстренныхъ расходахъ; и онъ привелъ въ примѣръ смерть кого либо изъ членовъ семьи. Газеты за послѣднее время говорили объ ужасныхъ фактахъ, такихъ ужасныхъ, что многіе считали ихъ произведеніемъ разстроеннаго воображенія; эти факты существовали.

Случаи, когда покойникъ долгое время лежалъ въ той же маленькой комнатѣ, гдѣ все семейство проводило дни и ночи—бывали нерѣдко.

— Когда я пріѣхалъ сюда, сказалъ Труппъ, то въ сосѣднемъ домѣ только что умеръ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати. Я не помню уже отъ какой болѣзни, кажется отъ скарлатины, во всякомъ случаѣ, знаю навѣрное, что болѣзнь была заразительная. Отецъ былъ безъ работы; мать чахоточная въ послѣднемъ градусѣ. У нихъ было еще четверо дѣтей, но старшая дочь возвращалась ночевать только когда не находила себѣ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Юноша былъ боленъ недѣлю, конечно они не позвали доктора; ни лекарствъ, ни ухода, не было; несчастный поправиться не могъ. Когда онъ умеръ, то они оставили его лежать въ углу и отецъ вмѣсто того,

чтобы искать работы пошелъ исполнять всѣ формальности; онъ ходилъ изъ управленія въ управленіе; его посылали изъ одного мѣста въ другое: здѣсь нѣтъ кладбища, тамъ не хотятъ принять потому хто умершій не ихъ округа. Бѣдняга иностранецъ и не всегда умѣлъ толково объяснить дѣло. А мертвецъ тѣмъ временемъ все лежалъ на соломенникѣ въ комнатѣ. Черезъ три дня объ этомъ уже говорили въ домѣ, черезъ пять дней запахъ сталъ такъ невыносимъ, что жильцы сосѣднихъ комнатъ начали жаловаться; прошло восемь дней, когда наконецъ полисменъ услышалъ объ этомъ и на девятый день совершенно разложившагося мертвеца убрали. Газеты ни слова не проронили объ этомъ происшествіи, да и къ чему бы это повело, впрочемъ. Девять дней! Это хорошо для сенсаціонной статьи въ хроникѣ происшествій, но я готовъ биться объ закладъ на что угодно, что ты не можешь составить себѣ понятіе о томъ, что представляла изъ себя комната въ теченіи этихъ девяти дней.

Онъ замолчалъ на минуту; Обанъ содрогнулся и крѣпче закутался въ свой плащъ; свѣча почти догорѣла и грозила совсѣмъ погаснуть.

Труппъ однако еще не высказался вполнѣ, и снова началъ:

— Иногда они не очень церемонятся, а просто выбрасываютъ мертвеца на дворъ и больше о немъ не заботятся. Недалеко отсюда есть улица вся населенная ворами, сутенерами и убійцами. Ты не можешь себѣ представить сколько тамъ дѣтей. Недавно одинъ изъ этихъ бѣдныхъ малюточекъ умеръ на улицѣ и его такъ и оставили, потому что незнали чей онъ. Да, вотъ тебѣ еще случай Въ этомъ домѣ живетъ одинъ пьяница, женатый, съ семью дѣтьми; жена работаетъ, чтобы прокормить всю семью. На-дняхъ одинъ мальчикъ умираетъ отъ болѣзни очень распростра-

ненной въ кварталѣ: отъ недостатка пищи. Мать продаетъ послѣднее, чтобы сдѣлать ему гробъ и маленькій вѣнокъ; конечно пришлось работать много.

Вечеромъ отецъ приходитъ домой мертвецки пьянымъ, спотыкается на гробъ и безъ всякой церемоніи выбрасываетъ гробъ и покойника въ окно изъ третьяго этажа. На слѣдующее утро женщины чуть не разорвали этого пьяницу; но мущины очень смѣялись и называли это гнусное животное *„smart fellow“* (молодчина).

Вотъ тебѣ—Истъ-Эндъ.

Обанъ поднялся.

— Довольно, Отто. Можешь ты мнѣ показать улицу, о которой ты мнѣ только что говорилъ?

— Вечеромъ? Нѣтъ я остерегусь туда пойти; Мы рискуемъ своей шкурой!

— Въ такомъ случаѣ, уйдемъ отсюда... Я надѣюсь, что ты не будешь больше жить здѣсь? продолжалъ Карраръ, пристально глядя на своего друга.

— А почему не жить? Развѣ я лучше ихъ? Развѣ я заслуживаю быть въ лучшемъ положеніи чѣмъ они? Да, что тамъ! Однимъ больше, однимъ меньше...

— Ты ошибаешься; лучше чтобы было однимъ меньше въ грязи, нежели однимъ больше.

Когда они выходили, дверь комнаты находившейся напротивъ отворилась и тонкая струя свѣта пронизала темный корридоръ, изъ комнаты вышла молодая женщина, которая прошептала нѣсколько словъ механику, указывая ему жестомъ на внутренность своей комнаты. Друзья подошли ближе, но не вошли однако, потому что изъ этого логовища распространялось ужасное зловоніе, благодаря невозможной грязи царствовавшей тамъ. Въ комнатѣ стоялъ паръ, хотя она была не топлена, сквозь этотъ паръ можно было съ трудомъ

различить кровать, на которой бѣсновалось живое существо, которое конечно нельзя было бы признать за мужчину, если бы оно не изрыгало площадную ругань. Черты лица этого человѣка были измождены пороками и болѣзнію, лобъ повязанъ окровавленной тряпкой исхудалые члены покрыты грязными лохмотьями; когда обезсилѣвъ отъ прилива безсмысленной злобы, онъ упалъ на свою жалкую кровать, то имѣлъ видъ умирающаго. Обанъ думалъ, что надо было отправить его въ больницу, этотъ рай бѣдняковъ. Чувствуя себя очень усталымъ, Обанъ прошелъ дальше и Труппъ вскорѣ присоединился къ нему; полъ былъ скверный, мѣстами разломанный и Труппъ взялъ своего друга подъ руку, чтобы тотъ не упалъ.

— Вотъ этого субъекта полицiя можетъ арестовать когда угодно, сказалъ Труппъ; ему будетъ очень трудно указать на свои средства къ жизни. И боится же онъ участка...

Дворъ былъ по прежнему пустъ; на немъ царило такое молчанiе, что можно было подумать, что всѣ дома выходившiе на него были пусты.

— Это всегда здѣсь такъ тихо, проговорилъ Труппъ, даже днемъ. Дѣти играютъ такъ, что ихъ не слышно.

Повернувъ за уголъ, они наткнулись на толпу. Мущины и женщины оживленно разговаривали и многiе повидимому были очень взволнованы. Одна женщина пошла навстрѣчу нашимъ друзьямъ, испуская дикiе вопли, мущины дали имъ дорогу и Обанъ съ Труппомъ, пройдя подъ низкимъ сводомъ, очутились на узкомъ дворѣ, гдѣ тоже толпились любопытные; два полицейскихъ ходили спокойно взадъ и впередъ насколько позволяло мѣсто.

Обанъ уже хотѣлъ вернуться, когда при мерцающемъ свѣтѣ поставленнаго на землю фонаря;

онъ замѣтилъ человѣческую фигуру лежащую на связкѣ соломы. Онъ подошелъ ближе и ему поспѣшили дать дорогу; очевидно его принимали за доктора. Обанъ увидѣлъ мертвое тѣло человѣка лѣтъ пятидесяти лежащаго на спинѣ съ полусогнутыми руками и закрытыми глазами. Вся одежда его состояла изъ длиннаго чернаго сюртука, поднятый воротникъ котораго закрывалъ шею, и черныхъ засаленныхъ, грязныхъ, оборванныхъ брюкъ; ноги были босы, синія отъ холода и покрытыя грязью. Старый цилиндръ съ продырявленными полями валялся въ нѣсколькихъ шагахъ, сѣдые волосы свѣшивались на лобъ и лѣвая рука застыла въ предсмертной судорогѣ. Бѣлья не было изъ дырокъ на сюртукѣ виднѣлось голое тѣло.

Обанъ наклонился и увидѣлъ, что покойникъ былъ страшно исхудавши: ребра странно выступали, кулаки были такъ тонки, что ребенокъ могъ бы обхватить ихъ рукою, впалыя щеки рѣзко очерчивали выступы скулъ, носъ былъ ужасно тонокъ, губы безкровныя, ротъ полуоткрытъ, обнаруживая рядъ довольно хорошихъ зубовъ. Но особенно поразила Обана удивительная вдавленность висковъ и горла, восковаго цвѣта кожа была натянута на костяхъ.

— *Starved?* (Умеръ съ голоду), сказалъ Обанъ въ полъ-голоса, повернувъ голову къ остановившемуся возлѣ него полисмену. Тотъ отвѣчалъ только равнодушнымъ кивкомъ головы.

Среди зрителей произошло движеніе и слово повторялось многими съ тайнымъ ужасомъ: *Starved*.... Развѣ не та-же судьба ожидала большинство изъ нихъ? Дѣти невольно прижимались къ матерямъ, а жены къ мужьямъ. Какой-то молодой негодяй отпустилъ ироническое замѣчаніе, — всѣ пришли въ негодованіе и прогнали его. Въ толпѣ произошло движеніе, всѣмъ хотѣлось подойти по-

ближе и посмотрѣть на мертвеца, всѣмъ хотѣлось вблизи видѣть конечные результаты голода. Это интересовало ихъ.

Полицейскіе снова принялись ходить взадъ и впередъ, изрѣдка кидая разсѣянный взглядъ на толпу. Обанъ поднялся; всякая помощь была безполезна, потому что не было уже никакихъ признаковъ жизни въ неподвижномъ тѣлѣ. Вдругъ Отто схватилъ его за руку; Обанъ увидѣлъ, что что черты лица его были искажены. Механикъ смотрѣлъ на трупъ съ выраженіемъ ужаса, какъ будто мучимый какими то мрачными воспоминаніями.

— — Ты его знаешь? спросилъ Обанъ.

Отто не отвѣчалъ; онъ находился въ оцѣпененіи. Вдругъ обоимъ показалось, что послѣдняя искра жизни мелькнула въ потухшихъ глазахъ мертвеца: они прочли въ нихъ исторію нравственнаго паденія, которое человѣка стоящаго иногда на высокнхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, повергаетъ „на дно“.

Трупнъ вдругъ рѣшительно увлекъ Обана прочь отъ этого грустнаго зрѣлища; толпа посмотрѣла имъ вслѣдъ, только полисмены не обратили никакого вниманія на ихъ уходъ Они ожидали прибытія фургона, который долженъ былъ увезти тѣло въ больницу для вскрытія.

— Я видѣлъ его только одинъ разъ, около мѣсяца тому назадъ,—говорилъ Труппъ, голосомъ полнымъ волненія, пока они удалялись.—Я встрѣтилъ его на Флитъ Стритъ. Онъ имѣлъ тотъ же видъ какъ и теперь; у него не было сапогъ и бѣлья, но цилиндръ на головѣ и перчатки. Мнѣ показалось, что я встрѣтилъ саму смерть прогуливающуюся по улицамъ Лондона: это былъ скелетъ, тѣнь. Онъ пробирался вдоль стѣнъ, смотря все время прямо передъ собою и конечно не видя тѣхъ, кто проходилъ мимо него. Не знаю почему,

но сначала мнѣ захотѣлось сдѣлать видъ, что я его не замѣчаю, но затѣмъ я не могъ этого сдѣлать; мнѣ показалось, что онъ не ѣлъ цѣлую вѣчность. Я подошелъ къ нему и заговорилъ; онъ какъ будто не понималъ меня. Я думалъ, что онъ даже и не слышалъ, что я говорилъ. Когда я хотѣлъ дать ему шиллингъ, то онъ сначала посмотрѣлъ на деньги, потомъ на меня презрительно и сердито и, не говоря ни слова, бросилъ мой шиллингъ, мой послѣдній шиллингъ стоявшему возлѣ нищему. Ты понимаешь, что я былъ такъ пораженъ, что ни сказалъ ни слова, а онъ гордо удалился.

— Да ты увѣренъ ли что это тотъ-же самый человѣкъ? спросилъ Карраръ.

— Само собою разумѣется!... Развѣ ты думаешь, что можно забыть такую фигуру, если разъ ее встрѣтилъ?

Карраръ молчалъ. Совпаденіе было странное, но возможное. Труппъ могъ ошибаться, однако Обанъ полагалъ, что въ данномъ случаѣ онъ не ошибался. Обанъ тоже былъ потрясенъ... Труппъ былъ правъ: это лицо нельзя было забыть. Въ особеннсти поражала страшная худоба несчастнаго. Сколько долженъ былъ голодать онъ, чтобы превратиться въ ходячій скелетъ? Мѣсяцъ тому назадъ онъ имѣлъ еще достаточно силы, чтобы выказать неукротимую гордость, но конечно она была сломлена потомъ и онъ пришелъ умереть сюда въ самый темный уголъ, подальше отъ людскихъ взоровъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы кто либо былъ свидѣтелемъ послѣдней борьбы между нимъ и его мучителемъ—голодомъ.

— Умеръ съ голоду. умеръ съ голоду—повторялъ механикъ и затѣмъ сказалъ, обращаясь къ Обану: Вотъ еще *зрѣлище*, котораго мы не ожидали увидѣть!... Какъ все подтверждаетъ то, что

я тебѣ говорилъ... Но месть наша все это уничтожитъ...

— Скорѣе безуміе, подумалъ Каррарь, конечно воздержавшій вслухъ высказать свои мысли. Никто не виноватъ: развѣ слѣпой виноватъ, что онъ не видитъ? Безуміе, безуміе всюду—всюду и послѣдствія его будутъ ужасны!

Друзья очутились на Уайтчепель-Родъ. Они шли до сихъ поръ, не замѣчая хорошенько куда; то, что они видѣли потрясло ихъ такъ глубоко, что обо всемъ остальномъ они забыли. Они были удивлены, попавъ на освѣщенную улицу и оглядѣвшись увидѣли, что оживленіе было еще очень велико. Бьющая ключомъ жизнь, торжествующая жизнь послѣ ужасовъ смерти. .

— Пойдемъ въ клубъ, сказалъ Обанъ.

Онъ чувствовалъ, что ноги у него подгибаются отъ усталости; идя со своимъ другомъ онъ молчалъ, опустивъ голову; страдалъ онъ страшно и порою его охватывало бѣшенство.

Перейдя Коммершіаль-Родъ, они черезъ нѣсколько минутъ дошли до Бернеръ-Стритъ погруженной въ полнѣйшій мракъ; было такъ темно, что едва едва можно было различить двери и окна. Нужно было очень хорошо знать мѣсто, чтобы найти тотъ или другой домъ. Однако же Труппъ нашелъ очень скоро домъ, гдѣ помѣщался клубъ еврейскихъ революціонеровъ; онъ постучалъ тяжелымъ желѣзнымъ молоткомъ, висѣвшимъ на двери и ему сейчасъ же открыли. Какъ только Труппа узнали, то его дружески привѣтствовали. Обанъ увидѣлъ, что Труппъ всѣмъ пожимаетъ руки съ удовольствіемъ. Обанъ не разсчитывалъ найти здѣсь знакомыхъ; уже почти годъ, какъ онъ не бывалъ на этихъ собраніяхъ. Однако едва онъ сталъ ходить между группами сидящихъ и стоящихъ въ низкихъ комнатахъ перваго этажа, какъ его радостно окликнули:

— Обанъ...

— Баптистъ, вскричалъ онъ, увидя передъ собою хорошаго своего пріятеля, съ которымъ свелъ дружбу еще въ Парижѣ.

Воспоминанія волною нахлынули и друзья стали оживленно бесѣдовать.

International Working Men's Club (Международный клубъ рабочихъ) третья секція Коммунистической Ассосіаціи для образованія рабочихъ, является единственнымъ революціоннымъ учрежденіемъ въ Истъ-Эндѣ, членами его являлись въ большинствѣ случаевъ русскіе и польскіе эмигранты-евреи и пропаганда распространялась на весь Уайтчепель населенный ихъ соплеменниками.

Обанъ просилъ Баптиста перевести ему нѣсколько отрывковъ изъ еженедѣльной газеты, которую группа издавала съ большими затрудненіями, такъ какъ не видѣла помощи ни откуда; богатые единовѣрцы Истъ-Энда косо смотрѣли на это предпріятіе и даже добились прекращенія журнала на нѣкоторое время. Журналъ назывался „*The Worker's Friend*“ („Другъ рабочаго“) онъ печатался еврейскими буквами на томъ странномъ нарѣчіи, смѣси нѣмецкаго, польскаго и англійскаго языковъ, на которомъ говорятъ эмигранты изъ польскихъ жидовъ и которое только для нихъ и понятно.

Ужиная, Каррарь отвѣчалъ на тысячу вопросовъ, которыми засыпалъ его Баптистъ. Сколько новаго они передали другъ другу. Одинъ находился тамъ, другой здѣсь; общественное движеніе все перевернуло въ сравнительно короткій промежутокъ времени.

Обанъ становился все серьезнѣе по мѣрѣ того, какъ узнавалъ всѣ эти факты. Ему казалось, что онъ слышитъ грохотъ грозной колесницы Судьбы давящей все на своемъ пути. Конечно, теперь ему нечего опасаться за себя; онъ боролся одинъ

и это положеніе было его лучшей защитой; но старыя раны открывались, когда къ нимъ прикасались снова.

Баптистъ заговорилъ объ одномъ изъ ихъ товарищей,—Обанъ его помнилъ конечно?

Ну, такъ этотъ субъектъ былъ просто на просто шпіонъ и его въ концѣ концовъ разоблачили. Обанъ съ трудомъ могъ этому повѣрить.

— Каналья! — заключилъ свой разсказъ Баптистъ.

— Онъ былъ, можетъ быть только несчастнымъ,—сказалъ Обанъ, но Баптистъ не хотѣлъ стать на эту точку зрѣнія.

Часъ прошелъ въ дружеской бесѣдѣ. Потомъ они поднялись по узкой лѣстницѣ въ залу собраній: она была очень невелика, не больше полутораста человѣкъ могли въ ней помѣститься. Вмѣсто стульевъ были простыя скамейки безъ спинокъ; все носило отпечатокъ бѣдности, страшной бѣдности, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывало на постоянное и серьезное стремленіе отъ нея освободиться. Стѣны были украшены гравюрами: портреты Прудона, Маркса картина изображающая Лассаля опрокидывающаго золотаго тельца, каррикатура изображающая „Миссиссъ Гондри“, жадную буржуазію, эгоистку и скрягу съ полными карманами денегъ но отказывающуюся дать пенни бѣдняку. Трибуной служили подмостки, Труппъ говорилъ, стоя около предсѣдательскаго стола. Обанъ пробрался между скамейками, чтобы стать поближе и видѣть своего друга. Онъ не заботился особенно о томъ, что бы слышать рѣчь Труппа, такъ какъ этотъ послѣдній говорилъ по нѣмецки, языкъ который Обанъ понималъ изъ пятаго въ десятое. Онъ разобралъ только о чемъ говорилъ механикъ; повидимому онъ разъ сказывалъ о томъ, что видѣлъ сегодня. Обанъ ясно видѣлъ какъ увлекается Труппъ и какъ

увлекается съ нимъ вмѣстѣ вся аудиторія. Всѣ слушали его рѣчь, затаивъ дыханіе, электрическій токъ казалось пробѣгалъ чрезъ всѣ сердца, заставляя ихъ биться въ униссонъ; эти юноши, почти дѣти, эти женщины изнывавшіе въ непосильной работѣ, эти мущины пришедшіе сюда послѣ стольких разочарованій, были одушевлены одною мыслію. Обанъ рѣдко видѣлъ, чтобы какойлибо ораторъ такъ владѣлъ слушателями, какъ Труппъ, но это его не удивляло. Онъ очень хорошо зналъ эти горячія восторженныя головы, которыя съ одинаковымъ жаромъ увлекаются пустяками и вопросами жизни и смерти; они были самыми несчастными на землѣ, но это не мѣшало имъ имѣть своимъ идеаломъ земной рай. Они могли удовлетвориться только самымъ полнымъ коммунизмомъ; вѣчный миръ, братство, равенство, меньшимъ они не удовлетворялись. Всѣ эти еврейскіе революціонеры Истъ-Энда были мечтателями, идеалистами, сумашедшими...

Труппъ кончилъ свою рѣчь; тотчасъ же начался споръ.

— Да будьте вы эгоистами!—хотѣлъ крикнуть имъ Обанъ; будьте эгоистами повторяю я вамъ. Эгоизмъ это единственное оружіе, которымъ вы можете бороться противъ вашихъ эксплуататоровъ. Употребляйте его спокойно, осторожно, энергично и вы можете быть увѣрены въ побѣдѣ.

Онъ ничего не сказалъ однако. Прошло то время, когда онъ самъ охваченный энтузіазмомъ вызывалъ энтузіазмъ и среди толпы слушателей. Теперь онъ посвятилъ себя изученію людей и зналъ, что для того чтобы срывать рукоплесканія достаточно говорить языкомъ отвѣчающимъ тайнымъ желаніямъ сердцемъ слушателей. Увлекаются обыкновенно звонкими фразами; ясная и точная рѣчь, безъ всякихъ ухищреній, имѣющая цѣлью серьезное изложеніе фактовъ, рѣдко бываетъ

понята и проходитъ незамѣченной. Развѣ онъ не имѣлъ случая еще разъ убѣдиться въ этомъ въ прошлое воскресенье! Начни онъ говорить теперь, онъ возбудилъ бы всеобщее неудовольствіе и конечно никто не рукоплескалъ бы ему.

Между тѣмъ пренія продолжались; всѣ ораторы старались убѣдить слушателей, вниманіе которыхъ не ослабѣвало. Труппъ въ глубинѣ залы былъ скоро окруженъ желающими спросить у него разъясненій по поводу того или другаго мѣста въ его рѣчи; онъ съ неистощимымъ терпѣніемъ отвѣчалъ на всѣ вопросы. Обанъ сидѣлъ теперь одинъ среди этихъ людей, языкъ которыхъ ему былъ непонятенъ, но на лицахъ которыхъ онъ могъ читать одушевлявшія ихъ чувства. Клубы табачнаго дыма носились въ воздухѣ.

— Сегодня они всѣ возбуждены, полны энтузіазма думалъ онъ, завтра они будутъ подавлены и падутъ духомъ... Сегодня митингъ, завтра висѣлица; сегодня революція, завтра новыя заблужденія.

Въ эту минуту. Труппъ спросилъ не желаетъ-ли онъ идти вмѣстѣ въ другой клубъ; Отто только что узналъ, что тамъ было тоже собраніе и намѣревался тамъ говорить. Обанъ отказался.

Всѣ запѣли *Рабочую Марсельезу*, что послужило какъ-бы сигналомъ къ окончанію митинга; большинство стало расходиться; среди общаго шума выдѣлялся мужественный и сильный голосъ одного высокаго рабочаго съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами. Онъ пѣлъ, держа въ рукѣ стаканъ съ пивомъ. Припѣвъ повторялся хоромъ. Обанъ напѣвалъ „Марсельезу“ по французски. Сколько разъ уже онъ слышалъ эту пѣсню, сколько людей пѣло ее въ часы отчаянія, возмущенія или надежды! Да впрочемъ кто ее только не пѣлъ? Случайно Обанъ замѣтилъ, что одинъ молодой рабочій смотрѣлъ на него съ недовѣріемъ. Онъ

невольно улыбнулся. Надо ли ему было назвать себя? Его имени довольно бы было, чтобы разсѣять всякія подозрѣнія, то онъ нашелъ, что это безполезно. Посмотрѣвъ на часы, онъ увидѣлъ, что долженъ уходить, чтобы не пропустить послѣдняго поѣзда на Кингсъ-Кроссъ на станціи Альдгэтъ. Онъ вышелъ и въ это время пѣніе кончилось.

Обанъ съ трудомъ пробирался по темной улицѣ къ перекрестку, съ котораго расходились главныя улицы квартала; онъ не дошелъ еще до первыхъ фонарей, какъ вдругъ передъ нимъ выросло громадное каменное зданіе съ нѣсколькими рядами освѣщенныхъ оконъ. Это была одна изъ фабрикъ, которыхъ въ каждомъ приходѣ Истъ-Энда имѣется не одинъ десятокъ; можетъ быть это была шелковая мануфактура. Въ окнахъ мелькали тѣни, стукъ машинъ былъ ясно слышенъ на улицѣ; это тяжелое безобразное зданіе развѣ не являлось воплощеніемъ эпохи, когда промышленность господствуетъ надъ всѣмъ?

Когда Обанъ дошелъ до перекрестка, то на двухъ главныхъ улицахъ Уайтчепеля движеніе повидимому увеличивалось. Впрочемъ было уже близко то время, когда все это оживленіе должно было стихнуть; уже былъ близокъ часъ закрытія *public houses* и обычные ихъ посѣтители разбредались по домамъ; обязательный воскресный покой долженъ былъ скоро наступить и толпа спѣшила насладиться напослѣдки.

Желѣзно-дорожная станція была въ пяти минутахъ ходьбы.

До отхода поѣзда оставалось еще полъ-часа и Обанъ не могъ противиться желанію побродить въ этихъ мѣстахъ наудачу. Онъ свернулъ въ пустынную темную улицу.

Рѣдкіе фонари мелькали тамъ и сямъ въ ночной мглѣ; рѣдкіе прохожіе торопливо шли по

своимъ дѣламъ; Обанъ свернулъ въ боковую улицу шедшую на западъ.

Онъ встрѣтилъ толпу молодыхъ людей, которые повидимому бранились между собою, но старались говорить тихо, чтобы не навлечь на себя вниманія полисменовъ; они даже и не замѣтили Каррара, который шелъ по темной сторонѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ яркій свѣтъ выходящій изъ рѣшетчатаго окна онъ посмотрѣлъ туда и увидѣлъ сквозь грязныя и тусклыя стекла *common kitchen* (общую кухню) ночлежнаго дома; въ этой комнатѣ посѣтители сидятъ обыкновенно до того времени, пока имъ будетъ разрѣшено отправиться въ общую спальню, гдѣ они проведутъ ночь. Въ кухнѣ было человѣкъ шестьдесятъ; одни сидѣли, другіе стояли, третьи наконецъ толкались около печи, чтобы сварить себѣ чай или изжарить рыбу или кусокъ дешеваго мяса на ужинъ. Какъ только одна посудина бралась съ огня, другая тотчасъ же ее замѣняла. Печь, надо полагать, давала очень мало тепла, такъ какъ, несмотря на то, что въ комнатѣ было много народу, многіе дрожали отъ холода въ своихъ лохмотьяхъ. Скамейки по стѣнамъ были почти пусты; напротивъ того, столъ стоявшій по срединѣ кухни былъ весь занятъ: мужчины, женщины, дѣти стояли вокругъ него, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Полъ былъ покрытъ разными отбросами и маленькія дѣти, выскользнувшіе изъ усталыхъ рукъ матерей ползали по песку неуклюже, какъ щенки, которые еще не совсѣмъ хорошо видятъ. Огонь въ каминѣ былъ очень слабъ, а двѣ лампы висѣвшія на стѣнахъ должны были скоро погаснуть. Обанъ видѣлъ въ этотъ день много печальныхъ картинъ, но ни одна не произвела на него такого потрясающаго впечатлѣнія какъ видъ этой мрачной *common-kitchen*. Было-ли это потому, что онъ

усталъ? Вѣдь не первый же разъ ему приходилось видѣть такія печальныя картины.

Самое причудливое воображеніе не могло бы изобразить болѣе холодной, болѣе непривлекательной комнаты, болѣе жалкихъ фигуръ; вотъ сѣдой старикъ уронилъ свою палку и спитъ сидя полусогнувшись, еще молодая дѣвушка со страхомъ смотритъ на своего сутенера, который съ злымъ лицомъ бранитъ ее; въ сторонѣ сидѣла цѣлая семья; отецъ—безработный, мать поглощенная заботами, дѣти игравшіе черепками битой посуды. Многіе спали тяжелымъ сномъ, такъ что казались мертвецами. Всѣ имѣли одну судьбу: жить такъ всю жизнь въ грязи и голодѣ. Ни радости ни надежды и такъ изо дня въ день...

Обанъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и прошелъ дальше, Онъ давно зналъ эти ночлежные дома; ему знакомы были эти надписи бѣлыми буквами на красномъ фасадѣ дома: хорошія кровати за 3 пенса, 4 пенса, 6 пенсовъ, за послѣднюю цѣну давалась комната съ кроватью, на которой простыни смѣнялись каждыя двѣ недѣли; за 4 пенса—ночлегъ въ общей комнатѣ, но за 3 пенса не давалось ни матраца, ни одѣяла, а только голыя нары.

Какой-то человѣкъ, пошатываясь вышелъ изъ *lodging house*; у него вѣроятно не было денегъ для уплаты и его по просту выпроводили. Обанъ хотѣлъ остановить его, чтобы дать денегъ, но тотъ былъ такъ пьянъ, что казалось ничего не слышалъ и не видѣлъ и изчезъ въ темнотѣ ночи, шатаясь изъ стороны въ сторону и спотыкаясь. Карраръ продолжалъ свой путь; думы нахлынули и онъ забылъ и часъ и мѣсто. Наконецъ онъ остановился и осмотрѣлся; ему показалось, что онъ находится на той улицѣ, по которой онъ пришелъ сюда и онъ пошелъ прямо, говоря себѣ, что, идя такимъ образомъ, онъ никогда не заблудится.

Фонари въ этой части улицы были удалены другъ отъ друга шаговъ на сто, улица постоянно съуживалась, мостовая дѣлалась все хуже и хуже, лужи попадались все чаще и чаще, кучи нечистотъ были все болѣе и болѣе многочисленны; Обанъ продолжалъ идти впередъ, твердо рѣшивъ не падать духомъ.

Онъ прошелъ мимо одной открытой двери, это были тоже меблированныя квартиры, но совершенно особаго рода: то что въ Англіи называютъ *rookery* (вороньи гнѣзда). Крутая и узкая лѣстница была буквально покрыта человѣческими тѣлами, такъ что казалось, что это трупы набросаны здѣсь въ безпорядкѣ. Люди лежали у самаго порога въ самыхъ невозможныхъ позахъ, такіе грязные, что тѣло, которое виднѣлось сквозь дырявую одежду было такого-же цвѣта какъ и лохмотья.

Обанъ содрогнулся отъ омерзѣнія и ускорилъ шагъ.

Перейдя черезъ одну улицу, онъ натолкнулся на громадное зданіе, какой-либо доходный семиэтажный домъ, онъ прошелъ вдоль него. продолжая держаться того-же направленія, которое казалось ему вѣрнымъ. Дальше онъ встрѣтилъ нѣсколько неясныхъ людскихъ силуэтовъ—и только. Обанъ начиналъ терять увѣренность; наконецъ онъ очутился въ совершенно пустынной улицѣ. Однако-же онъ полагалъ, что хорошо знаетъ кварталъ, онъ нѣсколько разъ приходилъ сюда днемъ, но въ темнотѣ все казалось иначе. Онъ не помнилъ, чтобъ когда либо видѣлъ эту стѣну, которая теперь была у него слѣва; ужъ не заблудился ли онъ? Это было невозможно, совершенно невозможно. Онъ остановился въ страшномъ волненіи. Нѣкоторое время онъ соображалъ: нѣтъ, рѣшительно онъ не ошибся; взявъ влѣво онъ черезъ три минуты долженъ выйти на Уайтченель

Хай-Стритъ; если-же онъ пойдетъ прямо то въ тотъ же промежутокъ времени будетъ на Коммершіаль-Родъ: онъ рѣшилъ идти прямо.

Онъ пошелъ впередъ, но теперь только почувствовалъ страшную усталость; больная нога давала себя чувствовать. Онъ чуть было не опустился на землю, чтобы уснуть. Но онъ встряхнулся при мысли, что если на него нападутъ здѣсь, то въ этой пустынѣ конечно никто не услышитъ его криковъ о помощи, а онъ могъ теперь каждую минуту ожидать нападенія. Оружія у него нѣтъ никакого, только палка, казавшаяся ему страшно тяжелой.

Странное чувство овладѣло Обаномъ, это былъ не страхъ за свою безопасность, а ужасъ передъ возможностью факта быть принужденнымъ защищать, свою жизнь противъ себѣ подобнаго существа которое ежеминутно могло выйти изъ мрака и броситься на него, какъ дикій звѣрь. Онъ увидѣлъ, что былъ крайне неостороженъ подвергаясь такъ легкомысленно опасности почти неизбѣжной при этихъ условіяхъ; онъ вспомнилъ, что разъ одинъ полисменъ посовѣтовалъ ему не ходить по этой улицѣ; очевидно, что этотъ совѣтъ давался вообще прилично одѣтымъ людямъ.

Обанъ шелъ все быстрѣе и быстрѣе, а однако же стѣна все тянулась у него слѣва; было такъ темно, что въ десяти шагахъ нельзя было ничего различить Обанъ судорожно сжималъ въ рукахъ свою палку, уже не думая больше опираться на нее; каждую минуту ему казалось, что вотъ-вотъ изъ темноты какой нибудь бродяга бросится на него... Онъ рѣшилъ дорого продать свою жизнь. Наконецъ онъ пустился бѣжать, размахивая палкой и скоро потъ ручьями сталъ катиться у него лба, а чувство ужаса все росло. Гдѣ онъ находился въ данную минуту? Онъ навѣрное уже давно вышелъ изъ Уайтчепеля и теперь никогда не

найдетъ дороги въ этой тьмѣ... Вдругъ онъ натолкнулся на стѣну и справа могъ различить дома, окна, двери... Передъ нимъ открылась коротенькая улица, освѣщенная единственнымъ фонаремъ. Она была такъ узка, что карета не могла бы проѣхать; эта улица выходила на другую болѣе широкую и Обанъ черезъ нѣсколько минутъ вздохнулъ свободно, увидя широкую Коммершіаль-Родъ. Еще пять минутъ и онъ запыхавшись остановился передъ билетной кассой станціи Альдгэтъ: десять минутъ еще было въ его распоряженіи, чтобы взять билетъ и спуститься внизъ на платформу. Всего двадцать минутъ тому назадъ онъ оставилъ клубъ; онъ готовъ былъ поклятся, что съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько часовъ.

Прежде чѣмъ спуститься на платформу Обанъ нѣкоторое время стоялъ въ задумчивости, глядя на западъ; разносчики увязывали свои товары, а кругомъ тѣснилась масса народу, по большей части пьянаго, всѣ торопились на поѣздъ.

Обану вдругъ пришло въ голову, то чего онъ напрасно искалъ раньше: сравненіе по возможности точно передающее то впечатлѣніе, какое производили на него экскурсіи въ этотъ кварталъ.

Уайтчепель, который былъ теперь передъ его глазами—это страшная всегда открытая пасть Истъ-Энда. Всѣ тѣ, кто проходилъ близко, до кого долетало отравленное дыханіе чудовища были имъ ошеломлены, теряли всякое понятіе объ опасности и падали въ эту страшную пасть, изъ которой уже больше не возвращались, крики ужаса и предсмертной тоски, заглушались во чревѣ чудовища; и всѣ народы міра платили дань этому новѣйшему Минотавру, который становился все прожорливѣе и прожорливѣе и повидимому никогда не могъ утолить свой голодъ.

Обанъ невольно отшатнулся, чтобы избѣжать

этого зачумленнаго дыханія и вдругъ ему представилась картина того, что должно произойти въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ; онъ увидѣлъ, что гигантская пасть разверзлась и волны грязи и нечистотъ хлынули на Лондонъ и потопили его. Это былъ потопъ, какого еще никогда не бывало, все прекрасное, великое, богатое погибло. И горделивый городъ превратился въ вонючую клоаку, зараженныя испаренія которой медленно уничтожали всякую жизнь подъ проклятымъ небомъ...

VII.

Чикагская трагедія.

Первые дни второй недѣли ноября, казалось были окутаны кровавымъ туманомъ. Въ то время, какъ въ Лондонѣ крикъ „хлѣба или работы“ звучалъ грозною нотою въ ушахъ грабителей и ихъ покровителей, вниманіе всего міра было устремлено на Чикаго; всѣ ожидали развязки: будетъ ли рука готовая нанести смертельный ударъ остановлена милосердіемъ?

Событія быстро слѣдовали одно за другимъ.

Обанъ усердно работалъ въ первые дни недѣли, чтобы имѣть возможность располагать послѣдними днями по своему усмотрѣнію. Когда послѣ завтрака въ среду, онъ шелъ въ кафе, то не безъ удивленія замѣтилъ, что Страндъ и Флитъ-Стритъ были украшены флагами; этотъ праздничный видъ являлся страннымъ контрастомъ съ меланхоліей сѣраго неба и черной грязью улицы. Только съ большимъ трудомъ можно было пробираться по троттуарамъ, гдѣ стояла густая толпа любопытныхъ ожидавшихъ проѣзда лордъ-мэра и его кортежа. Нѣсколько времени тому назадъ состоялись выборы и глава городского управленія долженъ былъ явиться въ освященной обычаями процессіи. Народъ, конечно, забудетъ на время голодъ, который его мучилъ.

Въ странное время мы живемъ, сказалъ себѣ

Обанъ, этотъ безполезный болтунъ получаетъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ за ничего не дѣланье и въ то время, какъ онъ веселится въ Гильдголлѣ, тысячи рабочихъ должны каждый день стягивать себѣ потуже брюхо.

Онъ сдѣлалъ крюкъ, чтобы не видѣть этого преступнаго маскарада. Мелкій дождь моросилъ безъ перерыва. Карраръ купилъ газету и быстро ее проглядывалъ: Трафальгаръ-Скверъ и Трафальгаръ-Скверъ, только объ этомъ и говорилось... Постоянные митинги безработныхъ... вмѣшательство полиціи... аресты ораторовъ... Тревожные слухи о состояніи здоровья Германскаго Императора, полагаютъ, что у него ракъ гортани... судьбы великой націи зависятъ отъ выздоровленія или смерти одного человѣка... Франція—ничего. Чикаго... подробности относительно прошенія о помилованіи поданнаго четырьмя осужденными губернатору Иллинойса... въ камерахъ найдены разрывныя бомбы... Это было неизбѣжно: общественное мнѣніе въ нѣкоторыхъ кругахъ было слишкомъ на сторонѣ осужденныхъ, необходимо было остановить дальнѣйшее его развитіе въ этомъ направленіи... Этимъ и объясняется „находка“ бомбъ въ одной изъ камеръ... въ камерѣ, гдѣ сторожа находятся день и ночь... но общественное мнѣніе не занимается этими подробностями и настраивается на прежній ладъ... эта „находка“ была какъ нельзя болѣе кстати въ тотъ моментъ, когда петиція въ пользу „анархистовъ“ была покрыта сотнями тысячъ подписей.

Обанъ нервно скомкалъ газету и бросилъ ее. Теперь надѣяться было-бы безуміемъ; ему ясно представилось то. что должно было произойти и онъ содрогнулся.

Въ пятницу одиннадцатаго Ноября, Обанъ сидѣлъ у себя за столомъ заваленнымъ бумагами,

книгами и газетами; было около пяти часовъ вечера, смеркалось. Каррaръ провелъ весь день дома, разбирая бумаги, которыя ему принесъ Марель и при помощи которыхъ онъ хотѣлъ составить точное понятіе о малѣйшихъ подробностяхъ той трагедіи, послѣдній актъ которой разыгрывался теперь въ Чикаго. Хотя онъ уже составилъ о ней ясное понятіе на основаніи тѣхъ замѣтокъ, которыя просмотрѣлъ сегодня, но онъ все же еще нервно перелистывалъ рукописи грудой лежавшія на столѣ, какъ-бы желая еще уяснить нѣкоторые не вполнѣ ясные пункты. Онъ отчаявался однако выполнить ту задачу, которую поставилъ себѣ: слишкомъ многочисленны были противорѣчія, никогда нельзя будетъ узнать всю правду по поводу этихъ событій.

Обанъ однако представляетъ себѣ довольно ясно все происходивщее въ Чикаго.

Онъ видитъ Чикаго, второй по размѣрамъ городъ въ Соединенныхъ Штатахъ, бѣдная деревушка пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, груда дымящихся развалинъ двадцать лѣтъ тому назадъ, а теперь прекрасный городъ; житница міра, центръ громадной торговли; однако же этотъ городъ съ населеніемъ около милліона душъ, изъ которыхъ треть нѣмцы, представляетъ образчикъ самой совершенной организаціи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Баснословныя богатства сосредоточены въ рукахъ немногихъ лицъ, и въ тоже время число несчастныхъ не имѣющихъ возможности заработать себѣ на кусокъ хлѣба все увеличивается. Искра новыхъ общественныхъ ученій падаетъ въ этотъ находящійся въ броженіи городъ и зажигаетъ пожаръ пожирающій все, что только можно было: успѣхи настолько быстры, что кажется наступаетъ часъ послѣдней революціи. Власть имущіе поспѣшно отправляютъ орды, полицейскихъ, которые стрѣляютъ въ стачечниковъ

или бьютъ ихъ; среди рабочихъ раздается призывъ: къ оружію! Провозглашается лозунгъ: пролетаріи всѣхъ странъ вооружайтесь! Противъ насилія насиліе, безуміе противъ безумія...

Съ обѣихъ сторонъ идетъ борьба за 8-часовой рабочій день; это старая борьба, она длится уже двадцать лѣтъ, „Рыцари Труда" (въ числѣ 400.000 чел.) и „Объединенные Трэдъ-Юніоны" надѣются на успѣхъ послѣ манифестацій 1 Мая 1886 года. Требованія рабочихъ имѣли результатомъ нѣкоторыя уступки со стороны работодателей, но уступки чисто фиктивныя, которыя никогда не были осуществлены; онѣ существовали только въ договорахъ.

Международное Общество Рабочихъ, основанное въ Чикаго въ 1883 году нѣмецкими революціонерами называвшими себя анархистами, но проповѣдывавшими коммунистическія теоріи, очень хорошо понимаетъ, что вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ поднятъ только съ цѣлью отвлечь рабочихъ отъ болѣе жгучаго вопроса: вопроса о равенствѣ экономическомъ. Однако Общество присоединяется къ стачечникамъ, чтобы не потерять обширнаго поля пропаганды открывающагося передъ нимъ.

1-го Мая въ центрѣ движенія въ пользу восьмичасового рабочаго дня, Чикаго, происходятъ неожиданныя событія: закрывается большое промышленное предпріятіе и 1200 рабочихъ остаются безъ средствъ къ жизни. Устраиваются митинги и происходятъ столкновенія съ полицейскими и съ сыщиками Пинкертона, которыхъ наняли капиталисты.

3-го Мая новое столкновеніе, причемъ много рабочихъ ранено.

На слѣдующій день въ Гаймаркетѣ созывается митингъ съ цѣлью протеста противъ этихъ

убійствъ организованныхъ властями. Въ тотъ же день, одинъ изъ вожаковъ партіи, редакторъ „*Arbeiter Zeitung*“ (Рабочая Газета) выпускаетъ посланіе, которое пріобрѣло печальную извѣстность подъ именемъ „посланія мести“. Оно написано на двухъ языкахъ; въ англійскомъ текстѣ авторъ обращается къ американскимъ рабочимъ увѣщевая ихъ быть достойными своихъ предшественниковъ; вотъ содержаніе нѣмецкаго текста:

„Мщеніе, мщеніе...

„Рабочіе, къ оружію!!

„Рабочіе! Кровожадные мерзавцы, которые васъ эксплуатируютъ убили сегодня шесть вашихъ братьевъ въ Макъ-Кормикѣ. Почему? Потому что ваши товарищи имѣли мужество быть недовольными тою участью, на которую ихъ обрекали эксплуататоры. Они просили хлѣба,—имъ отвѣтили свинцомъ, конечно полагая, что это самое лучшее средство для того, чтобы заглушить всякія требованія. Долгіе годы вы терпѣливо сносили униженія, терпѣли лишенія всякаго рода, трудились съ утра до вечера, жертвовали даже своими дѣтьми; вы все это дѣлали для того чтобы наполнить сундуки вашихъ хозяевъ: все, все было для нихъ. А теперь, когда вы просите у нихъ немного облегчить ту ношу, которая давитъ васъ, они натравливаютъ на васъ свору полицейскихъ и встрѣчаютъ васъ пулями, чтобы отбить у васъ охоту требовать улучшенія своей участи. Рабы! всѣмъ, что у васъ есть святого и дорогого мы заклинаемъ васъ отмстить за гнусное преступленіе, жертвами котораго сдѣлались ваши братья, подумайте, это же можетъ повториться завтра и съ вами! Народъ, ты теперь находишься въ положеніи Геркулеса поставленнаго между добродѣтелью и порокомъ: на что ты рѣшишься? Выберешь-ли ты рабство и голодъ? Выберешь ли ты свободу и хлѣбъ? Если ты выберешь это послѣд-

нее, то не теряй ни одного мгновенія и берись за оружіе! Смерть этимъ грубымъ людямъ, которые тобою повелѣваютъ. Смерть всѣмъ, спасеніе возможно только при этомъ условіи. Вспомни о герояхъ, кровь которыхъ обагряетъ дорогу прогресса, свободы и человѣчности и постарайся быть похожимъ па нихъ...

„Ваши братья".

Митингъ въ Гаймаркетѣ протекалъ такъ спокойно, что мэръ предлагалъ начальнику полиціи отослать агентовъ, хотя самъ явился съ твердымъ намѣреніемъ разсѣять манифествнтовъ при малѣйшемъ волненіи. Ораторы говорятъ съ имперіала омнибуса стоящаго по срединѣ одной изъ улицъ выходящихъ на площадь; онъ окруженъ тысячной толпой, которая безмолвно слушаетъ сначала рѣчь автора посланія къ рабочимъ, потомъ рѣчь одного англійскаго лидера о движеніи въ пользу восьми-часового рабочаго дня; этотъ послѣдній ораторъ говоритъ очень пространно, стараясь охарактеризовать настоящій кризисъ. Третій ораторъ говоритъ тоже по англійски; небо покрывается тучами предвѣщающими повидимому проливной дождь и большинство присутствующихъ считаетъ за лучшее идти по домамъ. Послѣдній ораторъ оканчивалъ свою рѣнь, когда полицейскіе, числомъ около ста внезапно атакуютъ оставшихся. Въ это же самое время бомба брошенная неизвѣстной рукою разрывается среди нападающихъ, изъ которыхъ одинъ убитъ, а шестеро ранено тяжело. Другіе получили болѣе или менѣе легкія раны; всего пострадало до пятидесяти человѣкъ. Манифестанты разсѣялись подъ убійственнымъ огнемъ полицейскихъ.

Терроръ царствуетъ въ Чикаго. Никто не говоритъ, что эта бомба служила можетъ быть послѣднимъ оружіемъ какому нибудь несчастному доведенному до отчаянія. Рабочіе же склонны

думать, что бомбу бросилъ сыщикъ подкупленный капиталистами для того, чтобы дать власти поводъ нанести рѣшительный ударъ движенію въ пользу восьми-часового рабочаго дня; печать находящаяся на содержаніи у обезумѣвшихъ капиталистовъ энергично вліяетъ на общественное мнѣніе; она постоянно намекаетъ на таинственные и опасные заговоры направленные противъ права и религіи, она старательно собираетъ всѣ рѣчи или статьи, которыя могутъ увеличить тревогу публики; она совѣтуетъ употреблять пули для успокоенія „трамповъ“, и мышьякъ въ сильной дозѣ въ пищевыхъ продуктахъ для того, чтобы образумить рабочихъ.

Три оратора митинга арестованы; та же самая участь постигаетъ четырехъ другихъ лицъ усердно ратовавшихъ въ пользу рабочихъ требованій; редакторъ рабочей газеты „*Alarm*“ самъ отдается въ руки властей нѣсколько дней спустя. Сдѣлано еще много арестовъ, но окончательно задерживаютъ только этихъ восемь лицъ; эти восемь человѣкъ будутъ нести всю отвѣтственность.

Таковъ прологъ. Начинается одна изъ битвъ въ упорной борьбѣ капитала и труда; побѣдители взяли плѣнныхъ и сами себя назначаютъ ихъ судьями. На нѣкоторое время военныя дѣйствія прекращаются.

Начинается второй актъ трагедіи: судебный процессъ. У Обана здѣсь подъ руками все что можетъ ему дать возможно точное понятіе о ходѣ событій: газеты, защитительныя рѣчи, выдержки изъ документовъ переданныхъ Высшему Суду Иллинойса. Онъ посвятилъ себя неблагодарной работѣ, тѣмъ болѣе что англійскій языкъ былъ для него труденъ, хотя онъ и изучалъ его очень прилежно. Ему хотѣлось убѣдиться старались-ли побѣдители имѣть на своей сторонѣ право и законность, хотя по внѣшности. Но даже и съ этой

точки зрѣнія приговоръ является настоящимъ убійствомъ. Если дѣйствительно былъ заговоръ, съ цѣлью отвѣчать разрывными бомбами на свирѣпыя нападенія полиціи, то единичный случай 4-го Мая не имѣетъ съ нимъ рѣшительно ничего общаго. Никто не былъ удивленъ этимъ происшествіемъ, какъ тѣ которымъ приписывали его совершеніе.

Прежде всего составъ присяжныхъ въ высшей степени фантастиченъ. Хотя для этого случая имѣется тысячи присяжныхъ однако же ухитряются сдѣлать такъ, что выбраны для суда исключительно люди извѣстные своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ движенію въ пользу восьми часоваго рабочаго дня; защитники принуждены ихъ отвести и въ концѣ концовъ, принять остающихся, то есть такихъ людей, которые въ большинствѣ случаевъ заявляютъ, что ихъ убѣжденіе составлено уже до начала преній. Изъ тысячи присяжныхъ имѣется только десять изъ рабочаго квартала Чикаго, а однако въ этомъ квартала, живетъ одна пятая часть населенія города; да еще эти десять человѣкъ живутъ очень близко отъ полицейскаго участка.

Въ довершеніе всего представитель обвиненія ихъ отводитъ, онъ желаетъ имѣть только такихъ людей, на которыхъ можетъ положиться. Таковы присяжные которые должны рѣшить участь обвиняемыхъ... Всегда можно найти самодовольныхъ глупцовъ чтобы играть смѣшныя и подлыя роли: эти глупцы въ особенности опасны, когда чувствуютъ что въ ихъ распоряженіи находится грубая сила. Бѣда тому, кто попадетъ имъ въ руки тогда...

Но верхомъ мерзости является арестъ и подготовка большаго числа лицъ принадлежащихъ къ рабочимъ классамъ. Всѣ средства кажутся годными начальнику полиціи, честолюбцу безъ

всякихъ принциповъ; нѣтъ того насилія и той хитрости, передъ которыми онъ остановился бы, разъ онѣ кажутся ведущими къ цѣли. Онъ хочетъ добиться, чтобы всѣ эти люди показали, что дѣйствительно существовалъ заговоръ. Онъ всемогущъ; арестуетъ и освобождаетъ кого хочетъ; никто не думаетъ спрашивать у него отчета въ его дѣйствіяхъ; нѣтъ самодержца пользующагося болѣе дискреціонною властью нежели этотъ тиранъ въ миніатюрѣ.

Къ концу Іюля всѣ эти приготовленія закончены и прокуроръ составляетъ обвинительный актъ: всѣ предаются суду по обвиненію въ заговорѣ и убійствѣ. Процессъ начавшійся въ Іюлѣ подборомъ присяжныхъ входитъ во вторую фазу; начинается допросъ свидѣтелей при необычайномъ скопленіи любопытныхъ, терпѣніе которыхъ неистощимо, несмотри на то, что процедура эта продолжится очень долго. Свидѣтели обвиненія выставлены правительствомъ Штата и представляютъ довольно пеструю смѣсь: одни по просту должны были выбирать: или показывать противъ обвиняемыхъ или же самимъ садиться на скамью подсудимыхъ; полиція дала имъ денегъ и устраивала многочисленныя свиданія съ лицами вѣдающими общественную безопасность въ Штатѣ. Все, что эти свидѣтели дѣйствительно знаютъ, это, что бомбы были приготовлены и розданы; имъ приказано прибавлять, эта раздача была произведена не въ виду митинга въ Гаймаркетѣ.

Однимъ изъ важныхъ свидѣтелей обвиненія является очень подозрительный субъектъ, репутація котораго далека отъ того, чтобы быть безупречной. Его показанія являются главнымъ козыремъ въ рукахъ обвиненія; этотъ господинъ тоже не стѣсняется брать деньги отъ полиціи. Онъ видѣлъ все; онъ видѣлъ и того кто зажегъ фитиль и того, кто бросилъ бомбу; онъ можетъ сказать

кто тамъ былъ и кто не былъ; странно нѣсколько, что онъ не слышалъ ни одного слова изъ рѣчи, но за то онъ знаетъ пресловутый заговоръ во всѣхъ подробностяхъ.

Показанія всѣхъ этихъ оффиціальныхъ свидѣтелей взаимно опровергаютъ другъ друга, но что-жъ изъ этого?

Передъ глазами присяжныхъ лежатъ окровавленныя одежды убитыхъ взрывомъ бомбы; представитель обвиненія читаетъ длинныя выдержки изъ глупѣйшей книги одного профессіональнаго революціонера объ „революціонной стратегіи“; многіе изъ обвиняемыхъ незнакомы между собою, но развѣ это можетъ имѣть какое нибудь существенное значеніе? Читаются еще рѣчи и статьи, которыя сильно волнуютъ жюри. Этого достаточно.

Дѣло въ томъ, что здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ анархизмъ... Жертвуя этими восемью людьми, правительство имѣетъ въ виду нанести смертельный ударъ движенію, въ которомъ они были замѣшаны; буржуазія хочетъ раздавить пролетаріатъ. классъ борется противъ класса.

Защитники дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ чтобы вырвать своихъ кліентовъ изъ когтей буржуазіи, но они принуждены сражаться съ противникомъ въ его собственной области, въ области общихъ законовъ, а потому ихъ усилія должны неизбѣжно остаться безплодными.

Приговоръ состоялся въ концѣ Августа; присяжные послали на смерть восемь челавѣкъ. Гнусная комедія кончена, для успѣха ея потребовалось три мѣсяца.

Понятно, что обвиняемые не молчали на судѣ; они произносили рѣчи, въ которыхъ просто, гордо, но нѣсколько запутанно говорятъ о страданіяхъ и нищетѣ народа, объ его желаніяхъ. стремленіяхъ и надеждахъ.

Однако-же проходитъ цѣлый годъ прежде нежели палачъ именуемый правительствомъ рѣшается засучить рукава и приступить къ казни своихъ новыхъ жертвъ. Было одно время, когда казалось. что совершается невозможное; рабочіе не отступаютъ ни передъ какими жертвами чтобы спасти своихъ братьевъ и въ нѣкоторыхъ кругахъ общества происходитъ полный поворотъ въ мнѣніяхъ. Невиновность осужденныхъ дѣлается ясною; симпатія замѣняетъ мѣсто страха и ненависти.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ кассаціонный судъ утверждаетъ рѣшеніе, то же дѣлаетъ и федеральный судъ въ Вашингтонѣ.—на этотъ разъ жребій брошенъ окончательно и казнь должна послѣдовать скоро. Спасти несчастныхъ можетъ только губернаторъ Иллинойса, воспользовавшись своимъ правомъ помилованія.

Трое осужденныхъ подаютъ петицію, въ которой заявляютъ, что обвиненія взведенныя на нихъ безсмысленны и ложны; однако же они сожалѣютъ о томъ, что были невоздержны въ выборѣ выраженій. Прочіе же въ гордыхъ, сильныхъ и презрительныхъ словахъ отказываются быть помилованы за преступленіе, котораго они не совершали. Они требуютъ: «свободы или смерти».

— Общество, говоритъ одинъ изъ нихъ, можетъ повѣсить нѣсколькихъ сторонниковъ прогресса, которые служили рабочему дѣлу безкорыстно: ихъ кровь сдѣлаетъ чудеса. Ихъ смерть ускоритъ паденіе современнаго общества и наступленіе новой эры.

— За пятнадцать лѣтъ пребыванія въ этой странѣ, говорилъ второй, я имѣлъ возможность убѣдиться, что всѣ общественные дѣятели продажны. Я потерялъ всякое довѣріе въ равенство правъ богатыхъ и бѣдныхъ; поведеніе чиновниковъ, полиціи и милиціи даетъ мнѣ возможность съ увѣ-

ренностью сказать, что существующій порядокъ вещей долго не протянетъ.

— Ваше рѣшеніе опредѣлитъ не только мою участь, но также и участь тѣхъ, кого вы представляете,—заключаетъ третій свое обращеніе къ губернатору, гдѣ приглашаетъ этого послѣдняго или быть слугою народа, или оружіемъ монополистовъ.

Безтрепетной рукой они сами надѣваютъ мученическій вѣнецъ на свое гордое чело.

Губернатора осаждаютъ со всѣхъ сторонъ. Сотни митинговъ протеста противъ осужденія собираются во всѣхъ городахъ Союза; во всемъ мірѣ раздаются крики негодованія и призывъ къ милосердію, только Чикаго молчитъ власти заткнули ротъ жттелямъ. Наконецъ трое изъ осужденныхъ помилованы, пятеро остальныхъ умрутъ. Въ послѣдніе дни, когда общее настроеніе публики должно сдѣлать невозможнымъ казнь, въ одной изъ камеръ тюрьмы „находятъ“ разрывныя бомбы; продажная печать начинаетъ громко кричать объ этомъ, не спрашивая однако, можно ли было пронести столь опасную контрабанду къ людямъ, такъ хорошо охраняемымъ, безъ участія полиціи. Печать говоритъ объ адскихъ планахъ: предполагалось взорвать тюрьму и даже весь городъ—общественное мнѣніе снова сдѣлалось враждебнымъ къ осужденнымъ.

Еще послѣдняя сцена: плачущія женщины валяются въ ногахъ у того, кто располагаетъ жизнію и смертію ихъ близкихъ; одна несчастная мать проситъ пощадить жизнь ея сына; одна женщина требуетъ справедливости, третья не можетъ говорить отъ горя и показываетъ только на своихъ дѣтей. Но ничто не можетъ тронуть безчувственное сердце закоренѣлаго въ предразсудкахъ человѣка. Все кончено, все кончено...

Второй актъ трагедіи конченъ; занавѣсъ опускается; все это уже принадлежитъ прошлому...

Обанъ вскочилъ и зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Было совсѣмъ темно, огонь потухалъ въ каминѣ, Карраръ такъ углубился въ свои размышленія, что шелестъ бумаги заставилъ его вздрогнуть; это газетчикъ просовывалъ подъ дверь вечернія газеты. Обанъ съ живостью наклонился и разорвалъ одну бандероль; что же наконецъ: жизнь или смерть?

У него вырвался крикъ ужаса: при слабомъ свѣтѣ лампы онъ могъ прочесть слѣдующую лаконическую телеграмму:

„Экстренное прибавленіе 6¹/₄ часовъ вечера Чикаго, 10 Ноября. Ужасное самоубійство. Одинъ изъ осужденныхъ взорвалъ себѣ черепъ бомбой. Голова раздроблена, нижняя челюсть совершенно оторвана“.

Обану показалось, что онъ сейчасъ упадетъ. Воздуху, воздуху... Захвативъ шляпу и палку, онъ выбѣжалъ на улицу.

Вернувшись, онъ нашелъ доктора Хурта сидящимъ передъ каминомъ съ газетой въ одной рукѣ и кочергой въ другой. Обанъ былъ очень удивленъ этимъ посѣщеніемъ, такъ какъ кромѣ воскресеній, докторъ никогда не бывалъ у него.

— Я мѣшаю вамъ, Обанъ? У меня былъ тутъ больной по сосѣдству и я подумалъ, что недурно бы погрѣться и обмѣняться нѣсколькими словами съ разумнымъ существомъ. Люди поступаютъ теперь такъ, какъ будто конецъ свѣта близокъ.

— Вы не могли придумать ничего лучшаго, докторъ, отвѣчалъ Обанъ, горячо пожимая ему руку.

Онъ говорилъ, по обыкновенно рѣзко отчеканивая каждое слово, но голосъ былъ совершенно упавшій. Докторъ внимательно слѣдилъ за нимъ взглядомъ, пока онъ зажигалъ лампу ставилъ кипятиться воду и приносилъ стаканы и табакъ.

Затѣмъ оба усѣлись другъ противъ друга, протянувъ ноги къ огню: оба молчали нѣкоторое время—никто не рѣшался заговорить первымъ.

— Читали? сказалъ наконецъ Обанъ, указывая на газету, которую его гость все еще держалъ въ рукахъ Хуртъ съ серьезнымъ видомъ, утвердительно кивнулъ головой. Посмотрѣвъ на Обана, онъ былъ пораженъ его искаженнымъ лицомъ.

— Какой у васъ скверный видъ, сказалъ Хуртъ, участливымъ тономъ.

Обанъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ и закрылъ лицо руками.

— О, я провелъ безумную ночь—пробормоталъ онъ.

Докторь быстро поднялся на ноги, и сказалъ, хлопая Обана по плечу:

— Послушайте, другъ мой Обанъ, зачѣмъ вы такъ трагически смотрите на вещи? Рано или поздно этого надо было ожидать. Вѣдь не думали же вы, продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, что правящіе классы будутъ сидѣть сложа руки и позволятъ себя слопать? Конечно-же нѣтъ? Вы такъ же хорошо, какъ и я знаете, что право, это просто на просто сила и что борьба за жизнь есть завоеваніе этого права. Казнь въ Чикаго есть ничто иное, какъ эпизодъ великой борьбы, которую вы же сами считаете необходимой, эпизодъ печальный, но которой легко можно было предвидѣть.

Обанъ посмотрѣлъ на него блестящими глазами, губы его дрожали.

— Я питаю глубокое отвращеніе къ подлости. Ну, а эта хладнокровная бойня кажется мнѣ самой большой и самой гнусной подлостью. Неправда-ли, что немного мужества надо имѣть, чтобы убивать, когда цѣлая толпа глупцовъ поддерживаетъ васъ, когда сотня предразсудковъ васъ оправдываетъ. Какую подлость надо имѣть,

чтобы приказывать бить другихъ людей, прячась за щитъ закона, или за штыки солдатъ или за бицепсы полицейскихъ, этихъ грубыхъ животныхъ, которые знаютъ только одно — приказъ... Какая подлость имѣть на своей сторонѣ большинство идіотовъ и говорить хвастливо: это мое право... Какъ вы полагаете, вѣдь надо быть подлецомъ самой чистой воды, чтобы поступать подобнымъ образомъ?

Докторъ ничего не отвѣчалъ и Обанъ продолжалъ:

— По моему единственно достойный и цѣлесообразный образъ дѣйствія — это пассивное сопротивленіе, проявленіе личной силы и энергіи. Я глубоко уважаю тѣхъ, кто остается вѣренъ самому себѣ и кто гибнетъ, благодаря вѣрности своимъ убѣжденіямъ, но я чувствую не менѣе глубокое отвращеніе къ тѣмъ, кто сегодня превозноситъ до небесъ какую либо безсмыслицу, а завтра смѣшиваетъ ее съ грязью.

— Да все смѣшиваютъ. Настоящее достоинство не отличаютъ отъ кажущагося.

— Почему еще существуютъ государи? Потому что еще существуютъ подданные. Почему существуетъ вся эта нищета? Это не потому, что одни богатѣютъ, а другіе бѣднѣютъ. Надъ нами тяготѣетъ одна противоестественная идея—идея христіанства. Мы конечно освободились отъ многихъ стѣснительныхъ религіозныхъ формъ, но религіозный духъ еще тяготѣетъ надъ нами. Повѣрьте мнѣ докторъ, между буржуа и соціалистомъ существуютъ общія черты, но между ними и мною нѣтъ ничего общаго. Зіяющая пропасть раздѣляетъ сторонниковъ государства и приверженцевъ свободы.

— Вы слѣдуете указаніямъ природы, задумчиво сказалъ Хуртъ послѣ нѣкотораго молчанія, вотъ почему на вашей сторонѣ здоровье и истина.

Затѣмъ докторъ возвратился къ первоначальной темѣ разговора и сказалъ:

— Вы не испытывали того же самаго ужаса по поводу динамитныхъ покушеній?

— Нѣтъ; я видѣлъ въ нихъ только необходимую оборону. Полиція грубо нападаетъ по собственному почину на толпу мирныхъ гражданъ, которые не совершили никакого проступка, но на этотъ разъ она наказана за свое звѣрство, тогда какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ она привыкла къ безнаказанности. Однако я очень сожалѣю объ этомъ поступкѣ и считаю его не только безполезнымъ, но даже вреднымъ. Я искренне жалѣю тѣхъ, кто еще настолько ослѣпленъ, что не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что эти дѣйствія вызваны отчаяніемъ, что ихъ совершаютъ люди; которымъ нечего терять, такъ какъ у нихъ все отняли.

— А что вы думаете о тѣхъ людяхъ, которые постоянно подстрекаютъ другихъ къ насилію сами оставаясь въ сторонѣ?

— Думаю, что это ни болѣе ни менѣе какъ гнусные мерзавцы. Нѣсколько времени тому назадъ одинъ изъ подобныхъ агитаторовъ открыто подстрекалъ къ убійству одного изъ европейскихъ государей; одна американская газета предложила этому бѣсноватому даровой билетъ въ Европу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ выполнилъ то, къ чему такъ усиленно подстрекалъ: я нахожу, что эта газета была права. Докторъ снова усѣлся въ кресло. Друзья помолчали немного, потомъ Хуртъ началъ снова.

— Съ меня довольно народа. Я нахожу, что онъ очень походитъ на чудовище постоянно требующее новыхъ жертвъ. Теперь начинаютъ портить этого взрослаго ребенка, котораго раньше пороли нещадно. Онъ начинаетъ входить въ возрастъ и удивляется своей силѣ; когда онъ сознаетъ

свою силу, то раздавитъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ ползать передъ нимъ на брюхѣ. Онъ уже начинаетъ подражать правительству; онъ имѣетъ притязанія на непогрѣшимость... онъ гордъ и тупъ... Я говорю, вамъ Обанъ, что недалеко то время, когда человѣкъ съ мужественнымъ свободнымъ и независимымъ умомъ, не рѣшится назвать себя соціалистомъ изъ опасенія, что его сочтутъ за одного изъ этихъ трусовъ и лицемѣровъ лижущихъ ноги перваго встрѣчнаго рабочаго, только потому, что онъ рабочій.

Докторъ оживился, говоря это; Обанъ былъ попрежнему печаленъ, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что слышалъ.

— Въ каждую эпоху есть своя ложь, продолжалъ Хуртъ; въ нашу—это политика; для грядущей, это будетъ народъ. Народъ увлечетъ за собою всѣхъ слабыхъ, мелкихъ и безвольныхъ, всѣхъ людей сегодняшняго дня. Они будутъ плыть по теченію, истощая свои силы въ мелочной и глупой борьбѣ. Люди будущаго и къ нимъ принадлежимъ мы, останутся на берегу или во всякомъ случаѣ выберутся на него, если и были въ потокѣ, который угрожалъ ихъ поглотить. И вотъ почему мы можемъ спокойно присутствовать при развитіи событій; мы находимся внѣ общаго потока. Неправда ли Обанъ?

Каррарь былъ глубоко взволнованъ: первый разъ этотъ странный человѣкъ обнажалъ передъ нимъ свое сердце и прикасался къ старымъ ранамъ. Сколько онъ долженъ былъ выстрадать, прежде нежели сталъ такимъ непреклоннымъ и одинокимъ!..

— Вы правы.—отвѣчалъ Каррарь,—я тоже боролся противъ теченія, я тоже добрался до берега. Я вижу, что мимо меня несутся теченіемъ окровавленные трупы осужденныхъ въ Чикаго.

— Это не первые и не послѣдніе.

— Да, вы правы,—повторилъ Обанъ.—Я былъ изъ тѣхъ, которые уносятся потокомъ. Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, когда я не зналъ свѣта, когда люди были для меня съ одной стороны чудовищами порока, а съ другой ангелами чистоты, когда я принималъ слѣдствія за причины, а причины за слѣдствія,—тогда меня слушали. Откуда бралось у меня мужество такъ *кривляться* передъ сотнями людей? Не съумѣю отвѣтить въ настоящее время на этотъ вопросъ. Я служилъ дѣлу, я чувствовалъ себя неуязвимымъ, развѣ я могъ ошибаться? Вотъ въ чемъ была моя сила, а не во мнѣ самомъ; это давало мнѣ непоколебимую вѣру и полное самозабвеніе. Чѣмъ болѣе я уклонялся отъ истины, тѣмъ ближе я былъ къ моимъ слушателямъ и очень часто я заходилъ дальше нежели хотѣлъ...

— Это же самое случилось и съ этими осужденными въ Чикаго; ихъ толкали впередъ, назадъ вернуться было невозможно.

— Подобныя вещи случались и со мною. Да я не былъ и счастливъ. Я не думаю, чтобы самоотреченіе могло дѣйствителвно сдѣлать счастливымъ. И я не хотѣлъ бы умирать при этихъ условіяхъ, я въ этомъ увѣренъ теперь; я хочу бороться и побѣдить, не получивъ ни одной раны.

— Вамъ не преминутъ замѣтить, что вы дѣлаете только то, что вамъ нравится.

— Пусть говорятъ, что хотятъ. Я говорю, что это гораздо труднѣе, нежели безполезно жертвовать собою, доставляя удовольствіе врагу. Хотите вы знать какимъ образомъ я пришелъ къ этому убѣжденію? Для этого достаточно было одной саркастической и презрительной улыбки. Я былъ передъ судомъ и защищалъ свое дѣло; я прямо въ лицо судьямъ говорилъ истины, которыя однихъ ошеломляли, а другихъ возмущали. Я произносилъ напыщенную, язвительную и без-

полезную рѣчь, дѣтскую рѣчь человѣка увлеченнаго идеаломъ. Нѣтъ ничего болѣе смѣшнаго, какъ говорить такъ полуоскотинившимся людямъ, которые отвѣчаютъ вамъ статьями свода законовъ. Въ то время, какъ я говорилъ для тѣхъ, кто меня не понималъ, я замѣтилъ на умномъ липѣ одного изъ судей полную иронію и жалости улыбку которая, казалось, говорила: Ты будешь безумцемъ до тѣхъ поръ пока будешь довольствоваться словами, не переходя къ дѣйствіямъ... Но, нѣтъ я не точно выражаюсь, я не замѣтилъ тотчасъ этой улыбки, я слишкомъ былъ увлеченъ своею рѣчью. Я вспомнилъ о ней послѣ, въ тюрьмѣ. До сихъ поръ мнѣ стоитъ закрыть глаза и я ее вижу, Во время моего заключенія она преслѣдовала меня денно и нощно; это былъ опасный врагъ, отъ котораго мнѣ было очень трудно отдѣлаться. Я успѣлъ въ этомъ только противопоставивъ ему совершенно такую же улыбку. На это понадобилось время, но во времени у меня недостатка не было. Когда я наконецъ одержалъ верхъ, свѣтъ явился предъ моимъ взоромъ инымъ нежели являлся до того времени, я увидѣлъ людей такими, какими они есть. Въ настояще время я уже не вызываю ни въ комъ улыбки.

— Безъ сомнѣнія, это самый мужественный поступокъ всей вашей жизни, Обанъ; для того чтобы овладѣть собою при подобныхъ условіяхъ надо имѣть большую силу характера и много работать надъ собою. Понимаете ли вы этихъ коммунистовъ, которые кричатъ объ измѣнѣ, потому что нѣкоторые изъ осужденныхъ подписали прошеніе о помилованіи? Измѣна, униженіе въ томъ что я подпишусь на клочкѣ бумаги, который можетъ вырвать меня изъ когтей моего врага?.. Да я подпишу ихъ тысячу и буду смѣяться надъ идіотомъ взывающимъ къ моей непреклонности и старающемся втолковать мнѣ свои идеи? Обанъ,

эти коммунисты больные, разслабленные люди, фанатики страдающіе галлюцинаціями...

— Въ послѣднее воскресенье, я сказалъ все, что хотѣлъ сказать, отвѣчалъ Обанъ спокойнымъ тономъ.

— Ну а къ чему это повело? Нѣтъ, повѣрьте, эти люди научатся только горькимъ опытомъ. Самое разумное оставить ихъ дѣлать, что они хотятъ.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы. Прошелъ часъ безъ упоминанія о Чикаго. Разговаривая, докторъ разсѣянно курилъ и скоро комната наполнилась густыми клубами дыма. Пріятная истома разливалась по тѣлу обоихъ собесѣдниковъ въ этой комнатѣ освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы и согрѣтой пламенемъ камина.

— Вы конечно знаете сказку о новой одеждѣ императора? сказалъ Обанъ.—Она приложима всецѣло къ государству. Большинство людей, по моему мнѣнію, убѣждены въ томъ, что они обошлись-бы безъ него. Они платятъ налоги съ неудовольствіемъ, какъ будто подозрѣваютъ, что у нихъ крадутъ часть ихъ труда. Но только имъ повторяютъ постоянно: «что нужно, чтобы такъ было, потому что всегда такъ было» и они не знаютъ какъ быть, они подглядываютъ другъ за другомъ, сомнѣваются и колеблются. Не надо ни сомнѣваться ни колебаться, надо быть увѣреннымъ въ себѣ, чтобы отдать себѣ отчетъ въ сущности и въ важности предмета. Тогда скажутъ: да вѣдь это ничто иное какъ дымъ и дымъ. Разъ люди пришли къ этому убѣжденію—то уже они стоятъ на порогѣ анархіи.

Докторъ молчалъ; Обанъ продолжалъ дальше:

— Возьмемъ примѣръ. Мы наканунѣ сраженія; двѣ арміи стоятъ другъ передъ другомъ; арміи приведенныя сюда, чтобы взаимно истреблять другъ друга. Бойня должна начаться черезъ часъ:

какъ вы думаете много-ли бы солдатъ приняло участіе въ сраженіи, будь воля ихъ свободна? Думаете ли вы, что много бы нашлось такихъ, которые пустили бы въ ходъ свое оружіе? Нѣтъ, они всѣ побросали-бы его тамъ-же и вернулись-бы къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Самое большее, упорствовали-бы тѣ, кто дѣлаетъ изъ войны свое ремесло. Всѣ остальные поступаютъ противъ своей воли, противъ голоса разсудка, потому что не отдаютъ себѣ отчета въ происходящемъ, они идутъ по принужденію, ихъ влечетъ какое-то безуміе, что-то таинственное, непонятное и ужасное въ одно и тоже время. Можете вы мнѣ назвать имя этого чего-то?

— Именъ много: привычка, глупость, подлость, отвѣчалъ Хуртъ.

— Будьте увѣрены, что у меня нѣтъ никакого предубѣжденія противъ войны, продолжалъ Обанъ начавшій прибирать бумаги на столѣ, чтобы скрыть свое волненіе;—ни малѣйшаго, я васъ увѣряю. Пьяницы и скоты существовали во всѣ времена и еще будутъ существовать. Но пусть они рѣшаютъ свои споры между собою и не впутываютъ въ нихъ мирныхъ людей, которые желаютъ одного: жить въ мирѣ со всѣми; пусть они не принуждаютъ становиться на ихъ сторону подъ предлогомъ, что общій интересъ и національная честь этого требуютъ. Я не противлюсь войнѣ только въ томъ случаѣ если она ведется тѣми кто ея желаетъ. Пускай они дерутся, разрываютъ другъ друга на части, земля вздохнетъ свободнѣе, когда они всѣ изчезнутъ до послѣдняго.

— Ну, а пока что, мы все еще сидимъ въ клѣткѣ государства, забиваясь въ углы, подозрительно смотря другъ на друга, огрызаясь и въ концѣ концовъ пожирая другъ друга, потому

что мало мѣста и кормъ не распредѣляется какъ слѣдуетъ.

— Этого требуетъ борьба за жизнь,—отвѣчалъ Обанъ такимъ же ироническимъ тономъ,—сильнѣйшій давитъ болѣе слабаго; сама природа насъ учитъ этому...

— Да, къ счастію своему они имѣютъ въ своемъ распоряженіи эту фразу заимствованную изъ науки, въ которой они ни бельмеса не смыслятъ.

— Но развѣ она не является въ высокой степени удобной для того чтобы оправдать ихъ насилія? Благодаря ей они кажутся правыми, когда удерживаютъ природу, заставляя ее подчиняться такъ называемымъ совершеннымъ и удивительнымъ законамъ. Законы, или скорѣе законъ: что трудъ долженъ подвергаться конкурренціи до тѣхъ поръ пока не умретъ отъ полнокровія. Капиталъже долженъ быть внѣ всякой конкурренціи.

— Я переношу все, безъ ропота, сказалъ докторъ, сноваво одушевляясь, но меня страшно возмущаетъ, что эти безсовѣстные циники прикрываютъ совершаемыя ими гадости авторитетомъ науки!

— Какъ, докторъ, вы не приходите въ восторгъ передъ прекрасными образцами человѣческой породы, которые даетъ намъ эта борьба за жизнь. Не нужно ли напомнить вамъ дэнди высшаго общества въ шелковыхъ шляпахъ, монокляхъ и остроконечныхъ башмакахъ? Они ничего не дѣлаютъ, но имѣютъ достаточно кругленькій капиталецъ работающій за нихъ и приносящій имъ тысячи фунтовъ стерлинговъ доходу въ годъ: это не препятствуетъ имъ быть лѣнтяями и невѣждами, а къ тридцати годамъ совершенно истасканными. Возьмите теперь для сравненія сотню молодыхъ рабочихъ, здоровыхъ молодцовъ, полныхъ силы, мужества и добрыхъ намѣреній и желающихъ только доказать это. Но они не свободны

дѣлать то, что хотятъ—такъ уже устроено общество; ихъ загоняютъ въ уголъ, гдѣ они въ концѣ концовъ оскотиниваются; все ихъ существованіе дѣлится между сномъ и работою: они ложатся спать, покидая мастерскую, они начинаютъ работать, вставъ съ постели.

Дэнди имѣетъ средства позволяющія ему не работать, рабочій не имѣетъ даже возможности работать. Первый ничто иное, какъ вампиръ питающійся кровью втораго. Для того, чтобы доставлять средства къ раззорительной роскоши одному изъ этихъ праздныхъ и безполезныхъ существъ—нужны сто дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ жизней. Хлыщъ истощается отъ ничего не-дѣланія, работникъ истощается отъ противоположной крайности. Вотъ борьба за жизнь.... вотъ божественное провидѣніе... вотъ порядокъ установленный природою...

Онъ остановился на минуту и посмотрѣлъ на доктора пускавшаго клубы дыма; потомъ началъ снова:

Хотите вы еще примѣръ? Вотъ вамъ дама, проводящая время за чтеніемъ романовъ, мѣняющая нѣсколько разъ въ день свой туалетъ и смотрящая за своими слугами, дѣлающими работу, въ которой она ничего не понимаетъ. Вечеромъ, барыня ѣдетъ въ театръ или на балъ; ея бриліанты неимѣющіе сами по себѣ никакой цѣнности...

— Само по себѣ ничто не имѣетъ цѣнности, перебилъ докторъ.

... Но представляющіе собою цѣлое состояніе.

— Остановимся на этомъ Обанъ, проворчалъ докторъ; эти вещи логичны и неизбѣжны до тѣхъ поръ пока рабочіе не выкажутъ себя болѣе умными и развитыми.

Между тѣмъ было уже поздно; огонь потухалъ въ каминѣ и въ комнатѣ стало жарко и душно. Докторъ посмотрѣлъ на часы, потомъ, уже

приготовляясь уходить, онъ вскричалъ въ порывѣ страстной любви, которую этотъ оригинальный человѣкъ питалъ ко всѣмъ несчастнымъ и угнетеннымъ.

— Безумцы! Безумцы!.. и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва, они никогда кажется не поймутъ ничего? Они бросаютъ бомбы, понимаете вы это? Да надо быть глупцомъ, чтобы идти на это! Что же имъ кажется, что правительства не съумѣютъ легко освободиться отъ нихъ? Право можно подумать; что все ихъ честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы идти на убой... Они кажется о побѣдѣ нисколько не заботятся... Жертва за жертвой — жертва за жертвой... Знаете, если они не хотятъ исправляться, то я не хочу ничего слышать о нихъ...

Онъ всталъ и продолжалъ говорить небрежнымъ по внѣшности тономъ, въ то время какъ Обанъ съ печальнымъ лицемъ машинально перелистывалъ газеты и журналы на столѣ:

— Надо быть снисходительнымъ ко мнѣ, Обанъ. Если я не возмущаюсь такъ сильно, какъ вы бы этого желали, трагической участью нѣсколькихъ индивидуумовъ, то это конечно происходитъ оттого, что я вижу какъ умираетъ масса другихъ. Никто ихъ не знаетъ,—это возможно, но тѣмъ не менѣе это жертвы... А онѣ безчисленны и никогда не сопротивляются даже...

Онъ протянулъ, прощаясь руку Обану, прибавивъ: «Читайте исторію. Раскройте ее на любой страницѣ: всюду вы найдете побѣдителей и побѣжденныхъ. Измѣняются цифры, но и только. Одни гибнутъ отъ пуль на полѣ сраженія, другіе отъ голоду дома—гдѣ тутъ разница? Это во всякомъ случаѣ гибель... Не погибнуть, а побѣдить, вотъ къ чему мы стремимся.

Обанъ ничего не отвѣчалъ; онъ чувствовалъ, что ужасъ охватываетъ его при мысли, что онъ останется сейчасъ одинъ со своими мыслями.

Докторъ хотѣлъ уже уходить, но въ дверяхъ повернулся еще разъ и сказалъ!

— Я долженъ васъ поблагодарить и это не за сегодняшній день только. Вы знаете, что я закоренѣлый скептикъ: я ни во что больше не вѣрю, я питаю отвращеніе ко всему, что похоже на утопію. Я не вѣрю даже въ свободу — идеалъ. Но у васъ особая манера объяснять практическую свободу и я хочу сказать вамъ, что я анархистъ въ томъ смыслѣ, который придаете вы этому слову.

Онъ крѣпко пожалъ руку Обана и ихъ взгляды встрѣтились: они поняли другъ друга. Они не обмѣнялись кровью, они не произнесли никакой клятвы, но знали, что съ этого времени могли разсчитывать другъ на друга и что въ часъ, который быть можетъ близокъ, когда они будутъ на столько сильны чтобы противостоять насилію — они встрѣтятся, а до тѣхъ поръ: терпѣніе и бдительность.

Обанъ остался одинъ. Онъ сильно волновался и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобы успокоиться; такъ прошелъ часъ, — онъ немного пришелъ въ себя. Слова Хурта: „Читайте исторію" припомнились ему. Онъ взялъ на удачу первую попавшуюся книгу по исторіи и читалъ до разсвѣта. Онъ видѣлъ всюду кровь и кровь, онъ видѣлъ разцвѣтъ и паденіе народовъ, онъ видѣлъ, что судьбы народовъ вручались нѣсколькимъ людямъ, изъ которыхъ одни падали подъ непосильной ношей, а другіе играли съ этой громадной отвѣтственностью, какъ дѣти съ мячикомъ. Онъ увидѣлъ какъ тѣ, кто былъ одушевленъ лучшими намѣреніями создавали зло: — заблужденіе. онъ увидѣлъ, какъ тѣ кто желалъ зла, дѣлали добро, уничтожая ошибку; онъ долженъ былъ признать, что все, что было должно было быть именно такъ и не могло быть иначе.

Важно было не изливаться въ жалобахъ и не проклинать, а искать и найти то, чему учатъ эти событія. Нужно знать ошибку, чтобы опять не впасть въ нее. Вотъ, что нужно было дѣлать. Обанъ читалъ и забывалъ о Чикаго. Онъ такъ и заснулъ отъ усталости надъ книгой, а лампа продолжала горѣть въ тихой комнатѣ. Такъ прошла эта ночь, о которой онъ думалъ съ такимъ страхомъ. Когда Обанъ проснулся то былъ уже день; онъ чувствовалъ себя еще взволнованнымъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, чтобы успокоиться; онъ хотѣлъ быть сильнымъ и спокойнымъ. Затѣмъ онъ опять усѣлся за чтеніе, онъ былъ блѣденъ и сердце его билось слабо.

Вотъ наступаетъ 11 ноября: послѣдній актъ Чикагской трагедіи долженъ быть разыгранъ.

Городъ на осадномъ положеніи; всѣ общественныя зданія охраняются войсками и полиціей. Ждутъ всего—въ особенности пожара. Войска и пожарные наготовѣ. За пріѣзжающими въ городъ установленъ строгій надзоръ; присяжные, судьи, прокуроръ, начальникъ полиціи охраняются полицейскими. Тюрьма окружена вооруженной стражей. Происходитъ потрясающая душу сцена: обезумѣвшая отъ горя женщина бродитъ кругомъ этой живой стѣны, плачущія дѣти держатся за подолъ ея платья. Она хочетъ видѣть своего мужа, пока еще не поздно; ее арестовываютъ и она проводитъ въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы самые ужасные часы своей жизни. Городъ погруженъ въ тяжелое молчаніе, молчаніе ужаса. Толпа собирается въ улицахъ прилегающихъ къ тюрьмѣ.

Въ тюрьмѣ просыпаются осужденные; они пишутъ письма — послѣднія; они завтракаютъ — въ послѣдній разъ. Они издали обмѣниваются со своими друзьями словами надежды и утѣшенія— послѣдними. Священникъ пытается проникнуть къ нимъ съ банальными словами религіознаго утѣ-

шенія, — они отказываются его принять. Они начинаютъ пѣть и ихъ пѣсни показываютъ какими чувствами они воодушевлены. Они заканчиваютъ „рабочей Марсельезой“.

Является шерифъ; осужденные обнимаются и пожимаютъ другъ другу руки; затѣмъ ихъ связываютъ. Имъ читается приговоръ—пустая формальность, которой власть старается оправдать свое преступленіе.

Потомъ мрачная процессія трогается. Осужденные входятъ на тюремный дворъ: висѣлица стоитъ передъ ними. Одинъ за другимъ они всходятъ по ступенькамъ; они блѣдны, но спокойны. Бѣлые капюшоны накинуты на головы жертвъ, но не заглушаютъ однако послѣдняго ихъ прощанія.

— Придетъ время, когда наше молчаніе будетъ говорить краснорѣчивѣе всѣхъ нашихъ рѣчей, сказалъ одинъ.

— *Hurrah for anarchy*... кричитъ другой, смѣясь.

— *Hurrah for anarchy*... повторяетъ третій, это самый счастливый день въ моей жизни.

— Будетъ ли позволено мнѣ говорить? спрашиваетъ третій. О женщины, о мущины моей дорогой Америки...

Шерифъ дѣлаетъ знакъ. Осужденный продолжаетъ:

— Дайте мнѣ договорить, шерифъ; пусть будетъ слышенъ голосъ народа.

Доска падаетъ и подлецы смотрятъ какъ умираютъ герои...

Обанъ не могъ читать дальше; онъ ясно представлялъ себѣ теперь тюремный дворъ съ нѣсколькими сотнями лицъ, тѣснившихся тамъ; двѣнадцать присяжныхъ, судьи, сторожа, репортеры—подлая свора лакеевъ. Онъ видѣлъ висѣлицу и четырехъ осужденныхъ, лица которыхъ были ему хорошо знакомы по фотографіями помѣщеннымъ въ газетахъ, онъ видѣлъ ихъ идущихъ гордели

вой смѣлой поступью, видѣлъ ихъ агонію продолжавшуюся четырнадцать минутъ... Четырнадцать минутъ...

Мясникъ убиваетъ скотъ сразу, разбойникъ убиваетъ свою жертву однимъ выстрѣломъ; но буржуа доставляютъ себѣ удовольствіе долго наслаждаться торжествомъ справедливости. Они сами установили эту справедливость; изъ трусости они каждый разъ прячутся за эту формулу, когда совершаютъ какое-либо злодѣяніе. Такъ требуетъ справедливость...

Обанъ увидѣлъ всѣ эти событія такъ отчетливо, что содрогнулся отъ ужаса и, закрывъ лицо руками, долго сидѣлъ въ такомъ положеніи. Онъ боролся съ чувствами ненависти, печали, злобы...

Когда онъ овладѣлъ собою то поднялся и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Однако походка его выдавала сильное внутреннее волненіе.

Чикагская трагедія... Кто зрители? Все человѣчество имѣющее притязанія на культурность. Нѣтъ никого, кто могъ-бы быть равнодушнымъ: надо или аплодировать или свистать... Съ одной стороны: удовлетворенная жажда крови, скотская радость, шумное торжество силы, чувство облегченія послѣ того, какъ опасность миновала, преувеличеніе достигнутыхъ успѣховъ, боязнь за будущее, безпокойство вызванное начинающимися угрызеніями совѣсти, начало истинной мудрости... Съ другой стороны: крики ужаса заглушенные боязнью, безсильныя возмущенія, скрежетъ зубовный, стыдъ за свое малодушіе, презрѣніе къ малодушію другихъ, глубокая горечь, мрачная покорность передъ неотвратимымъ, разрушеніе тысячи упованій на справедливость въ этомъ мірѣ, зарожденіе новыхъ надеждъ на окончательное торжество дѣла послѣ кроваваго крещенія, отчаяніе

и жажда мести, меланхолія, начало истинной мудрости...

Всѣ чувства, на которыя способно сердце человѣка, оживаютъ. Всѣ страсти разнуздываются. Разумъ молчитъ, всякое размышленіе устранено: вотъ какое положеніе создается этимъ убійствомъ.

Трагедія Чикаго... Какія сцены: въ 1-мъ актъ землетрясеніе предшествующее изверженію вулкановъ; сосредоточеніе войскъ для борьбы, предчувствіе опасности, военный кликъ: восьмичасовой рабочій день; первыя схватки, свистъ пуль, крики бѣшенства или боли, хрипѣніе умирающихъ рыданія женщинъ, потоки зажигательныхъ рѣчей находящихъ откликъ въ горячихъ сердцахъ страшный взрывъ, дымъ, крики, смерть и разрушеніе, бѣшеная война разнузданныхъ страстей. Во 2-мъ актѣ: послѣ честной борьбы на лицѣ, борьба тайная самая опасная, на почвѣ закона, обширныя залы суда, узкія тюремныя камеры, рѣшетчатыя окна и такія высокія стѣны, что даже солнце не проникаетъ черезъ нихъ; восемнадцать мѣсяцевъ въ этой ночи прежде нежели перейти въ вѣчную ночь и наконецъ дѣйствіе третье и послѣднее — занавѣсъ опускается.

Занавѣсъ опустился, это правда, но трагедія однако же не кончена. У нея будетъ эпилогъ, котораго не предвидѣли авторы. Но несмотря на это эпилогъ будетъ логиченъ и неизбѣженъ. Пропаганда сдѣлаетъ свое дѣло, и когда тысячи голосовъ спросятъ:

— Почему умерли эти люди?

Тысячи другихъ голосовъ отвѣтятъ:

— Потому, что защищали угнетенныхъ.

— Но угнетенные—это мы. Развѣ страдать не есть нашъ удѣлъ?

— Вашъ удѣлъ быть счастливыми. День освобожденія насталъ и эти люди умерли оттого, что хотѣли ускорить наступленіе этого дня. Проч-

тите ихъ рѣчи, узнайте ихъ хорошенько, узнайте, кто они были, чего хотѣли, поймите, что они были не убійцы, а герои. И угнетенные пробудятся. Они разогнутъ свои согнутыя надъ работой спины и будутъ грозить своими закованными въ желѣзо руками. Они услышатъ лязгъ своихъ цѣпей и придутъ въ ярость. Тогда они бросятся на своихъ угнетателей и задушатъ ихъ тщетно молящихъ о пощадѣ. А если они остановятся на минуту и захотятъ пощадить, то довольно будетъ крикнуть имъ: помни о Чикаго. Одно имя Чикаго сдѣлаетъ ихъ глухими къ чувству жалости,—они не будутъ больше давать пощады въ самой ужасной борьбѣ, какая когда-либо была на землѣ. Потомъ побѣдители пойдутъ на могилы мучениковъ и скажутъ:

— Вы отомщены, почивайте съ миромъ! Возвратясь домой, они разскажутъ своимъ дѣтямъ героическую жизнь и смерть этихъ людей. Вотъ эпилогъ Чикагской трагедіи, эпилогъ логически— необходимый, неизбѣжный, эпилогъ не предвидѣнный авторами.

VII.

Коммунистическая пропаганда.

Труппъ шелъ въ свой клубъ.

Это было вечеромъ того дня, когда англійскіе газеты были полны подробностями послѣднихъ событій въ Чикаго; прочитавъ ихъ, Труппъ бродилъ по улицамъ Лондона обуреваемый чувствами, которыхъ не могъ опредѣлить, точно убѣгая отъ невидимыхъ враговъ, которыхъ онъ не зналъ, идя все дальше и дальше, незная ни гдѣ онъ былъ, ни куда шелъ.

Онъ не замѣчалъ ничего вокругъ себя, ни домовъ, ни прохожихъ. Подойдя къ Темзѣ, онъ цѣлый часъ стоялъ, опершись на перила моста и смотря на воду; онъ не разъ переходилъ черезъ самыя оживленныя улицы, но не шелъ по нимъ инстинктивно, отыскивая такія, гдѣ движеніе было не такимъ оживленнымъ, гдѣ онъ могъ предаваться своимъ мыслямъ на свободѣ. Цѣлый день онъ ничего не ѣлъ и не пилъ: по пути онъ купилъ булку и наскоро проглотилъ ее на ходу.

Механикъ навѣрное не могъ сказать, какія были мысли которыя угнетали его; онѣ съ головокружительной быстротою слѣдовали одна за другой въ его разгоряченномъ мозгу и онъ не успѣвалъ ихъ фиксировать, такъ сказать. Все, что онъ могъ сказать, это что онѣ всѣ относились къ одному и тому же предмету, къ событіямъ въ Чикаго.

Каждый разъ, когда онъ поднимая глаза, видѣлъ равнодушныя лица людей попадавшихся ему на встрѣчу, страшная ярость овладѣвала имъ; еще немного и онъ кажется схватилъ бы ихъ за горло, чтобы встряхнуть и вывести изъ апатіи. Когда онъ шелъ, опустивъ голову, то нельзя было замѣтить, что имъ овладѣваетъ дикое бѣшенство.

Онъ очнулся только подъ вечеръ, въ состояніи прострацін еще большей нежели курильщикъ опіума, потому, что думы его можно было скорѣе назвать ужасающими кошмарами. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что находится на Эдгвэръ-Родъ, къ сѣверу отъ Гайдъ-Парка; черезъ полчаса онъ могъ быть уже въ клубѣ, это была счастливая случайность, такъ какъ онъ могъ бы зайти въ какое-нибудь отдаленное предмѣстье вродѣ Хайгета или Брикстона. Тогда пришлось бы отказаться отъ посѣщенія клуба въ этотъ вечеръ. Незамѣчая усталости, онъ направился ближайшей дорогою къ клубу.

Съ нѣкотораго времени въ немъ боролись два противоположныхъ чувства. Одно было ничто иное, какъ полный упадокъ духа. Чикагскія убійства совершились, а товарищи не сдѣлали никакой попытки, чтобы помѣшать ихъ выполненію, или даже просто замедлить его. Труппъ не имѣлъ конечно на этотъ счетъ большихъ иллюзій, онъ зналъ, что дѣла рѣдко соотвѣтствуютъ словамъ; однако же это легкое торжество насилія было для него дѣйствительно ужаснымъ ударомъ. Другое чувство, было чувство спокойствія, которое овладѣвало имъ при мысли о томъ, что это преступленіе будетъ неисчерпаемымъ источникомъ для пропаганды. Чикаго будетъ Голгоѳой работниковъ и ихъ глаза будутъ обращены на висѣлицу воздвигнутую тамъ, какъ глаза христіанъ обращены на Голгоѳу.

Двадцать лѣтъ проведенные Отто среди вол-

ній общественнаго движенія не прошли даромъ для него; онъ зналъ, что пропаганда пріостановится на нѣкоторое время. Вопросъ анархизма явится при другомъ освѣщеніи; много фактовъ остававшихся до сихъ поръ тайной будутъ преданы самой широкой гласности. Близкое будущее по его мнѣнію предвѣщало только уныніе, неудовольствіе и апатію среди товарищей. Потомъ еще его угнетенное состояніе духа имѣло и другія причины: напримѣръ, поведеніе Обана.

Труппъ не понималъ больше своего друга, намѣренія Каррара ускользали отъ него. Самое большее если они теперь были согласны въ выборѣ средствъ. —Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Труппъ. Какъ могли они столковаться теперь, когда Обанъ являлся защитникомъ собственности, которую онъ, Труппъ, считалъ источникомъ всѣхъ золъ.

Обанъ конечно былъ искрененъ; въ этомъ сомнѣваться было невозможно. Обанъ желалъ свободы, онъ желалъ также свободнаго труда; Обанъ любилъ рабочихъ, онъ это доказалъ сто разъ, тысячу разъ; ихъ интересы были его интересами. Труппъ зналъ, что подобнаго рода привязанности не умираютъ, но все равно, онъ не понималъ своего друга, онъ никогда не пойметъ его. Онъ всегда будетъ видѣть въ собственности послѣднее убѣжище врага,—а теперь Обанъ, его другъ, его товарищъ по оружію въ теченіи столькихъ лѣтъ защищаетъ собственность... Онъ терялся въ догадкахъ.

Затѣмъ въ партіи возникали разные вопросы личнаго свойства; эти непріятности существовали всегда, ихъ избѣжать было невозможно; съ тѣхъ поръ какъ Труппъ былъ въ Лондонѣ онѣ всегда были и онѣ его приводили въ отчаяніе, такъ какъ лишали его результатовъ имъ достигнутыхъ. Механикъ обвинялъ своихъ товарищей въ лѣности,

нерѣшительности, равнодушіи; чѣмъ дальше, тѣмъ требовательнѣе становился онъ къ себѣ и къ другимъ. Разочарованія становились все болѣе и болѣе частыми и надежды его не осуществлялись.

Онъ шелъ впередъ, рвеніе еге было такъ велико, что никто не могъ слѣдовать за нимъ. Причиной этого было то, что для него ничто не существовало кромѣ дѣла онъ отдавалъ ему всѣ свои силы и всѣ свои мысли; онъ думалъ о дѣлѣ, работая свою тяжелую работу, мысль о дѣлѣ поддерживала его бодрость, даже когда онъ падалъ отъ усталости. Для дѣла онъ былъ готовъ пожертвовать всѣмъ; это знали и поэтому то на него возлагали миого дѣлъ по пропагандѣ; когда надо было онъ даже писалъ статьи въ газету, а для его мозолистой руки привыкшей къ тяжелымъ инструментамъ, работа перомъ была очень тяжелой.

Это упорство сдѣлало его одною изъ выдающихся личностей въ его кружкѣ. Онъ втянулся въ это существованіе фанатика—онъ прекрасно управлялъ всѣмъ своимъ тѣломъ. Онъ не женился, или правильнѣе не связалъ прочно своей судьбы съ судьбой какой либо женщины не для того, чтобы пользоваться свободой, а для того, чтобы ничѣмъ не отвлекаться отъ служенія дѣлу. Труппъ былъ до нѣкоторой степени совершенствомъ; у него не было мелкихъ недостатковъ, величіе идеи руководившей имъ уничтожило ихъ. Обладая умомъ выше средняго уровня, мало развитымъ однако и направленнымъ въ одну сторону, желѣзнымъ здоровьемъ и неукротимой волей,—онъ былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей народа, защитникомъ котораго онъ выступалъ. У него была гордая увѣренность пролетарія чувствующаго, что находится въ обществѣ уже приходящемъ въ упадокъ, пролетарія который хочетъ господства съ нетерпѣніемъ ребенка.

Такіе люди нужны исторіи, она ими пользуется. Они даютъ сраженія во главѣ толпы, сраженія рѣшающія исходъ борьбы. Для свободы они являются врагами, такъ какъ свобода знаетъ только внутреннюю борьбу, гдѣ человѣкъ борется только самъ за себя.

Труппъ былъ прекрасный человѣкъ, но также и фанатикъ часто бывавшій ослѣпленнымъ. Фанатикъ горячо преданный химерѣ, потому что развѣ не химера—коммунизмъ прибѣгающій къ насилію, чтобы стать печальной дѣйствительностью?

Труппъ все шелъ; мысли не на минуту не давали ему покою и онѣ были очень горькія.

Революціонеры соціализма распространились по всему свѣту. Они проникли въ самые отдаленные углы и ихъ кулаки стучатъ въ самыя отдаленныя двери: они считаютъ себя предвѣстниками новаго дня занимающагося надъ человѣчествомъ.

Они всюду соединяются; въ одной странѣ они образуютъ политическую партію и стремятся путемъ всеобщаго избирательнаго права и строгой дисциплины овладѣть властью и силою рѣшить соціальный вопросъ; въ другой странѣ они соединяются въ мелкія группы и проповѣдуютъ разрушеніе и ниспроверженіе всего существующаго, какъ единственное средство помочь страшной нищетѣ подтачивающей современное общество. Постоянно кажется, что бѣдствія достигли своего апогея, однако же они все еще увеличиваются подобныя грозовымъ тучамъ, которыя сначала являются только черной точкой на горизонтѣ, а затѣмъ облегаютъ все небо: вотъ вотъ гроза разразится. Когда, въ какомъ мѣстѣ? Какъ она будетъ сильна? Этого никто не знаетъ, но всѣ увѣрены, что она разразится.

Они всюду разбрасываютъ свои памофлеты, всюду основываютъ газеты. Правда многія газеты существуютъ очень недолго, но другія однако держатся, несмотря на неблагодарную почву.

Революціонеры есть во всѣхъ большихъ городахъ, но нигдѣ они такъ не многочисленны, нигдѣ нѣтъ такого разнообразія оттѣнковъ, какъ въ Лондонѣ; нигдѣ нѣтъ болѣе многочисленной толпы революціонеровъ, нигдѣ она не представляетъ больше разнородности, нигдѣ нѣтъ такой острой внутренней борьбы, нигдѣ революціонеры не являются болѣе опасными для общаго врага, нигдѣ нѣтъ такого разнообразія языковъ, нигдѣ нѣтъ такого разнообразія мнѣній. Здѣсь можно встрѣтить всевозможные типы, начиная съ самыхъ интересныхъ и кончая самыми обыкновенными. Для вновь прибывшаго это настоящій хаосъ, однако же онъ скоро оріентируется и видитъ, что имѣетъ богатѣйшій матеріалъ для изученія.

Лондонскіе изгнанники имѣютъ свою исторію, не лишенную величія.

Англійскій соціализмъ былъ еще въ колыбели, когда волненія 1848 года выбросили въ англійскую столицу многихъ изгнанниковъ основавшихъ подъ вліяніемъ Карла Маркса и другихъ, коммунистическое общество для образованія рабочихъ, первое общество нѣмецкихъ рабочихъ нашедшихъ убѣжище на берегахъ Темзы. По примѣру этого общества образовалось затѣмъ множество другихъ, столь различныхъ между собою, что онѣ рѣшительно отрицали общность своего происхожденія.

Потомъ прибыли русскіе съ Герценомъ начавшимъ звонить въ свой грозный „Колоколъ", потомъ прибылъ изъ глубины Сибири Бакунинъ потомъ Фрейлигратъ со своими дивными пѣснями, и Кинкель на время вырвавшійся изъ тюрьмы въ Шпандау, Ругее, великій патріотъ Мадзини и

французы: Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ и ихъ товарищи по изгнанію.

Всѣ могли жить спокойно; затѣмъ громкія имена изчезли и наступило затишье.

Лѣтъ тридцать спустя, теоріи свободнаго коммунизма именующаго себя анархизмомъ были принесены въ Лондонъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ сторонниковъ этого ученія, основавшимъ „*Die Freiheit*“ первый органъ новыхъ идей. Въ это время коммунистическая ассосіація была уже раздѣлена на три группы, которыя находятся въ ожесточенной борьбѣ другъ съ другомъ; съ одной стороны соціалисты, съ другой анархисты· Черезъ нѣсколько лѣтъ новая газета перекочевала въ Нью-Іоркъ, но Лондонъ остался по прежнему главной квартирой нѣмецкихъ изгнанниковъ соціальное движеніе получило здѣсь новую силу послѣ исключительныхъ законовъ вотированныхъ рейхстагомъ въ 1878 году. Измѣнилось все: лица, стремленія, средства и самая цѣль. Лихорадочное броженіе началось среди всѣхъ партій; всѣ прибывавшіе измученные борьбой, раздраженные преслѣдованіями и готовые на все увлекались въ водоворотъ. Въ этомъ портѣ изгнанія волны яростно бушуютъ и опаснѣе нежели въ открытомъ морѣ.

Внутреннія распри до такой степени обострились, что изгнанники повидимому забываютъ общаго врага. Секціи распадаются на группы, которыя даже не сохраняютъ прежняго названія. Нѣкоторые честолюбивые люди стараются воспользоваться случаемъ; чтобы забрать въ свои руки руководство движеніемъ. Кто ихъ поддерживаетъ, кто борется противъ нихъ и недѣли и мѣсяцы проходятъ въ безплодныхъ словоизверженіяхъ. Что же остается отъ всего этого? Ворохъ памфлетовъ и брошюръ, необходимость появленія которыхъ не была достаточно доказана.

Въ клубѣ Труппъ нашелъ очень многочисленную компанію. Въ обыкновенное время много народу собиралось только по воскресеньямъ послѣ обѣда и вечеромъ, когда приходили цѣлыми семьями, на музыкальные и драматическіе вечера, приглашались и гости. Эти маленькіе праздники въ тѣсномъ кружкѣ, за скромную плату въ шесть пенсовъ, преслѣдовали двоякую цѣль: доставлять средства кассѣ пропаганды постоянной нуждавшейся въ деньгахъ на объявленія, газету и денежныя пособія, а затѣмъ также доставлять нѣкоторое развлеченіе людямъ имѣвшимъ постоянныя заботы и мало обезпеченное будущее.

Труппъ съ трудомъ пробрался черезъ узкій вестибюль, который примыкалъ къ лѣстницѣ ведущей въ залу собраній помѣщавшуюся ниже уровня улицы. Буфетъ помѣщавшійся въ лѣвой части вестибюля былъ переполненъ; большинство стояло передъ прилавкомъ и бесѣдовало, держа стаканы въ рукахъ; нѣкоторые же сидѣли вокругъ маленькихъ столиковъ. Труппъ усѣлся около перваго попавшагося свободнаго столика и залпомъ выпилъ принесенный ему стаканъ.

— Повидимому различныя чувства владѣли присутствующими: въ нѣкоторыхъ кружкахъ шли шумные споры, тогда какъ другіе почти не говорили. За столомъ, гдѣ сидѣлъ Отто царствовало тяжелое молчаніе; одинъ молодой рабочій читалъ газету, едва слышнымъ голосомъ, слезы текли у него по щекамъ, когда онъ читалъ подробности казни. Всѣ лица были мрачны и зловѣщи, но только взгляды выдавали чувства обуревавшія слушателей.

Вдругъ Труппъ увидѣлъ Обана въ одной изъ группъ передъ буфетной стойкой, гдѣ хозяинъ и его жена едва успѣвали удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Друзья не видѣлись еще послѣ прогулки по Истъ-Энду.

Обанъ пришелъ сюда случайно; онъ былъ недалеко отъ Тоттенхамнъ-Кортъ-Родъ, когда ему пришла мысль пойти въ клубъ на часокъ. Благодаря усиленной работѣ, день для него прошелъ гораздо скорѣе нежели онъ думалъ; послѣ ночи проведенной въ страшномъ волненіи онъ былъ опять спокоенъ, какъ человѣкъ вполнѣ овладѣвшій собой и тѣ кто видѣлъ его теперь холоднымъ и безстрастнымъ, какъ всегда, не могли догадаться какія волненія онъ испыталъ.

Какъ только онъ пришелъ, то сейчасъ же былъ окруженъ друзьями. Они показали ему, что было сдѣлано за послѣднее время для улучшенія помѣщенія клуба, билліардную и залу засѣданій комитета въ первомъ этажѣ и затѣмъ большую залу собраній, очень уютную и красивую. Прежде члены клуба имѣли въ своемъ распоряженіи только грязную комнатку за кофейной, но они не могли больше собираться въ ней, такъ какъ не хватало уже мѣста въ особенности, когда начались раздоры въ ихъ средѣ. Принеся значительныя жертвы, они устроились наконецъ здѣсь и чувствовали себя очень хорошо.

Обанъ очень скоро былъ вовлеченъ въ споръ. Слухи о томъ, что говорилось у него въ послѣднее воскресенье распространились въ партіи и всѣ наперерывъ возражали противъ его теорій. Какъ! Онъ хочетъ сохранить собственность, уничтоживъ государство?

Да вѣдь государство только и существуетъ, для того, чтобы защищать собственность. Одинъ изъ собесѣдниковъ спросилъ его по англійски.

— До тѣхъ поръ пока собственность будетъ существовать, она будетъ нуждаться въ защитѣ, слѣдовательно государство не можетъ быть уничтожено иначе, какъ путемъ уничтоженія собственности. Что вы на это возразите?

— Возможно, что собственность нуждается въ

защитѣ, но я могу найти эту защиту, соединяясь съ другими людьми если найду это необходимымъ. Но я утверждаю, что изъ всѣхъ преступленій противъ собственности 90 процентовъ совершаются лицами доведенными до отчаянія современными жизненными условіями, людьми поставленными въ невозможность извлекать пользу изъ своего труда. Я утверждаю, что эти покушенія сдѣлаются рѣдкими исключеніями въ ту эпоху, когда каждый будетъ пользоваться всѣмъ продуктомъ своего труда, то есть когда вмѣшательство государства будетъ устранено. Я утверждаю еще, что это чисто личное покровительство будетъ гораздо дѣйствительнѣе нежели покровительство государства. Поясню это примѣромъ. Я чувствую, что неспособенъ убить человѣка въ сраженіи, на дуэли и вообще при всякихъ, закономъ дозволенныхъ обстоятельствахъ; напротивъ того, я безъ колебанія убью того, кто придетъ въ мой домъ, съ цѣлью убить и ограбить меня. Я убѣжденъ, что если-бы всѣ были увѣрены, что будутъ встрѣчены такимъ образомъ въ случаѣ покушенія на чужую собственность, то воровство, грабежъ и убійство уменьшились бы; теперь же глупые законы ограничиваютъ право самозащиты, грозя въ тоже время вору и грабителю сравнительно легкими показаніями. Я выбралъ этотъ примѣръ для тѣхъ, кто не вполнѣ понимаетъ разницу между нападеніемъ и обороной. Эта разница существуетъ между свободнымъ договоромъ въ виду опредѣленной цѣли, который всегда легко расторгнуть и организаціей подобной государству, въ которой всѣ вынуждены участвовать и изъ которой можно уйти только эмигрировавъ.

Обанъ замолчалъ; слушатели начали оживленно разсуждать о томъ, что онъ сказалъ. Они хотѣли и его увлечь въ споръ, но онъ отказался, чувствуя себя мало расположеннымъ къ разгла-

гольствованіямъ. Онъ поднялся по лѣстницѣ въ залу, гдѣ почти всѣ мѣста были заняты и гдѣ большинство присутствующихъ настаивало на томъ, чтобы начинали засѣданіе. Въ этотъ вечеръ женщинъ было очень мало и большинство присутствующихъ были молодые люди въ везрастѣ отъ двадцати до тридцаги лѣтъ. Помимо этихъ двухъ обстоятельствъ замѣтныхъ только для постоянныхъ посѣтителей, это собраніе; ничѣмъ не отличалось отъ обыкновенныхъ собраній; нужно было быть очень наблюдательнымъ, чтобы замѣтить, что здѣсь было больше умныхъ и рѣшительныхъ лицъ, характерныхъ головъ пiонеровъ новой идеи.

Говорили о Чикаго. Ораторы смѣняли одинъ другого и одинъ начиналъ говорить, какъ только смолкалъ другой; руки постоянно подымались, указывая, что есть еще желающіе говорить. Рѣчи были короткія но язвительныя; обсуждали вопросъ какимъ образомъ пропаганда могла выиграть отъ смерти мучениковъ. Всѣ были того мнѣнія, что нужно было предпринять, что либо необыкновенное. Затѣмъ стали обсуждать проектъ учрежденія школы, общей для всѣхъ группъ, гдѣ могли воспитываться дѣти тѣхъ членовъ общества, которые желали бы избавить ихъ отъ вреднаго вліянія церкви и государства.

Весь этотъ шумъ вывелъ Обана изъ задумчивости; онъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ: разсужденія подобнаго рода на такомъ важномъ собраніи, вечеромъ для казни въ Чикаго... онъ съ трудомъ могъ понять такія вещи. А потомъ эта школа... Нѣтъ, при всемъ желаніи онъ не можетъ идти по тому же пути, какъ эти люди.

Онъ усѣлся въ глубинѣ залы, гдѣ нѣкоторыи пили пиво и читали газеты, другіе бесѣдовале въ полголоса, а кто и спалъ послѣ трудового дня; одинъ бѣлокурый молодой рабочій съ крот-

кимъ выраженіемъ лица держалъ на колѣняхъ маленькаго мальчика; мать этого мальчика умерла и отецъ приводилъ его съ собой въ клубъ, чтобы не оставлять одного дома. Всѣ любили малютку и наперерывъ ласкали его и играли съ нимъ. Онъ росъ окруженный нѣжностью этихъ простыхъ сердецъ способныхъ къ сильной любви также какъ и къ сильной ненависти. Бѣлокурый рабочій въ особенности любилъ ребенка и возился съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Было прямо трогательно видѣть, какъ онъ и другіе старались замѣнить ребенку отсутствующую мать.

Обанъ не могъ удержаться отъ улыбки, видя эту идиллическую картину; онъ сѣлъ около малютки, который повидимому совсѣмъ не хотѣлъ спать и нѣкоторое время игралъ съ нимъ; потомъ погрузился въ тяжелое и печальное раздумье: за сосѣднимъ столомъ онъ замѣтилъ одного несчастнаго, хорошо ему знакомаго. Безпощадно преслѣдуемый бежалостными врагами, этотъ человѣкъ въ концѣ концовъ лишился разсудка; послѣ періода сильного возбужденія онъ впалъ въ черную меланхолію и теперь проводилъ большую часть времени въ клубѣ. Онъ сидѣлъ обыкновенно въ углу, не причиняя никому безпокойства; всѣ обращались съ нимъ очень ласково и жалѣли его. Единственное что для него можно было сдѣлать теперь, это спасти его отъ дома умалишенныхъ.

Обанъ не сталъ съ нимъ говорить, потому что зналъ, что несчастный любилъ сидѣть въ сторонѣ, бормоча непонятныя вещи и цѣлыми вечерами рисуя на столѣ пальцемъ разныя фигуры. Карраръ вспомнилъ при этомъ одного изъ своихъ товарищей въ Парижѣ, на котораго судьба обрушилась такимъ же образомъ, но только при иныхъ обстоятельствахъ. Это былъ горячо убѣжденный человѣкъ который только и жилъ идеей и не же-

лалъ ничего лучшаго какъ умереть за нее. Онъ горѣлъ желаніемъ доказать свою преданость дѣлу, единственнымъ средствомъ для сего по его мнѣнію было дѣйствіе. Конечно его усердно разжигали, чтобы онъ рѣшился, но онъ чувствовалъ ужасъ передъ всякаго рода насиліемъ и пролитіемъ крови. Разсудокъ его не выдержалъ этой борьбы и онъ помѣшался.

Обанъ еще былъ погруженъ въ эти печальныя воспоминанія, когда сильный и звучный голосъ Труппа вывелъ его изъ задумчивости.

— Да, говорилъ механикъ, мы громко заявляемъ о нашей солидарности съ чикагскими жертвами, мы не менѣе громко заявляемъ о нашей солидарности съ виновникомъ взрыва 4 Мая, съ этимъ скромнымъ героемъ...

Бѣшенныя рукоплесканія покрыли эти слова. Обанъ готовъ былъ умолять этихъ безумцевъ остановится у края пропасти, которая разверзлась у ихъ ногъ. Но у него хватило силы сдержаться онъ понялъ, что его не послушаютъ, что подобное вмѣшательство не только не успокоитъ умы, но напротивъ только подольетъ масла въ огонь; онъ закрылъ лицо руками. Онъ рѣшилъ однако имѣть съ Отто рѣшительное объясненіе въ тотъ же вечеръ.

Обанъ сознавалъ всю безполезность своего присутствія въ подобномъ обществѣ; онъ вѣрилъ только въ освобожденіе личности путемъ внутренней работы надъ собою; они будутъ идти своею дорогой и никто не можетъ избавить ихъ отъ горькихъ уроковъ, которые готовитъ дѣйствительность. Да наконецъ, развѣ онъ имѣетъ какое нибудь право вмѣшиваться въ ихъ жизнь, совѣтовать? Этотъ вопросъ онъ часто задавалъ себѣ въ послѣдніе годы. Былъ ли другой путь помимо опыта? И развѣ для этого не нужно время?

Обанъ съ тѣхъ поръ какъ поселился въ Лон-

донѣ очень рѣдко принималъ участіе въ публичныхъ преніяхъ. У него оставалось однако пріятное воспоминаніе объ одномъ вечерѣ проведенномъ въ буфетѣ этого же самаго клуба нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ обществѣ четырехъ друзей; разговоръ шелъ о даровомъ кредитѣ, каждый высказывалъ свои убѣжденія въ короткихъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ. каждый извлекъ пользу изъ этого собесѣдованія и друзья разошлись до слѣдующаго раза. Но при слѣдующей встрѣчѣ они уже впали въ рутину; вмѣсто того, чтобы разсуждать опять въ тѣсномъ кружкѣ пришлось говорить въ большомъ обществѣ; одинъ ораторъ въ силу принципа личной свободы, позволяющей каждому говорить сколько найдетъ нужнымъ — говорилъ два часа. Говорилъ онъ крайне запутанно и сбивчиво, однимъ смертельно надоѣлъ, другихъ истомилъ. Обанъ былъ совершенно разочарованъ и рѣшилъ, что больше не будетъ посѣщать подобныхъ собраній. Однако же онъ имѣлъ живую симпатію къ этимъ людямъ, которые послѣ тяжелаго дневного труда находили время для изученія общественныхъ вопросовъ, тогда какъ ихъ товарищи убивали время въ праздной болтовнѣ, или за картами. Онъ глубоко уважалъ ихъ и отъ этого ему было еще болѣе жаль, что они истощаютъ свои силы, стремясь къ недостижимому, что они впадаютъ въ отчаяніе, идутъ на всякія жертвы и все это для того, чтобы ихъ били и убивали.

Они боролись не за личное дѣло. Они защищали идеалъ, а идеалъ неосуществимъ. Мало того, они относились съ презрѣніемъ къ практическому направленію нѣкоторыхъ членовъ партіи; они находили подобныя цѣли слишкомъ мелкими и низменными въ сравненіи съ этой великой цѣлью освобожденія человѣчества, къ которой они стремились. Обану казалось, что путаница

царствовавшая въ ихъ головахъ не можетъ быть устранена; онъ убѣдился въ этомъ еще болѣе, когда ближе познакомился съ состояніемъ умовъ партій. Онъ нѣсколько разъ задавалъ многимъ членамъ партіи вопросы:

— Кому принадлежитъ продуктъ твоего труда?

Онъ спрашивалъ поочередно многихъ соціалистовъ самой чистой воды, многихъ коммунистовъ какъ изъ тѣхъ, которые желаютъ безусловнаго господства общества, такъ и тѣхъ, которые требуютъ свободы личности, наконецъ онъ спрашивалъ и многихъ англійскихъ соціалистовъ. Если бы всѣ были послѣдовательны, то всѣ должны-бы были дать одинаковый отвѣтъ: мой трудъ принадлежитъ другимъ, государству, обществу, человѣчеству, я не имѣю на него никакого права...

Но одинъ соціалистъ сказалъ Обану:

— Мой трудъ мнѣ и принадлежитъ.

А одинъ автономистъ отвѣчалъ!

— Мой трудъ принадлежитъ обществу.

Тѣ, которые оспаривали другъ друга съ наибольшимъ ожесточеніемъ были совершенно согласны по этому вопросу, самому важному изъ всѣхъ однако, а тѣ которые казалось стояли подъ однимъ знаменемъ, рѣшали этотъ существенный вопросъ совершенно различно.

Въ дѣйствительности ничто не было прочно установлено. Точныхъ и опредѣленныхъ идей не было. Ихъ замѣняли смутныя чувства пригодныя для того, чтобы произвести революцію, но недостаточныя для отысканія истины. Большинство членовъ общества было еще въ состояніи полусна предшествующаго пробужденію; ихъ умъ долженъ былъ стать свободнѣе и взглядъ болѣе прозорливымъ послѣ укрѣпляющаго душа, который готовилъ имъ опытъ. Нужно было вооружиться терпѣніемъ и не падать духомъ...

Обанъ вспомнилъ о Труппѣ и сталъ искать

его глазами; Отто не было въ залѣ и Обанъ спустился по лѣстницѣ въ буфетъ, чтобы найти его тамъ. Труппъ очень оживленно разговаривалъ съ какимъ то иностранцемъ, который по видимому не былъ рабочимъ, но былъ одѣтъ какъ рабочій и старался подражать имъ въ манерахъ. Обанъ остановился и въ эту минуту встрѣтивъ взглядъ Труппа, понялъ все.

Собесѣдникъ механика не замѣтилъ этихъ взглядовъ.

Въ буфетѣ было немного народу, кто игралъ въ карты, кто читалъ; Обанъ сѣлъ за одинъ столикъ къ Труппу и скоро повидимому совершенно погрузился въ чтеніе газеты. Иностранецъ и Отто говорили по нѣмецки въ полголоса и Обанъ могъ улавливать только отдѣльныя слова изъ ихъ разговора, но онъ не успѣлъ соскучиться, не прошло и пяти минутъ, какъ Труппъ поднялся и подойдя къ нему, сказалъ.

— Не хочешь ли пойти выпить пива съ нами вмѣстѣ?

Повидимому это предложеніе непріятно поразило иностранца, который не могъ скрыть недовольной гримасы. Когда они выходили, то онъ разсыпался въ любезностяхъ.

На улицѣ Отто сказалъ Каррару:

— Это товарищъ высланный изъ Берлина.

Хорошая сторонка нечего сказать!

Обанъ чуть не расхохотался; Труппъ былъ въ хорошемъ настроеніи въ этотъ вечеръ.

— Чѣмъ вы занимаетесь? спросилъ онъ по нѣмецки у берлинца.

— Я сапожникъ; до сихъ поръ еще не могъ найти работы въ Лондонѣ.

Но чѣмъ вы моете себѣ руки, что онѣ у васъ такія бѣлыя? спросилъ опять Обанъ.

На этотъ разъ нѣмецъ серьезно забезпокоился; онъ тревожно сталъ смотрѣть то на одного то на

другого изъ друзей, между которыми онъ шелъ: онъ хотѣлъ остановиться, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ его спутники продолжали съ самымъ спокойнымъ видомъ идти впередъ. Онъ могъ только спросить:

— Что-же, вы мнѣ не вѣрите?

Труппъ весело расхохотался.

— Развѣ вы не видите, что товарищъ шутитъ? сказалъ онъ.—Почему вы думаете, что вамъ не вѣрятъ?

И Труппъ вдругъ сдѣлался такъ словоохотливъ, что оба спутника не могли вставитъ ни одного слова. Все, что онъ разсказывалъ относилось къ тому, какъ открываютъ шпіоновъ, сыщиковъ и тому подобную сволочь. Онъ отъ души потѣшался надъ тѣми, кто платилъ имъ деньги и надъ тѣми, кто принималъ эти деньги. Онъ не забылъ и шпіоновъ по призванію, которымъ удается пробираться въ клубы и совать всюду свой носъ, пока ихъ не выставятъ за дверь, узнавъ что они за птицы. Эти господа помѣщаютъ въ газетахъ разныя необычайныя разоблаченія по поводу того, чего они даже не имѣли времени видѣть и въ чемъ они ни бельмеса не смыслятъ.

Нужно было быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не понять намѣреній Труппа. Это было тѣмъ легче, что онъ ни на шагъ не отставалъ отъ берлинца тогда какъ Обанъ дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ. Злосчастный берлинецъ тревожился все болѣе и болѣе. Между тѣмъ они вошли въ уединенную улицу, очень узкую, освѣщенную единственнымъ фонаремъ и совершенно пустую. Труппъ вдругъ прервалъ свою рѣчь и остановился; берлинецъ увидѣлъ, что дѣло плохо.

— Куда мы идемъ? проговорилъ онъ неувѣреннымъ голосомъ; я не пойду дальше...

Но онъ не докончилъ, Труппъ схватилъ его и съ силой прижалъ къ стѣнѣ.

— А! каналья, попался ты мнѣ теперь, прорычалъ онъ.

И свободной рукой онъ ударилъ два раза по лицу мнимаго сапожника; удары гулко отдались въ ночной тишинѣ. Негодяй совершенно растерялся, инстинктивно онъ поднялъ руки, но не для того, чтобы отвѣтить ударомъ, а для того, чтобы закрыть свое лицо.

— Прочь лапы! приказалъ Труппъ.

Тотъ повиновался, какъ школьникъ, который сознаетъ свою вину и котораго учитель наказываетъ;

Труппъ еще два раза ударилъ его по лицу съ той же силой.

— Каналья.... мерзавецъ... шпикъ поганый... ты хотѣлъ насъ выдать... погоди у тебя пройдетъ охота начинать снова...

И онъ еше ударилъ его.

— Помогите... онъ меня задушитъ..., прохрипѣлъ берлинецъ обезумѣвшій отъ страха. Обанъ казалось не слыхалъ ничего; сложа руки на груди, онъ сохранялъ прежній равнодушный видъ. Труппъ встряхивалъ свою жертву, точно это былъ манкенъ.

Да, и надо было задавить васъ всѣхъ какъ собакъ, проклятыхъ шпіоновъ...

Онъ приподнялъ его и подтащилъ къ фонарю, при мерцавщемъ свѣтѣ котораго можно было видѣть искаженныя страхомъ черты негодяя.

— Посмотри на него Обанъ... у нихъ у всѣхъ одинаковыя рожи... Это конечно отъ ремесла, самаго гуснаго изъ всѣхъ...

Онъ выпустилъ его изъ рукъ и шпіонъ тяжело рухнулся на землю, потомъ кое-какъ вскочилъ и, пробормотавъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, изчезъ въ темнотѣ.

Оба друга даже не обернулись: они поспѣшно шли по направленію къ Океффордъ-Стритъ; по

пути Труппъ разказалъ Обану объ этомъ случѣ.

Нѣсколько времени тому назадъ этотъ иностранецъ пришелъ къ одному изъ членовъ клуба съ письмомъ отъ одного берлинскаго товарища. Навели справки въ Германіи и такъ какъ письмо оказалось подлиннымъ, то никакихъ подозрѣній не возникло. Но въ одинъ прекрасный день узнали, что письмо было дано не тому, кто его передалъ; тогда за нимъ стали слѣдить и въ концѣ концовъ захватили всю переписку этого негодяя; это былъ никто другой, какъ агентъ непосредственно получавшій плату отъ германскаго правительства за доставленіе ему свѣдѣній о революціонномъ движеніи. Товарищи рѣшили не дѣлать скандала, чтобы не дать повода англійской полиціи вмѣшаться въ дѣла клуба, чему она была бы очень рада; Труппу поэтому и поручили наказать шпіона.

Этотъ случай не былъ ни рѣдкостью ни новостью. Чаще всего негодяевъ занимавшихся этимъ гнуснымъ ремесломъ пороли. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли достаточно чутья, чтобы изчезнуть прежде нежели ихъ узнавали. Весьма понятна поэтому крайняя недовѣрчивость революціонеровъ при подобныхъ условіяхъ. Важныя рѣшенія не обсуждались больше на общихъ собраніяхъ; они оставались тайною, въ которую посвящались немногіе, иногда ее хранилъ только одинъ человѣкъ. Если по отношенію къ иностраннымъ рабочимъ, члены клуба держали себя съ большой сдержанностью, то еще сдержаннѣе держали они себя съ представителями интеллигенціи и не безъ причины; опытъ сношеній со многими журналистами и писателями научилъ этой сдержанности. Большинство выражало горячее желаніе изучить доктрины анархизма единственно съ цѣлію узнать какъ ведется пропаганда, а затѣмъ они разсказывали самыя ужас-

ныя исторіи объ этихъ «бандахъ преступниковъ и убійцъ». Конечно подобный образъ дѣйствій со стороны членовъ общества имѣлъ свои невыгоды, преграждая въ него доступъ интеллигентному пролетаріату, который еще больше нежели ремесленникъ страдаетъ при современномъ порядкѣ вещей, тому пролетаріату который питаетъ жгучую ненависть, противъ виновниковъ этого положенія вещей и желаетъ отдать свои силы на служеніе «самой передовой изъ всѣхъ партій». Этого факта отрицать было нельзя, но по словамъ Труппа, тутъ ничего нельзя было подѣлать. Обанъ именно на этихъ то людей и разсчитывалъ главнымъ образомъ: ихъ не могли удерживать никакія соображенія, кромѣ того они были люди культурные; быть можетъ они будутъ первыми, а въ близкомъ будущемъ и единственными люди способными быть послѣдовательными индивидуалистами. Разговаривая, Труппъ нашелъ случай сѣсть на своего конька.

— Соціалисты утверждаютъ, что всѣ анархисты полицейскіе шпіоны, и что въ сущности анархистовъ не существуетъ,—началъ онъ съ злымъ смѣхомъ.—Да, нѣтъ тѣхъ мерзостей, въ которыхъ они насъ не обвиняли, въ особенности-же вожаки, которые водятъ рабочихъ за носъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Они сначала насмѣхались надъ нами, потомъ стали клеветать на насъ;— они сдѣлали намъ все зло какое только могли. У насъ нѣтъ болѣе заклятыхъ враговъ чѣмъ они и все это потому, что мы старалися открыть рабочимъ глаза чтобы они могли ясно видѣть, что дѣлается въ этой лавочкѣ выборовъ. Ты не можешь себѣ представить Карраръ до какой степени опустилась партія въ Германіи; эти добрые Пруссаки меньше раболѣпствуютъ передъ своимъ повелителемъ, чѣмъ рабочіе, члены партіи передъ своими вожаками... Чѣмъ это кончится, интересно знать?

— Я знаю, возразилъ Обанъ, что существуетъ громадное разстояніе между рабочимъ классомъ и соціалистической партіей? Очень трудно предположить, что первый когда либо будетъ поглощенъ второй. Поэтому я полагаю, что съ этой стороны мы можемъ спокойно взирать на будущее. Я полагаю еще, что наиболѣе рѣшительные шаги по пути освобожденія труда будутъ сдѣланы не соціалистическими партіями, а отдѣльными рабочими, которые поймутъ свои истинные интересы и рѣшатъ обойтись безъ какой бы то ни было партіи. Что-же касается до васъ, то они отъ васъ отрекутся; запомните это хорошенько. Прежде всего понять васъ можно только сердцемъ, а для улучшенія своего положенія имъ довольно будетъ разума направленнаго по единственному вѣрному пути, пути эгоизма. Затѣмъ ваше ученіе, странная смѣсь различныхъ философій, а въ особенности ваша тактика настолько усилили и сдѣлали благовидными привилегіи глупости, что надо имѣть большой запасъ твердой воли, или рѣдкую жажду истины, чтобы слѣдовать за вами..

— А развѣ ты самъ не былъ такимъ-же?—возразилъ Отто съ горькимъ смѣхомъ.

— Да, былъ я думаю, что мое сердце всегда будетъ горѣть любовью къ свободѣ. Однако полагаю, что никогда не скомпромметирую дѣла безумными поступками.

— Что ты называешь безумными поступками? Нашу тактику?

— Да.

Ты говоришь это?—проворчалъ Труппъ почти угрожающимъ тономъ.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ намъ надо объясниться разъ на всегда.

— Конечно, но подожди пока мы будемъ одни: мы не можемъ объясняться на улицѣ.

Они ускорили шагъ. Труппъ молчалъ; когда они проходили мимо фонаря, Обанъ замѣтилъ, что его товарищъ дрожитъ.

— Ты дрожишь? спросилъ Карраръ, приписывая это волненію.

— Пустяки,—проворчалъ недовольнымъ голосомъ Труппъ;—я такъ былъ занятъ весь день, что совсѣмъ забылъ поѣсть.

Обанъ покачалъ головой.

— Ты, все тотъ-же Отто.—Не ѣстъ цѣлый день, какое неразуміе!

Онъ взялъ его подъ руку и они вошли въ маленькій ресторанъ на Оксфордъ-Стритъ и заняли столикъ въ послѣдней комнатѣ, гдѣ почти никого не было. Въ то время какъ Труппъ закусывалъ, Обанъ, смотря на него припомнилъ, что именно въ этой самой комнатѣ они провели вмѣстѣ первый вечеръ ихъ встрѣчи въ Лондонѣ послѣ многолѣтней разлуки.

— Все осталось по старому, неправда-ли? сказалъ онъ смѣясь.

Труппъ отвѣчалъ взглядомъ полнымъ упрека затѣмъ онъ отодвинулъ свой приборъ и сказалъ твердо:

— Ты можешь говорить теперь, если ты только не усталъ?

— Нѣтъ я не усталъ.

Труппъ нѣкоторое время былъ въ задумчивости. Онъ боялся предстоящаго объясненія, потому что зналъ, что оно будетъ окончательнымъ; онъ горячо желалъ вновь привести своего друга въ ряды тѣхъ, кто служилъ дѣлу революціи, зная хорошо насколько такой боецъ былъ цѣннымъ для партіи. Но если съ одной стороны онъ не хотѣлъ ускорять разрыва—то съ другой стороны онъ не хотѣлъ также обойти молчаніемъ все то что накопилось у него противъ Обана.

— Съ тѣхъ поръ какъ ты въ Лондонѣ, съ

тѣхъ поръ, какъ ты вышелъ изъ тюрьмы, ты сталъ другимъ человѣкомъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Я не узнаю тебя больше. Ты ничѣмъ больше не интересуешься, ни собраніями, ни планами дѣйствій, ничѣмъ. Ты ничего не пишешь. У тебя нѣтъ съ нами, такъ сказать, ничего общаго. Что ты можешь сказать въ свою защиту?

— Въ защиту?—повторилъ—Карраръ рѣзкимъ тономъ.—Въ чемъ мнѣ надо оправдываться? И передъ кѣмъ?

— Передъ дѣломъ,—отвѣтилъ съ силой Труппъ

— Мое дѣло—это то моя свобода.

— Раньше твоимъ дѣломъ была свобода.

— Я былъ неправъ. Прежде я думалъ, что надо начать съ другихъ; со временемъ я замѣтилъ, что слѣдовало начать съ самого себя и всегда начинать съ себя.

Труппъ молчалъ. Обанъ началъ снова:

— Мы очень подробно говорили обо всемъ, двѣ недѣли тому назадъ. Надѣюсь, что я ясно показалъ тебѣ какого образа мыслей держусь, но не увѣренъ что ты понялъ хорошо свой собственный образъ мыслей. Я сдѣлалъ все что могъ, чтобы устранить всякія недоразумѣнія по всѣмъ пунктамъ; остается не выясненнымъ только вопросъ о томъ, какой тактики слѣдуетъ держаться. Выяснимъ его окончательно сегодня. Ты увидишь тогда, что я вовсе не изъ нравственныхъ побужденій повторяю тебѣ постоянно, что тактика, которой вы держитесь, пропаганда дѣйствіемъ не только безполезна, но и вредна. Вы никогда не достигнете ею прочныхъ успѣховъ.

— Труппъ пристально смотрѣлъ на Обана и затѣмъ, ударивъ кулакомъ по столу, вскричалъ:

— Надо однако говорить, чтобы быть понятымъ. Что-же, ты хочешь, чтобы мы сложили руки и позволяли себя убивать безъ сопротивленія?— Онъ вдругъ вскочилъ:—Ты защищаешь нашихъ враговъ...

— Напротивъ, я нашелъ оружіе, благодаря которому они будутъ въ моей власти,—спокойно возразилъ Карраръ, принуждая Труппа сѣсть.—Я имѣю отвращеніе къ насилію,—продолжалъ онъ, и начиная съ этого момента, казалось, что это онъ хочетъ внушить свои идеи механику;—дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать насиліе невозможнымъ. Этого нельзя достичь, противопоставляя насилію насиліе. Вы уже не разъ мѣняли свои убѣжденія. Сначала вы были сторонниками тайныхъ обществъ и международныхъ ассоціацій, которыя должны были объединять рабочихъ всѣхъ національностей и языковъ; вскорѣ вы увидѣли, что въ первыя правительству очень легко было вводить нужныхъ ему людей, а вторыя не прочны. Тогда вы стали больше разсчитывать на отдѣльныхъ лицъ. Теперь вы объявляете, что самое вѣрное средство достичь вашей цѣли это образовать маленькія группы не имѣющія между собою сношеній. Есть случаи когда вы не довѣряете самымъ своимъ близкимъ друзьямъ. Прежде ваша газета печаталась „Нигдѣ“ и въ свободной типографіи; теперь она издается, какъ и всякая другая газета съ именемъ редактора внизу. Тоже самое и относительно всего остального. Вы рѣшаетесь дѣйствовать все болѣе и болѣе открыто.

Онъ немного помолчалъ, затѣмъ продолжалъ болѣе настойчивымъ тономъ.

— Ваша тактика безусловно неправильна. Не слѣдуетъ забывать, что мы ведемъ войну. Спроси перваго встрѣчнаго поручика и онъ тебѣ скажетъ, что война имѣетъ правила, которыя могутъ быть выражены вкратцѣ такъ: наносить врагу наибольшія потери, неся въ то же время наименьшія. Новѣйшая тактика придаетъ все больше и большее значеніе оборонѣ. Воспользуемся ею, какъ и всѣмъ, что намъ можетъ быть полезно. Однако-же у меня есть еще болѣе

серьезное возраженіе. Я прежде всего долженъ васъ упрекнуть въ томъ, что вы не обращаете никакого вниманія на главное условіе, при которомъ только можно хорошо вести кампанію вы не знаете точно ни вашихъ собственныхъ силъ, носилъ врага. Вы преувеличиваете первыя и недостаточно цѣните вторыя.

— Не скажешь ли ты мнѣ, какимъ образомъ мы должны за это взяться?—спросилъ насмѣшливо Труппъ.

— Это не мое дѣло, вы должны сами это знать. Все, что я могу вамъ сказать это, что пассивное сопротивленіе лучшее средство побѣдить наступающаго врага.

Труппъ сталъ смѣяться и споръ сдѣлался очень оживленнымъ. Каждый поддерживалъ свое мнѣніе съ горячимъ убѣжденіемъ, приводя примѣры, которые доказывали его справедливость.

Было уже поздно, когда споръ кончился; Обанъ увидѣлъ ясно, что убѣдить Труппа было совершенно невозможно, а Труппъ былъ крайне раздраженъ перемѣной мнѣній Обана. Они вышли изъ ресторана и черезъ нѣсколько минутъ очутились на площади гдѣ Тотенхамнъ-Кортъ-Родъ выходитъ на Оксфордъ-Стритъ. Они пошли по одной изъ наименѣе оживленныхъ маленькихъ улицъ ведущихъ къ югу, медленно двигаясь впередъ, они продолжали споръ.

— Вы не видите развѣ, что играете въ руку правительству?—началъ Обанъ.—Да вы предупреждаете самыя горячія его желанія вашей тактикой позволяющей ему прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ, которыя въ другое время не могутъ быть оправданы. Вспомни объ агентахъ-провокаторахъ, которые начинаютъ работать за васъ, когда находятъ, что вы слишкомъ бездѣятельны. Смѣшно и грустно видѣть какъ вы стремящіеся къ свободѣ, помогаете насилію.

Онъ замолчалъ и въ молчаніи этой уединенной улицы, былъ слышенъ отдаленный гулъ Оксфордъ Стритъ; прохожихъ здѣсь почти не было.

Труппъ остановился и сказалъ съ такимъ выраженіемъ, что Обанъ догадался чего это ему стоитъ:

— Ты больше не революціонеръ. Ты не защищаешь больше великое дѣло человѣчества. Прежде ты насъ понималъ и мы тебя понимали. Теперь мы тебя не понимаемъ, потому, что ты насъ больше не понимаешь. Ты просто буржуа и ты имъ всегда и былъ. Возвращайся туда откуда ты пришелъ, намъ тебя не надо; мы и безъ тебя достигнемъ нашей цѣли.

Обанъ громко расхохотался такъ, что даже прохожіе останавливались и смотрѣли на него съ удивленіемъ. Этотъ вполнѣ искренній смѣхъ показывалъ, какъ мало задѣли его слова Труппа.

— Я не понимаю васъ, Отто?—сказалъ онъ уже серьезнымъ тономъ,—вѣдь ты это не серьезно говоришь, не такъ-ли? Ты самъ этому не вѣришь? Я не понимаю васъ, я, который былъ вашимъ долгіе годы, раздѣляя всѣ ваши мысли и всѣ ваши взгляды?... Да вы можете зажечь всѣ города съ четырехъ концовъ, опустошить всю землю, зальете ее кровью и я васъ все таки пойму, если для того чтобы отмстить врагамъ, вы истребите ихъ всѣхъ до единаго... Я сталъ бы вновь въ ваши ряды и сражался бы вмѣстѣ съ вами до послѣдняго издыханія, будь это необходимо для окончательнаго торжества свободы. Я васъ продолжаю понимать, но не вѣрю больше въ насильственный прогрессъ; поэтому-то я считаю насиліе оружіемъ сумасшедшихъ.

Вспомнивъ снова слова Труппа, онъ засмѣялся и закончилъ такъ:

— Право, послѣ всего того, что ты мнѣ сказалъ я не удивился бы если бы слышалъ, что ты

утверждаешь, что я не признаю насилія, какъ способъ дѣйствія для того... чтобы щадить врага.

Однако онъ пересталъ смѣяться, встрѣтивъ взглядъ Труппа.

— Тотъ, кто не за насъ, противъ насъ—сказалъ Отто жесткимъ тономъ.

Друзья стояли другъ передъ другомъ и ихъ взгляды встрѣтились; въ обоихъ свѣтилось непоколебимое рѣшеніе.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ Обанъ своимъ обычнымъ спокойствіемъ—продолжайте бросать бомбы и идите на висѣлицу, если вамъ это нравится. Ужъ конечно я не стану оспаривать у человѣка страдающаго маніей самоубійства право слѣдовать его склонности. Но вы считаете свой образъ дѣйствій обязанностью по отношенію къ человѣчеству и вы сами первые не исполняете этой обязанности; вотъ противъ чего я протестую. Вы берете на себя очень тяжелую отвѣтственность за жизнь ближняго.

— Нужно, чтобы нѣсколько человѣкъ пожертвовали бы собою для счастья человѣчества, возразилъ мрачно Труппъ.

— Въ такомъ случаѣ жертвуйте собой, вы первые,—воскликнулъ Обанъ;—будьте настоящими людьми, а не болтунами. Если вы дѣйствительно вѣрите въ освобожденіе человѣчества путемъ насилія, если все, что вамъ говорятъ не заставляетъ васъ признать вашу ошибку, такъ дѣйствуйте, а не запирайтесь въ своихъ клубахъ опьяняя себя пустыми словами. Переверните свѣтъ, наведите на всѣхъ ужасъ, пусть васъ боятся, а не просто ненавидятъ, какъ теперь.

Труппъ поблѣднѣлъ; Каррарь никогда еще не нападалъ на этотъ самый уязвимый пунктъ съ такою неумолимой логикой.

— Ты не знаешь, что я сдѣлаю и я могу гово-

рить конечно только о себѣ, но ты это узнаешь когда либо,—пробормоталъ онъ.

Слова его друга не задѣвали его лично: онъ чувствовалъ въ себѣ, довольно энергіи, чтобы идти до конца въ исполненіи своихъ намѣреній. Но только онъ былъ принужденъ признать, что Обанъ былъ правъ вообще и что упрекъ былъ заслуженъ. Онъ рѣшилъ покончить разговоръ.

— Намъ теперь больше нечего дѣлать вмѣстѣ. Ты сталъ моимъ другомъ, потому, что ты былъ товарищемъ. Мои товарищи это мои друзья, другихъ я не знаю. Дѣло—это моя жизнь. Ты покидаешь дѣло. У насъ нѣтъ больше ничего общаго. Ты не выдашь дѣла, но полезенъ для него также быть не можешь. Лучше намъ разстаться.

Обанъ вновь овладѣлъ собою.

— Дѣлай, какъ тебѣ кажется лучше, Отто. Когда ты захочешь опять найти меня тебѣ стоитъ только пойти по пути свободы. Куда ты идешь?

— Присоединиться къ тѣмъ, кто страдаетъ какъ и я, къ моимъ братьямъ.

Они пожали другъ другу руку такъ-же крѣпко какъ и всегда.

Потомъ они разстались, идя каждый своей дорогой, предаваясь размышленіямъ столь же различнымъ, какъ были различны направленія, по которымъ они шли медленными шагами. Они знали, что не скоро увидятся и что этотъ вечеръ они говорили съ глазу на глазъ конечно въ послѣдній разъ. Они были друзьями, съ этого времени они будутъ противниками. И они будутъ сражаться другъ противъ друга во имя идеала, которому оба даютъ одно имя—свободы.

IX.

Трафальгаръ-скверъ.

Лондонъ былъ боленъ лихорадкой, которая достигла высшей степени въ воскресенье слѣдовавшее за казнями въ Чикаго. 13 Ноября должно быть поставлено первымъ въ ряду замѣчательныхъ дней 1887 года, которыхъ было не мало.

Уже цѣлый мѣсяцъ полиція играла съ безработными, какъ кошка съ мышью, то заставляя ихъ очищать Трафальгаръ-Скверъ, лучшую изъ всѣхъ площадей англійской столицы для митинговъ подъ открытымъ небомъ,—то свободно допуская ихъ туда. Подобное положеніе сдѣлалось въ концѣ концовъ нестерпимымъ. Требованія бѣдняковъ сдѣлались болѣе настойчивыми, содержатели гостинницъ и содержатели ссудныхъ кассъ жаловались на значительные убытки причиняемые имъ подобнымъ положеніемъ,—такъ по крайней мѣрѣ говорили благомыслящіе органы печати, вѣрные слуги этихъ всемогущихъ людей.

Въ первыхъ числахъ Ноября отъ полиціи было сдѣлано объявленіе, по которому въ Трафальгаръ-Скверѣ запрещались всякія собранія. Это значило однимъ почеркомъ пера уничтожить право пріобрѣтенное тридцатью годами пользованія имъ;

неужели же эта мѣра пройдетъ безъ протеста? Прежде всего конечно стали обсуждать ея законность. Столбцы газетъ наполнились выдержками изъ пожелтѣвшихъ пергаментовъ, или старыхъ книгъ, на которыхъ основывалось отнятое право. Никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ какъ говорятъ, но былъ хоть одинъ изъ тысячи англійскихъ гражданъ, который зналъ, что скрывалось подъ іероглифическими знаками вродѣ слѣдующихъ: *„57 George III, cap. 19, s. 23“* или же *„Vict. 2 et 3. c. 47, s. 52?“*

Безполезно прибавлять, что начальникъ полиціи очень мало безпокоился о томъ законно или нѣтъ его постановленіе. Если власти имѣли достаточно силы, чтобы обезпечить исполненіе этого постановленія, то мѣра была законна и Трафальгоръ-Скверъ являлся собственностью королевы и короны; если напротивъ того, народъ былъ бы достаточно силенъ, чтобы прогнать полицію съ площади, то эта послѣдняя становилась тѣмъ, чѣмъ она была всегда, собственностью народа.

Вопросъ о безработныхъ сразу отошелъ на второй планъ. Тори увидѣли противъ себя коализацію либераловъ, радикаловъ и соціалистовъ, которые энергически протестовали противъ „терроризма“ по отношенію къ священной свободѣ слова. Было рѣшено организовать въ воскресенье 13-го Ноября большой митингъ и въ заголовкѣ программы было напечатано: „Протестъ противъ недавняго ареста ирландскаго лидера“.

Съ обѣихъ сторонъ лихорадочно приготовлялись къ бою; однѣ имѣли намѣреніе недопустить никого въ скверъ, другіе проникнуть туда во что бы то ни стало.

Агитація принимала съ каждымъ днемъ все большіе и большіе размѣры; новое полицейское постановленіе, которымъ воспрещались всякія процессіи около площади, довело возбужденіе до

крайнихъ предѣловъ. Многимъ казалось, что вотъ вотъ вспыхнетъ революція. Обанъ всталъ позже обыкновеннаго и принялся за работу, хотя голова у него была тяжелая. Въ эту минуту ему подали карточку, на которой было написано: *Фридрихъ Валлеръ*. Обанъ пожалъ плечами: что этому человѣку было нужно отъ него? Въ молодые годы онъ навязывался къ Каррару со своей дружбой. Потомъ, находясь уже во главѣ крупной торговой фирмы въ Лотарингіи и часто путешествуя, онъ два раза навѣщалъ Обана въ Парижѣ; Каррарь приписывалъ эти визиты простому любопытству, такъ какъ имя его часто упоминалось въ печати въ это время. Онъ бывалъ всегда очень холоденъ со своимъ гостемъ. Фридрихъ Валлеръ не терялъ мужества однако и приходилъ еще разъ. Хотя общественный классъ, къ которому онъ принадлежалъ, былъ совершенно антипатиченъ Каррару, тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній рѣшилъ его принять, чтобы выяснить, что же, наконецъ, нужно этому человѣку.

Фридрихъ Валлеръ началъ съ того, что они были всегда добрыми родственниками и отношенія ихъ были всегда самыя лучшія, а потому они и не должны терять другъ друга изъ вида совершенно. Въ дѣйствительности же имъ руководило простое любопытство, онъ зналъ объ Обанѣ очень мало и хотѣлъ узнать побольше. Онъ старался выказать себя насколько возможно меньше консерваторомъ и съ таинственнымъ видомъ прибавлялъ, что его „положеніе“ вынуждало его къ величайшей осторожности. На его несчастье Обанъ не могъ терпѣливо выносить присутствіе людей подобнаго рода; онъ обошелся съ нимъ болѣе чѣмъ холодно, не спрашивалъ ни о чемъ, не отвѣчалъ ни на одинъ изъ вопросовъ, которыми тотъ его осыпалъ и даже не старался быть любезнымъ. Фридрихъ Валлеръ ушелъ рѣшивъ, что

ужъ конечно больше никогда не навѣститъ своего кузена.

Этотъ докучливый посѣтитель разбудилъ въ Обанѣ воспоминанія о далекихъ годахъ. Какая разница между тѣмъ временемъ и настоящимъ... А между тѣмъ... А между тѣмъ онъ былъ очень близокъ къ мысли, что таковъ какъ онъ былъ теперь, онъ походилъ скорѣе на ребенка пытающагося открыть желѣзныя ворота философской науки, нежели на отважнаго юношу желающаго взять ихъ приступомъ. По правдѣ сказать, онъ не былъ созданъ для того, чтобы выступать передъ толпою: у него для этого не было ни честолюбія, ни глупости, ни достаточнаго самодовольства. Онъ не былъ недоволенъ тѣмъ удѣломъ, какой достался на его долю въ жизни...

Три часа было, когда Обанъ вышелъ медленными шагами на улицу. Улицы, по которымъ онъ шелъ были почти пустынны; немного больше движенія было на Оксфордъ-Стритѣ. Онъ употребилъ около часу времени, чтобы дойти до Трафальгаръ-Сквера. Въ Сенъ-Мартинъ-Лэнъ онъ долженъ былъ остановиться, потому что густая толпа любопытныхъ запружала всѣ боковыя улицы; въ то время какъ Обанъ подошелъ происходила свалка между полиціей и колонной демонстрантовъ вышедшей изъ Клеркенуэль-Гринъ, — это была одна изъ четырехъ колоннъ, которыя съ четырехъ сторонъ одновременно двигались къ скверу. Обанъ попытался пробраться между тѣсными рядами любопытныхъ, чтобы посмотрѣть, что происходило, но не могъ пробраться въ первые ряды и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что видѣлъ подымаясь на цыпочки, какъ могъ.

Впереди шла женщина, неся красное знамя. Ее окружали мущины съ дубинками въ рукахъ. Обану показалось, что онъ узналъ среди нихъ

многихъ членовъ *Socialist League.* За знаменемъ шли музыканты игравшіе „Марсельезу". Число манифестантовъ должно было быть довольно значительно, потому, что Обанъ не могъ разглядѣть конца шествія. Полицейскіе, построенные въ нѣсколько рядовъ преграждали доступъ на площадь, они держали въ рукахъ свои дубовыя палки и были готовы броситься на толпу по первому знаку своего начальника.

Женщина со знаменемъ въ рукахъ была всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полицейскихъ, когда съ обѣихъ сторонъ раздались крики и полицейскіе атаковали толпу съ неслыханной яростью, раздавая удары направо и налѣво. Длинный и худой полицейскій толкнулъ женщину державшую знамя и вырвалъ его у ней, несмотря на ея отчаянное сопротивленіе. Она зашаталась упала безъ чувствъ, въ ту-же минуту полицейскій получилъ здоровенный ударъ дубинкой по затылку и въ свою очередь рухнулся на мостовую. Музыканты защищали свои инструменты, которые были уже въ плачевномъ видѣ, согнутые, разбитые и сплюснутые; нѣкоторые манифестанты, искали спасенія въ бѣгствѣ, но напрасно. Полицейскіе какъ разъяренные звѣри били своими палками со всего размаху, не обращая вниманія на то, кто былъ передъ ними. Манифестанты тоже разъярились и такъ какъ большинство изъ нихъ были вооружены толстыми дубинками, то и блюстители порядка получили не мало увѣсистыхъ тумаковъ. Свалка была неописуемая, ругательства, крики боли, глухіе удары дубинокъ сливались въ общій гулъ; порой слышался звонъ разбитыхъ фонарныхъ стеколъ, дрались кулаками, дубинками, царапали другъ другу лицо ногтями, иногда противники вцѣплялись другъ въ друга и вмѣстѣ катались по землѣ.

Однакоже полиція одолѣвала, все болѣе и бо-

лѣе врѣзываясь въ толпу и разсѣивая ее. Пораженіе манифестантовъ было полное; одни удирали поскорѣе, другіе дрались еще отчаянно, но въ концѣ концовъ должны были уступать силѣ и дать себя арестовать. Минутъ черезъ десять полиція торжествовала: знамена были взяты, музыкальные инструменты разбиты, манифестація побѣждена. Полисмены гнали бѣглецовъ до конца Сенъ-Мартинъ Лэнъ, или же въ боковыя улицы, гдѣ они скрывались въ толпѣ любопытныхъ; эти послѣдніе съ криками ужаса удирали отъ атакъ агентовъ.

Обанъ былъ увлеченъ толпою, онъ только успѣлъ замѣтить какъ цѣлый взводъ полицейскихъ съ поднятыми дубинками бросился на толпу, которая поспѣшно отхлынула остановившись на противоположномъ концѣ улицы. Брань, смѣхъ и крики раздались въ толпѣ, когда всѣ почувствовали себя внѣ опасности. Потомъ вся масса двинулась по направленію къ Трафальгаръ-Скверу, Обанъ тоже направился туда, но такъ какъ онъ не хотѣлъ попасть опять въ какую нибудь свалку, то направился по Сенъ - Мартинъ Лэнъ. Послѣ того что ему только что пришлось видѣть, онъ былъ убѣжденъ что ни одна изъ четырехъ колоннъ манифестантовъ не дойдетъ до Трафальгаръ-Сквера.

Вскорѣ онъ увидѣлъ передъ собою Трафальгаръ-Скверъ съ сѣвера окаймленный суровымъ фасадомъ національной галлереи, а съ запада и востока зданіями клубовъ и отелей;—эта обширная площадь имѣла легкую покатость къ югу, гдѣ расширяясь переходила въ широкія улицы.

Громадная площадь обыкновенно пустынная по воскресеньямъ представляла теперь странный видъ; Обанъ сразу увидѣлъ, что она была во власти полиціи и что полиція не уступитъ. Онъ даже ужаснулся, при мысли, что найдутся

безумцы, которые захотятъ оспаривать эту площадь у тѣхъ людей, которые ее занимали и были страшны и своей дисциплиной и своей привычкой къ оружію—гораздо больше нежели своей численностью. Трафальгаръ-Скверъ походилъ больше на учебный плацъ нежели на скверъ; здѣсь было сосредоточено три-четыре тысячи человѣкъ; кто же могъ ихъ прогнать отсюда? Конечно ужъ не толпа, хотя бы въ ней было пятьдесятъ тысячъ. Обанъ могъ убѣдиться также, что распоряженія полиціи были сдѣланы прекрасно. Взводы агентовъ были расположены всюду, гдѣ доступъ въ скверъ былъ легкимъ.

Обанъ встрѣтилъ одного знакомаго репортера, который разсказалъ ему нѣкоторыя подробности о свалкѣ въ Сенъ Мартинъ Лэнъ, а также сообщилъ нѣкоторыя данныя о полицейскихъ мѣрахъ: скверъ былъ занятъ съ девяти часовъ утра, къ полудню тамъ было сосрсдоточено 1500 констеблей и 300 полисменовъ взятыхъ со всѣхъ частей города. Кромѣ того было нѣсколько сотъ конныхъ полицейскихъ; конная гвардія и гренадеры были готовы выступить по первому сигналу

Южная часть сквера, гдѣ возвышается на своемъ массивномъ пьедесталѣ колонна Нельсона съ четырмя громадными львами по краямъ, была еще сильнѣе охраняема нежели другія стороны, такъ какъ сюда доступъ былъ легокъ со всѣхъ сторонъ. Полицейскіе выстроены были здѣсь въ четыре шеренги, а кромѣ того конные разъѣзды отъ времени до времени оттѣсняли публику. Здѣсь и толпа была особенно густа. Каждую минуту она увеличивалась новыми группами прибывавшими по четыремъ большимъ улицамъ, которыя оканчиваются здѣсь. Знаменъ, музыки и торжествующаго вида не было больше, потому что манифестанты уже не надѣялись на успѣхъ лица у всѣхъ были злыя, видно было что они намѣре-

вались въ мелкихъ схваткахъ утолить жажду мести, сознавая что главное сраженіе проиграно.

Приглядываясь къ толпѣ, Обанъ замѣтилъ, что двѣ пятыхъ были простые любопытные, которые пришли суда смотрѣть на необычайное зрѣлище. Они подчинялись всѣмъ требованіямъ полиціи. Иногда впрочемъ случалось что кто нибудь изъ нихъ терялъ терпѣніе, видя возмутительный образъ дѣйствій полиціи и изъ зрителя становился дѣйствующимъ лицомъ. Одну пятую составляли обычные элементы всякаго сборища: профессіональные карманники, сутенеры, пьяницы, бродяги, словомъ, всѣ темныя личности, которыя являются всюду, не имѣя другого занятія. Личные враги полиціи, съ которой они ведутъ постоянную войну они пользуются всѣми случаями, чтобы выказать ей свои чувства. Они были всюду въ первыхъ рядахъ вооруженные камнями, палками и ножами; ранивъ какого нибудь полицейскаго они изчезали и потомъ появлялись гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Благодаря имъ, свалка становилась все болѣе и болѣе значительной. Людей дѣйствительно заинтересованныхъ въ успѣхѣ манифестаціи, видѣвшихъ въ ней политическое событіе могущее имѣть серьезныя послѣдствія, такихъ людей было двѣ пятыхъ; то были члены либеральныхъ партій, соціалисты и безработные.

Обанъ въ концѣ концовъ съ большимъ трудомъ достигъ южной стороны Трафальгаръ-сквера. Тамъ было необычайное оживленіе и огромная толпа. Около четырехъ часовъ у подножія колонны Нельсона лидеръ соціалистической партіи и членъ парламента—радикалъ, хотѣли силой пробиться на площадь. Произошла коротенькая свалка, послѣ чего ихъ арестовали. Обанъ видѣлъ только угрожающе поднятые кулаки и дубинки.

Онъ хотѣлъ пройти дальше, но это было до-

вольно трудно. Конная полиція постоянно очищала пространство между колонной и памятникомъ Карлу I; толпа раздавалась подъ напоромъ лошадей по направленію къ Уайтхоллю или же отбрасываемая на шеренги агентовъ, которые съ палками въ рукахъ били не щадно тѣхъ, кто имъ подвертывался Обанъ подождалъ пока конные полицейскіе проѣхали, потомъ, дойдя до болѣе защищеннаго мѣста, спокойно прислонился къ фонарю. Только что онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ подошелъ констэбль, чтобы разсѣять образовавшую группу.

— *Move on, sir*, (проходите, господинъ) сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ Обану.

— Куда?—Спокойно возразилъ Обанъ. Нужно ли, чтобъ меня задавили ваши лошади или же оглушили ваши дубинки?

Констэбль не настаивалъ и Обанъ могъ выбрать удобный моментъ чтобы перебратся на тротуаръ около отеля Морлей на восточной сторонѣ площади.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то беретъ его за руку; онъ обернулся и узналъ одного своего знакомаго англичанина, который находился въ страшно возбуженномъ состояніи, воротничекъ у него былъ оторванъ, шляпа измята и въ грязи Онъ сообщилъ Обану, что большая колонна шедшая съ южной части Лондона также была отброщена и разсѣяна полиціей. Они пошли, держа другъ друга за руку, чтобы не быть раздѣленными толпой.

— Мы собрались у Ротерхайта, разсказывалъ отрывистымъ тономъ англичанинъ; тутъ были всѣ общества Ротерхайта, Бермондсейя и т. д. По дорогѣ мы встрѣтили радикальный клубъ Пекхама и общества Кемберуелля и Вальвортса, а потомъ, на Вестминстеръ Бриджъ Родъ, общества Св. Георгія, это была настоящая армія, дорогой мой, съ музыкой и знаменами. Мы въ полномъ

порядкѣ перешли мостъ, не встрѣтивъ никого. Было условленно, что мы на Бриджъ-Стритѣ встрѣтимъ колонны изъ Ламбета и Баттерси, а затѣмъ пойдемъ вмѣстѣ на Уаайтхоллъ и на Трафальгаръ Скверъ. Вы можетте себѣ представить эту грандіозную манифестацію, которая должна была представлять одновременно всѣ кварталы праваго берега отъ Вулича и Гринича до Бетерси и Вендворса.

Мы еще не дошли до Парламентъ-стритъ и конечно еще не успѣли соединиться, когда началась свалка. Ахъ грубые скоты! Они полнымъ карьеромъ наскакали на насъ, разорвали знамена и давили всѣхъ, кто попадался имъ на пути...

— Хорошо, что вы не пошли дальше, вставилъ Обанъ, я слышалъ, что въ Уайтхоллѣ стоятъ на готовѣ конно-гвардейцы!

— Меня удивляетъ, что ихъ еще не видно, потому что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ.

— Мы хорошо зашищались, я вамъ ручаюсь. Я одному полицейскому закатилъ здоровый ударъ моей палкой со свинцовымъ наконечникомъ...

Онъ не успѣлъ окончить, потому что въ эту минуту цѣлый взводъ полицейскихъ появился на тротуарѣ разгоняя публику; черезъ минуту Обанъ потерялъ изъ виду своего спутника. Онъ опять былъ около отеля Морлей, ступени котораго были покрыты любопытными. Обану удалось занять мѣсто на одной изъ самыхъ верхнихъ ступеней откуда ему былъ виденъ весь скверъ. Зрѣлище открывалось поразительное. Съ четырехъ часовъ толпа все прибывала и возбужденіе ея росло. Окна и балконы домовъ выходящихъ на плоіцадь были усѣяны зрителями, которые повидимому интересовались зрѣлищемъ, многіе аплодировали подвигамъ и грубымъ выходкамъ полиціи, а золотая молодежь изъ оконъ и съ балконовъ клу-

бовъ доставляла себѣ удовольствіе безнаказанно плевать на „*mob*" (чернь). Положеніе становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ на южной сторонѣ площади гдѣ изъ широкихъ улицъ приливали все новыя и новыя толпы. Омнибусы однако не прекратили своего движенія; можно было видѣть эти тяжелые кареты двигавшіяся шагомъ. Публика сидѣвшая на имперіалѣ махала руками и кричала ободряла манифестантовъ и цѣлые толпы людей бросались вслѣдъ за омнибусами, чтобы немного продвинуться впередъ. Вдругъ вся толпа всколыхнулась, крики сдѣлались пронзительнѣе, бѣгство болѣе поспѣшнымъ и Обанъ услышалъ крики:

— Конная гвардія!

Дѣйствительно конно-гвардейцы выѣхали на площадь и своими блестящими кирасами и бѣлыми султанами заставили забыть о полиціи. Ихъ было около двухъ сотъ; направившись сначала къ колоннѣ Нельсона они взяли вправо и проѣхали мимо Обана шагомъ. Между офицерами впереди шелъ человѣкъ въ штатскомъ платьи, онъ держалъ въ рукѣ свертокъ бумаги

— *The Riot Act!* (Законъ о бунтѣ) раздались снова возгласы и самые разнообразные эпитеты и восклицанія, послышались по адресу депутата городскою муниципалитета.

— Мы всѣ добрые англичане... мирные граждане. Намъ во все не нужно, чтобы...

— Спрячешь ли ты это, болванъ...

Въ то время, когда конно-гвардейцы проѣзжали мимо, Обанъ услышалъ восторженныя рукоплесканія. Сначала онъ до такой степени былъ этимъ пораженъ что не рѣшался вѣрить своимъ ушамъ; потомъ онъ старался убѣдить себя, что эти рукоплесканія были только ироніей, но въ концѣ концовъ долженъ былъ убѣдиться, что видъ этихъ солдатъ дѣйствительно вызвалъ большое удоволь-

ствіе въ толпѣ. Тѣ же самые люди, которые нѣсколько минутъ тому назадъ ожесточенно ругали бившихъ ихъ полицейскихъ привѣтствовали войска присланныя, чтобы убивать ихъ... Обанъ захохоталъ, потомъ у него мелькнула новая мысль; онъ услышалъ рѣзкій свистъ, къ которому вскорѣ присоединились другіе; эти знаки неудовольствія дѣлались все болѣе и болѣе многочисленными и заглушили наконецъ аплодисменты. Обанъ замѣтилъ, что теперь свистѣли многіе изъ тѣхъ, которые раньше аплодировали и въ концѣ концовъ онъ почувствовалъ отвращеніе къ подобной глупости. Вотъ несчастные! Они только что были жестоко проучены полиціей и тѣмъ не менѣе испускали радостные крики, приходили въ восторгъ при видѣ этой минуты, этихъ блестящихъ солдатиковъ. Можно было подумать, что они даже и не подозрѣвали какую роль могли съ играть эти солдатики.

Обанъ спустился внизъ, желая уйти съ площади, чтобы не присутствовать при этомъ печальномъ зрѣлищѣ, когда появились гренадеры, которые должны были подкрѣпить конную гвардію. Штыки у нихъ были примкнуты. Толпа раздавалась во всѣ стороны, испуская дикіе крики. Ступеньки отеля покрылись еще болѣе густой толпой любопытныхъ. Кажется на этотъ разъ поняли въ чемъ дѣло; поняли, что комедія могла внезапно превратится въ кровавую трагедію, благодаря какому нибудь ничтожнѣйшему случаю. Къ счастію угрозы остались угрозами; войска спокойно обошли нѣсколько разъ вокругъ площади и никакого столкновенія не произошло. Обанъ былъ уже не далеко отъ улицы Сенъ-Мартинъ, когда послышались ужасные крики и онъ увидѣлъ толпу бѣжавшую въ ужасѣ, за нею во всю ширину улицы наступали гренадеры держа „на руку". Паника была невообразимая, тѣмъ болѣе, что уже стано-

вилось темно. Одинако-же число лицъ покинувшихъ площадь было очень не велико.

Обанъ направился къ Странду и оглушительный шумъ соціальной битвы мало по малу смолкалъ за нимъ. Хотя онъ чувствовалъ сильную усталость и очень проголедался, однако вошелъ въ большой ресторанъ только значительно отойдя отъ Трафальгаръ-сквера.

Ослѣпительной бѣлизны скатерти, серебро и цвѣты на столахъ отражались въ роскошныхъ зеркалахъ. Посѣтители по большей части во фракахъ и въ сюртукахъ имѣли важный видъ; они изучали меню съ религіознымъ вниманіемъ. Предупредительные и внимательные кельнеры неслышно скользили по мягкимъ коврамъ и сама посуда позволяла себѣ только слегка звенѣть съ полнѣйшей корректностью. Обои и украшенія желтыхъ цвѣтовъ придавали еще большую *honorability* этому мѣсту.

Обанъ пообѣдалъ скромно, но это не помѣшало ему заплатить въ десять разъ дороже нежели въ другомъ мѣстѣ: да развѣ онъ не долженъ былъ заплатить за право пребыванія въ этомъ мѣстѣ? Глядя на своихъ сосѣдей за столомъ полныхъ корректности, изящества и большей части съ мало выразительными лицами, онъ невольно думалъ о плебеяхъ грубыхъ и первобытныхъ натурахъ вырождающихся отъ голода и лишеній.

Часъ спустя, Обанъ опять шелъ къ Трафальгаръ-Скверу. Проходя мимо больницы Чарингъ-Кроссъ, онъ увидѣлъ тамъ большую толпу; тутъ перевязывались раны полученныя на сосѣднемъ полѣ битвы. Это былд смѣшно и грустно· Одного мужчину вели подъ руки и кровь струилась у него изъ длинной разсѣченной раны на лбу; другой выходилъ изъ амбулаторной съ рукой на перевязи, унося свою волторну сплющенную, какъ блинъ; шелъ полицейскій волоча ногу, на кото-

рую упала лошадь, другого полицейскаго принесли на носилкахъ безъ чувствъ.

Обанъ подошелъ поближе и бросилъ взглядъ въ пріемную: онъ увидѣлъ тамъ непріятелей спокойно сидѣвшихъ рядомъ на скамьяхъ вдоль стѣнъ. Одни были уже перевязаны, другіе терпѣливо ждали своей очереди, потому что доктора были заняты по горло.

— Какая безсмысленная комедія, подумалъ Обанъ; онѣ разбиваютъ другъ другу головы, а потомъ идутъ лечиться къ одному и тому-же доктору. Онъ направился домой, съ трудомъ пробираясь сквозь густую толпу любопытныхъ. Выходя на Страндъ онъ чуть не былъ сбитъ съ ногъ бѣгущей толпой, за которой гналась полиція; онъ остановился на минуту, а потомъ не желая возвращаться домой не посмотрѣвъ въ послѣдній разъ Трафальгаръ-Скверъ, онъ рѣшилъ направиться къ южному концу площади. Онъ прошелъ мимо Чарингъ Кросса и дальше по Вильерсъ-Стритъ по туннелю устроенному подъ вокзаломъ. Пять недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвращался этой дорогой въ одинъ туманный октябрьскій вечеръ, послѣ прогулки по правому берегу Темзы, когда столько мрачныхъ воспоминаній охватили его; въ этотъ вечеръ онъ не имѣлъ досуга, чтобы предаваться размышленіямъ подобнаго рода. Онъ очень торопился. Когда онъ вышелъ на Нортумберландъ-Авеню. улицу дворцовъ, то увидѣлъ взводъ полицейскихъ, которые выходили изъ Скотландъ-Іера—центральнаго полицейскаго управленія и направлялись къ Трафальгаръ-Скверу.

Площадь имѣла теперь странный видъ. Колонна Нельсона возвышалась въ сумракѣ, какъ громадный указательный палецъ съ угрозой поднятый къ небу; направо высилась масса Грандотеля съ рядами ярко освѣщенныхъ оконъ, кото-

рыхъ по прежнему толпились любопытные; въ самомъ скверѣ было мрачно и спокойно; хотя полиція и занимала его еще, однако-же свалка происходила, уже не въ самомъ скверѣ, а въ окрестныхъ улицахъ.

Колеблющійся свѣтъ безчисленныхъ фонарей освѣщалъ темныя массы людей отчаянно дравшихся между собою. Разъѣзды конно-гвардейцевъ разъѣзжали по улицамъ и свѣтлыя кирасы, бѣлые штаны и красные мундиры, рѣзко выдѣлялись на сѣромъ фонѣ сумерекъ.

Полицейскіе козалось озвѣрели еще больше, въ особенности конные. Они во весь карьеръ наскакивали на толпу и со всего размаху били палками по чему попало. Самыя значительныя сборища разсѣивались ими въ одну минуту, а на мостовой оставались только клочья одежды, шляпы, сломанныя дубинки. Обѣ стороны были ужасно утомлены, однако ни та ни другая и не помышляли объ отступленіи.

Обану постоянно приходилось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ, которыя глубоко его возмущали; увидя одного старика съ окровавленной бородой котораго преслѣдовалъ конный городовой, нанося ему удары своей дубипкой,—Обанъ хотѣлъ вступиться, но въ эту минуту былъ увлеченъ въ противоположную сторону толпой спасавшейся отъ атаковавшихъ ее полицейскихъ. Онъ могъ вздохнуть свободно только у Чарингъ-Кросса, когда конные полицейскіе повернули въ другую сторону.

— Со временъ чартистовъ въ Лондонѣ невидано такихъ звѣрствъ, сказалъ пожилой господинъ, стоявшій возлѣ Обана.

— Принцъ Уэльскій напоилъ ихъ джиномъ, чтобы они убивали насъ, замѣтила одна женщина.

Новая толпа образовывалась недалеко отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Обанъ у Грандъ-Отеля; люди

ее составлявшіе повидимому рѣшились оказать отчаянное сопротивленіе и держались плотно другъ къ другу. Пѣшіе полицейскіе бѣгомъ бросились на нихъ и завязалась ужасная свалка; въ воздухѣ засвистѣли камни, послышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ, ругательство и стоны стояли въ воздухѣ. Полицейскимъ приходилось плохо, когда къ нимъ подоспѣли на выручку ихъ конные товарищи и обстановка перемѣнилась; толпа уступила и конные полицейскіе скакали за бѣглецами далеко за Чарингъ-Кроссъ. Еще разъ Обанъ былъ увлеченъ толпою...

Эти свалки и шумъ продолжатся еще нѣсколько часовъ, потомъ все успокоится и борьба кончится, насиліе останется побѣдителемъ и навсегда или по крайней мѣрѣ надолго изчезнетъ свобода слова, которой народъ столько лѣтъ пользовался въ Трафальгаръ Скверѣ...

Прежде чѣмъ уйти Обанъ оглянулся и долго смотрѣлъ на это зрѣлище, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ его памяти. Онъ увидѣлъ бурный океанъ человѣческихъ существъ, видѣлъ какія волны ходили по нему; онъ услышалъ ревъ тысячи страстей и ему это показалось не смѣшнымъ, но внушительнымъ. Обанъ ушелъ.

Онъ нуждался въ покоѣ. Онъ желалъ также иной борьбы, совершенно отличавшійся отъ той, которая происходила теперь на этой площади, борьбы которой успѣхъ несомнѣненъ, потому что она будетъ безпощадна. Сегодняшняя борьба не есть ли только рекогносцировка?

Каррарѣ сѣлъ въ кэбъ, чтобы ѣхать домой а въ это время уже продавцы газетъ выкрикивали вечернія газеты съ подробнымъ разсказомъ о событіяхъ дня.

X.

Анархія.

Прошли недѣли.

Кровавое воскресеніе въ Трафальгаръ-Скверѣ не волновало больше общественнаго мнѣнія и горячіе споры по поводу его прекратились; на слѣдующее воскресенье вѣрные слуги отечества добровольно представили себя въ распоряженіе властей для подкрѣпленія полиціи, которая должна еще была занимать скверъ, но ихъ усердіе не нашло приложенія. Они нѣсколько часовъ простояли тамъ осыпаемыя бранью и насмѣшками толпы, которая и не пыталась даже завоевать вновь потерянного права; пошелъ проливной дождь „патріоты своего отечества“ промокли до костей и такъ и вернулись домой; не имѣвъ случая пустить въ ходъ свои новенькія дубинки.

Торжественное представленіе, „bloody sunday“ (кровавое воскресенье) имѣло шутовскій эпилогъ.

Вопросъ о безработныхъ, хотя и не былъ рѣшенъ, но тѣмъ не менѣе былъ временно устраненъ: бѣдняки были настолько сообразительны, что не выставляли больше своихъ требованій. Чикагскимъ жертвамъ устроены были торжественныя похороны при необычайномъ стеченіи народа. За днями волненій потянулись однообразные дни обыденной жизни. Ноябрь шелъ къ концу и холодъ и туманы усиливались.

Обанъ не видѣлся больше ни съ Труппомъ ни

съ кѣмъ изъ своихъ друзей. Иногда къ нему заходилъ докторъ погрѣться у камина, выкурить трубку и побесѣдовать, Обанъ все больше и больше сходился съ нимъ. Воскресныя собранія не возобновлялись больше, да вѣроятно и не возобновятся. Каррарь не видѣлъ въ нихъ никакой надобности; онъ также не посѣщалъ больше никакихъ клубовъ, послѣ разрыва съ Труппомъ и совершенно отказался отъ своихъ экскурсій въ царство голода, это послѣднее обстоятельство было самой значительной перемѣной въ его существованіи за послѣднее время. У него было болѣе важное дѣло теперь; онъ намѣревался начать работу, которая должна была составить цѣль его жизни; все же то, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ было только подготовительной работой. Онъ началъ съ борьбы личнаго характера увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ.

Редактированіе изданій, гдѣ Каррарь сначала былъ простымъ сотрудникомъ понемногу перешло всецѣло въ его руки и онъ поставилъ дѣло очень хорошо. Хотя онъ сдѣлался необходимымъ человѣкомъ,однако же хозяева предпріятія казалось не замѣчали этого и дали ему очень незначительную прибавку къ жалованью. Онъ долго ждалъ, чтобы эта несправедливость была бы добровольно исправлена, но онъ ждалъ напрасно. Когда онъ убѣдился, что всѣ козыри у него въ рукахъ, то объявилъ о своемъ желаніи уйти. Конечно, оба хозяина предпріятія начали съ нимъ переговоры, они были крайне поражены этимъ, но дѣлать было нечего: писаннаго условія не было, не было даже и словеснаго договора. Обанъ замѣтилъ имъ, что дѣловыя отношенія не имѣютъ ничего общаго съ чувствами. Затѣмъ онъ доказалъ имъ, что они ничего не сдѣлали для дѣла, кромѣ выдачи необходимыхъ капиталовъ и онъ полагалъ, что они могли быть вполнѣ довольны,

получая четыре пятыхъ прибыли. Они настаивали, чтобы онъ остался еще три мѣсяца, тогда Обанъ поставилъ свои условія: во-первыхъ утроить его жалованье... Издатели возразили на это, что они никогда не платили подобной суммы. Обанъ отвѣчалъ, что конечно никогда, и служащій не оказывалъ имъ такихъ услугъ. Затѣмъ Обанъ требовалъ участія въ прибыляхъ отъ дальнѣйшихъ изданій. Это былъ существенный пунктъ его требованій, такъ какъ онъ хотѣлъ такимъ образомъ создать себѣ независимое положеніе на будущее время. На этотъ разъ хозяева пришли въ негодованіе: никогда никто еще не предъявлялъ къ нимъ подобныхъ требованій. Обанъ замѣтилъ тогда, что они имѣли возможность согласиться или же не согласиться на эти требованія; въ концѣ концовъ они согласились. Наконецъ Обанъ потребовалъ единовременнаго вознагражденія, соотвѣтствующаго оказаннымъ имъ услугамъ. Они стали упрекать Обана въ томъ, что онъ ихъ обираетъ. Для него это не имѣло никакого значенія; онъ только поступалъ съ ними также какъ они поступали со своими служащими. Что же въ этомъ было удивительнаго? Они обирали своихъ служащихъ, платя имъ по возможности дешевле; онъ въ свою очередь обиралъ ихъ... Хозяева бѣсились, но ничего не могли сдѣлать,— Карраръ былъ въ данный моментъ незамѣнимъ.

Контрактъ, который они предложили подписать Каррару, онъ показалъ адвокату и только когда тотъ его одобрилъ, то Обанъ согласился его подписать. Никогда еще онъ не сознавалъ, какъ дорога будетъ для него эта матеріальная независимость въ томъ дѣлѣ, которое онъ долженъ былъ начать. Еще три мѣсяца и онъ можетъ ѣхать въ Парижъ... Парижъ... сердце его сильно билось при этой мысли. Конечно, онъ любилъ Лондонъ и удивлялся ему; но онъ любилъ

также и Парижъ и любилъ иначе. Сѣрое лондонское небо, вѣчные туманы и полумракъ становились тяжелы для него; ему хотѣлось свѣта и солнца и солнце взойдетъ для него. Это солнце, лучи котораго такъ благодѣтельны для него — это Парижъ.

Всѣ газеты и брошюры относящіяся къ Чикагскимъ событіямъ были убраны Обаномъ со стола, теперь ихъ замѣнили труды совершенно другого характера. Обанъ теперь видѣлъ ясно вокругъ себя. Онъ былъ одинъ; никто изъ его многочисленныхъ друзей не послѣдовалъ за нимъ; кто не могъ, кто не хотѣлъ; онъ безстрашно шелъ впередъ и оставилъ ихъ всѣхъ далеко позади. Зато у него были новыя связи; онъ зналъ, что въ Америкѣ не большой кружокъ интеллигентныхъ людей дѣятельно работалъ надъ тѣмъ дѣломъ, которое отнынѣ будетъ его единственною заботою. Онъ хотѣлъ сдѣлать въ Старомъ Свѣтѣ то, что они пытались сдѣлать въ Новомъ...

Два обстоятельства въ особенности препятствовали распространенію идей анархизма въ Европѣ; или въ анархистѣ видѣли динамитчика, или же коммуниста. Въ Америкѣ въ этомъ отношеніи начинали устанавливаться болѣе правильные взгляды, предразсудки и предубѣжденія понемногу разсѣивались; въ Европѣ они были еще всесильны и представляли трудно преодолимое препятствіе для новой партіи. Было необходимо разсѣять недоразумѣніе тяготѣвшее надъ идеей изъ за ложнаго толкованія слова. Тѣмъ, которые полагаютъ, что анархія представляетъ собою хаосъ, а анархистъ-разрушитель всего, надо было уяснить, что анархія является конечною цѣлью эволюціи человѣческаго общества, что это слово обозначаетъ тотъ общественный строй, гдѣ свобода личности и личнаго труда является гарантіей благосостоянія личнаго и об-

щественнаго. Тѣмъ, которые справедливо не вѣрятъ въ идеалъ братскаго коммунизма, надо было доказать, что анархизмъ ищетъ свободы личности не въ общности имуществъ и самоотреченіи, а въ уничтоженіи всякаго принужденія и всякихъ искусственныхъ ограниченій.

Когда эта самая тяжелая и неблагодарная работа будетъ окончена, когда будетъ хотя нѣсколькими лицами признано, что анархія не имѣетъ притязаній превращать землю въ рай и что человѣку достаточно стать самимъ собой, узнать свои настоящія потребности, чтобы достичь свободы, не измѣняя своей природы, — когда все это будетъ сдѣлано, то нужно будетъ перейти ко второй части—объявить, что государство является самымъ серьезнымъ препятствіемъ, какое человѣчество можетъ встрѣтить на пути цивилизаціи.

Нужно дать понять, что государство является просто привилегированнымъ насиліемъ, и что оно держится только насиліемъ-же, что оно на мѣсто гармоніи природы ставитъ безпорядокъ принужденія; что его преступленія создали преступленіе, что оно похищаетъ естественныя права, создавая права противорѣчащія природѣ, что оно парализуетъ развитіе силъ, затрудняетъ торговлю, а слѣдовательно подрываетъ благосостояніе цѣлаго народа; что оно является представителемъ посредственности, главнымъ образомъ, и что все это дѣлается имъ, было бы сдѣлано гораздо лучше безъ наго, при участіи только свободной конкурренціи между людьми; что нація тѣмъ болѣе богата и счастлива, чѣмъ она менѣе управляема; что государство далеко не является выраженіемъ воли всѣхъ, а напротивъ оно становится все болѣе и болѣе выраженіемъ воли незначительнаго меньшинства людей имъ управляющихъ; что эти люди заботятся прежде всего о своихъ выгодахъ, затѣмъ о выго-

дахъ своихъ близкихъ и очень мало безпокоятся объ интересахъ общества, представителями котораго они являются; что для того чтобы дать что либо, государство должно взять гдѣнибудь, такъ какъ оно само не производитъ ничего, а даетъ оно всегда меньше, чѣмъ взяло; однимъ словомъ подъ какою бы формой оно ни было, государство есть ни что иное, какъ чистое мошенничество, благодаря которому одни живутъ насчетъ другихъ.

Когда слѣпая вѣра въ этого идола будетъ немного поколеблена, когда довѣріе къ частной иниціативѣ сдѣлается болѣе сильнымъ, то тогда настанетъ моментъ нападенія на законы управляющіе экономической жизнью. Нужно показать людямъ, что когда каждый можетъ свободно стремиться къ своей выгодѣ то интересы не сталкиваются, а напротивъ уравновѣшиваются.

Государство не будетъ больше монополизировать деньги, не будетъ ограничивать кредита не будетъ конфисковать капиталъ, не будетъ препятствовать обращенію цѣнностей, не будетъ совершенно контролировать дѣлъ частныхъ лицъ... будетъ полная свобода труда и солнце анархіи взойдетъ надъ человѣчествомъ. Но не слѣдовало ничего обѣщать. Обѣщаютъ только тѣ, которые не знаютъ чего они хотятъ. Нужно дѣйствовать на умъ, а не на сердце. Для этого нужно обладать инымъ краснорѣчіемъ нежели эти пошлые болтуны, которымъ удается увлекать за собою толпу, заставляя ее дѣлать не то, что она желаетъ, вмѣсто того чтобы заняться каждою отдѣльной личностью и внушить ей увѣренность въ своихъ силахъ. Теоретическое обоснованіе новаго ученія должно быть взято изъ всѣхъ наукъ; исторія должна показать ошибки прошлаго—для того чтобы ихъ можно было избѣжать въ будущемъ; психологія должна показать насколько ду-

шевное состояніе зависитъ отъ тѣлеснаго; философія должна подтвердитт тотъ фактъ, что всякое умозрѣніе исходитъ отъ личности и къ ней же возвращается.

Наконецъ, когда будетъ установлено, что свобода личности составляетъ кульминаціонную точку эволюціи, то надо будетъ указать самый лучшій и самый вѣрный путь для достиженія цѣли. Самый опасный врагъ новаго порядка—это насиліе,—оно и должно быть уничтожено. Какимъ образомъ? Средство было найдено. Не можетъ быть конечно и вопроса о томъ, чтобы вызвать на бой Государство еще вооруженное съ головы до ногъ; подобное безуміе имѣло-бы послѣдствія, которыя легко предвидѣть. Нѣтъ, это чудовище питающееся нашей кровью, нашимъ трудомъ должно было умереть отъ истощенія, его надо было побѣдить голодомъ. Въ настоящее время оно еще имѣетъ силу требовать, брать насильно то, что ему нужно, уничтожая сопротивляющихся, но настанетъ день, когда умные и энергичные люди спокойно отвѣтятъ ему, скрестивъ руки на груди:

— Чего ты отъ насъ хочешь? Мы ничего отъ тебя не требуемъ, мы тебѣ ничего не должны. Пусть тебя кормятъ тѣ, кто въ тебѣ нуждается,— а насъ оставь въ покоѣ.

Въ этотъ день свобода одержитъ свою первую побѣду, побѣду, которая не будетъ стоить ни одной капли крови и слухъ о которой распространится по всей землѣ съ быстротою молніи.

Развѣ эксплуататоры, не боятся больше всего стачекъ совершенно пассивнаго характера? Но однако развѣ рабочіе не достигли, благодаря имъ блестящихъ успѣховъ? Эта грозная сила инерціи была въ теченіи нашего вѣка примѣняема только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и тѣмъ не менѣе, благодаря ей достигнуто многое; надо

начать методически примѣнять ее по отношенію къ государству, отказывая ему главнымъ образомъ въ платежѣ налоговъ и государство неизбѣжно падетъ.

Но что-же дѣлать пока? Пока надо только ждать. Успѣхъ можетъ быть достигнутъ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ точно знать положеніе дѣлъ и будемъ подавать личный примѣръ, результаты коего будутъ современемъ очень значительны.

Такова была задача, которой Обанъ намѣревался посвятить всю свою жизнь. Онъ не преувеличивалъ своихъ силъ, но ихъ было достаточно, чтобы избавить его отъ всѣхъ заблужденій молодости и онъ думалъ, что можетъ быть въ нихъ увѣренъ. Онъ былъ еще одинъ, но скоро однако у него будутъ друзья и соратники; сильное индивидуалистическое теченіе начинало преобладать въ кругахъ коммунистовъ Парижа. Онъ недавно получилъ номера новаго журнала, конечно очень скромнаго, но очень полезнаго для пробужденія сознанія среди рабочихъ классовъ во Франціи. *Autonomie individuelle* совершенно отбросила коммунизмъ и коммунисты, боролись противъ нея такъ-же точно, какъ раньше—соціалисты.

Обанъ только что погрузился въ чтеніе этого журнала, со страницъ котораго на него вѣяло духомъ свободы, когда постучали и почтальонъ передалъ письмо. Письмо было безъ подписи въ немъ назначалось свиданіе на сегодняшній-же день. Обанъ уже собирался бросить его въ корзину, но прочтя вторично, очевидно нашелъ въ немъ нѣчто заставившее его перемѣнить мнѣніе, потому что посмотрѣлъ на часы, а затѣмъ сталъ искать дорогу на большомъ планѣ Лондона висѣвшемъ на стѣнѣ. Выйдя изъ дому Обанъ поѣхалъ по городской желѣзной дорогѣ отъ Кингсъ Кросса на Лондонъ-Бриджъ черезъ Блекфрайерсъ;

ему пришлось пересаживаться, что нѣсколько задержало его, однако онъ все же во время прибылъ по указанному адресу. Дверь отворилась, какъ только онъ постучалъ.

Вмѣсто того чтобы произнести условное слово, которое было ему указано въ письмѣ, онъ вскрикнулъ отъ испуга и удивленія, узнавъ того, кто ему отворилъ. Этотъ человѣкъ былъ прежде однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ и опасныхъ революціонеровъ Европы и въ настоящее время былъ ненавидимъ и презираемъ большинствомъ своихъ же товарищей. Обанъ никакъ не ожидалъ его встрѣтить. Они молча поднялись по лѣстницѣ и вошли въ низенькую комнатку.

При слабомъ свѣтѣ падавшемъ изъ единственнаго окна Обанъ могъ увидѣть что произошло съ этимъ гордымъ борцомъ въ какіе нибудь три-четыре года; онъ согнулся подъ тяжестью судьбы, увѣренная и веселая улыбка стала печальною, въ тридцать пять лѣтъ этотъ человѣкъ выглядѣлъ старикомъ.

Обанъ тихо произнесъ его имя, имя столь извѣстное когда то, но теперь настолько забытое, что онъ казалось боялся его произнести.

— Да, это я, сказалъ тотъ съ горькой улыбкой; вы-бы не узнали меня Обанъ, неправда-ли?

Обанъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и стараясь казаться спокойнымъ спросилъ:

— Откуда вы? Развѣ-же вы не знаете?

— Знаю: меня травятъ всюду, даже въ Англіи, Франція меня выдала-бы, въ Германіи меня бросили-бы въ тюрьму на всю жизнь, если-бы арестовали. Даже здѣсь я не въ безопасности, но мнѣ очень хотѣлось пріѣхать сюда прежде нежели изчезнуть на всегда. Вы конечно знаете, по какимъ причинамъ...

Каррарь дѣйствительно зналъ, что на этомъ человѣкѣ лежало тяжелое обвиненіе въ томъ что

онъ выдалъ товарища. До какой степени это обвиненіе имѣло основанія? Обанъ не могъ дать на это отвѣта. Это обвиненіе было предъявлено соціалистами, а они уже нѣсколяко разъ доказывали что имъ ничего не стоило оклеветать кого либо, лищь бы подгадить коммунистамъ; въ этомъ случаѣ могло быть что либо подобное. Какъ-бы то ни было, но этимъ обвиненіемъ воспользовалась враждебная фракція въ самой же партіи и онъ долженъ былъ защищаться. Потому ли что онъ не могъ, или потому что не хотѣлъ, но онъ не могъ оправдаться совершенно; можетъ быть для того, что бы оправдаться ему пришлось-бы выдать такія тайны, которыя не должны были быть произносимы. Короче говоря, онъ остался на вѣки заклейменнымъ именемъ предателя; это было логическимъ послѣдствіемъ того рабства, въ которомъ находятся всѣ люди принадлежащіе къ партіи; они не свободны въ малѣйшихъ движеніяхъ.

Онъ вдругъ изчезъ послѣ этого; имя его было забыто и даже все что онъ сдѣлалъ, когда былъ знаменитъ и силенъ—все было забыто.

— Ваше путешествіе было безполезно, сказалъ Обанъ.

Да, безполезно,—повторилъ тотъ мрачно. Потомъ онъ прибавилъ, опустивъ голову, какъ будто онъ стыдился этой попытки, какъ малодушія:—Я особенно не желалъ этого. Я былъ въ одиночествѣ два года. Я хотѣлъ вернуться и послѣдній разъ попробовать оправдаться. Но мнѣ не вѣрятъ... никто мнѣ не вѣритъ...

— Вѣрьте сами въ себя, возрозилъ серьезнымъ тономъ Обанъ.

— Сегодня я вспомнилъ о васъ. Мнѣ о васъ много говорили; васъ упрекаютъ въ томъ, что вы не идете тою же дорогой, какъ другіе. Ну, а я вамъ скажу, что вы единственный человѣкъ,

который знаетъ куда идетъ среди всего этого хаоса. Благодарю васъ за то что вы пришли.—Повидимому эти нѣсколько словъ утомили его, бывшаго однимъ изъ самыхъ блестящихъ ораторовъ своего времени, не утомлявшагося прежде даже и послѣ трехъ—четырехчасовой рѣчи. Обанъ-же былъ крайне взволнованъ; онъ съ охотой сказалъ-бы своему собесѣднику, что вѣритъ ему, но искренне не могъ сдѣлать этого, такъ какъ все это дѣло было ему совершенно неизвѣстно. Тотъ повидиму замѣтилъ какія чувства волновали Каррара.

— Надо было бы мнѣ обстоятельно познакомить васъ со всей исторіей, для того что-бы вы могли высказать ваше мнѣніе, но это заняло бы нѣсколько часовъ времени и быть можетъ было-бы безполезной тратой времени. Я могу вамъ сказать одно и вы можете мнѣ вѣрить: я сдѣлалъ ошибку, это вѣрно, но я не виновенъ въ томъ преступленіи, въ которомъ меня обвиняютъ. Съ другой стороны я многимъ могъ-бы воспользоваться для своего оправданія, но я пренебрегъ всѣмъ... Теперь слишкомъ поздно... Да, для этого потребовалось-бы нѣсколько часовъ, повторилъ онъ, вынимая часы,—а у меня нѣтъ и получаса въ распоряженіи. Я уѣзжаю сегодня.

— Куда вы ѣдете?

— Сначала я подымаюсь по Темзѣ на пароходѣ, а затѣмъ (онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ)... затѣмъ дальше—все равно куда...

Онъ взялъ маленькій чемоданчикъ стоявшій возлѣ него и прибавилъ.

— Здѣсь мнѣ больше нечего дѣлать; пойдемте Обанъ проводите меня до мосту, если васъ это не затруднитъ.

Они вышли, не будучи никѣмъ замѣчены и молча направились къ Лондонскому мосту. Когда

они переходили черезъ него, то иностранецъ вдругъ возмутился:

— Я отдалъ на служеніе дѣлу все что у меня было, мою молодость, лучшую половину моей жизни. И теперь когда это дѣло взяло у меня все; вплоть до довѣрія къ самому себѣ, оно меня отталкиваетъ.

— Передъ вами еще другая половина, чтобы вновь пріобрѣсти это довѣріе, единственная вещь, на которую можно положиться.

Но тотъ покачалъ головой.

— Я уже не тотъ, кого вы знали. Посмотрите на меня. Я смѣло смотрѣлъ въ лицо смерти, я перенесъ всевозможныя гоненія, ненависть, голодъ, тюремное заключеніе и не палъ духомъ... но быть прогнаннымъ какъ паршивая собака тѣми, кого я любилъ, какъ самого себя... этотъ ударъ черезчуръ тяжелъ для меня, увѣряю васъ... Ахъ я усталъ... усталъ... усталъ...

Онъ тяжело опустился на скамейку и Обанъ снова глубоко потрясенный тономъ, которымъ несчастный сказалъ эти послѣднія слова сѣлъ рядомъ съ нимъ и чтобы дать ему время отправиться, началъ разсказывать свои непріятности. Онъ особенно подчеркивалъ тотъ фактъ, что онъ не только не потерялъ мужества, но почувствовалъ себя сильнѣе чѣмъ когда либо съ тѣхъ поръ, какъ остался одинъ, что онъ былъ очень доволенъ имѣть возможность дѣлать только то что хочется, не знать никакихъ партійныхъ дрязгъ и не давать никому возможности вмѣшиваться въ свою судьбу.—Другой казалось даже не слушалъ его, онъ сидѣлъ опустивъ глаза и машинально качалъ головой.

Вдругъ онъ быстро вскочилъ, взялъ свой чемоданъ, порывисто обнялъ Обана и пробормотавъ нѣсколько словъ, которыхъ тотъ не понялъ; удалился. Обанъ еще не успѣлъ оправиться отъ

удивленія, а тотъ былъ уже далеко, дѣлая знаки рукой, чтобы Обанъ не слѣдовалъ за нимъ. Обанъ долго слѣдилъ за нимъ взглядомъ... Онъ не скоро могъ забыть истомленное лицо и сѣдые волосы этого изгнанника, одну изъ безчисленныхъ безполезныхъ жертвъ, путника осужденнаго вѣчно быть въ дорогѣ и никогда не имѣть покоя въ обманувшей его жизни, которой онъ не имѣлъ ни силы ни желанія выносить.

Солнце садилось, наступала ночь.

Два широкихъ теченія человѣческихъ существъ встрѣчались на Лондонскомъ мосту среди шума и грохота каретъ, кэбовъ и повозокъ съ товарами, которые непрерывной линіей тянулись по мосту. Внизу Темза катила свои черныя лѣнивыя волны. Обанъ стоялъ опершись на перила и глядѣлъ на востокъ, любуясь грандіозной панорамой развертывавшейся передъ нимъ. Повсюду надъ тянувшимися по обѣ стороны рѣки домами возвышались башни, колокольни, колонны, трубы; около набережыхъ—непроходимый лѣсъ мачтъ, рей и канатовъ точно громадныя деревья опутанныя ліанами. Налѣво—Биллингсгэтъ, знаменитый рыбный рынокъ, дальше высилась мрачная громада Лондонской Башни. Заходящее солнце, блѣдное солнце англійской столицы бросало красный свѣтъ на окна домовъ, потомъ съ заходомъ солнца все приняло однообразный сѣрый цвѣтъ: склады, суда, мосты.

Часы на Аделаидъ-Бильдингъ показывали уже семь, а разгрузка большаго океанскаго парохода, который стоялъ близъ моста еще не была окончена. Носильщики съ тюками или ящиками на спинѣ все еще продолжали бѣгать по трясущимся сходнямъ, страннаго вида подушки, которыя были у нихъ на головѣ для защиты головы и затылка заставляли думать о быкахъ согнувшихся подъ ярмомъ.

Обанъ думалъ объ этомъ громадномъ городѣ насчитывающемъ пять милліоновъ жителей, занимающемъ пространство въ семьсотъ квадратныхъ миль, гдѣ каждыя пять минутъ рождается ребенокъ, а каждыя восемь—кто нибудь умираетъ. Чудовищный, необъятный городъ живущій лихорадочной жизнію, вѣчно покрытый облаками дыма и тумана.

Теперь огни зажигались по всѣмъ направленіямъ, пронизывая туманную мглу тысячами трепещущихъ звѣздъ Лондонскій мостъ еще представлялъ картину самого оживленнаго движенія. И такъ недѣли шли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, годы за годами, а эта кипучая жизнь не останавливалась ни на минуту. Напротивъ сердце Лондона, казалось билось все сильнѣе, руки его работали не утомимѣе, а его мозгъ строилъ все болѣе и болѣе смѣлые планы. Имѣетъ ли конечную цѣль эта всепоглощающая дѣятельность? Не остановится ли она когда нибудь? Будетъ ли Лондонъ безсмертнымъ. Или же онъ сдѣлается добычею какого либо опустошителя? Обану показалось, что онъ видитъ, какъ черныя тучи сгущаются надъ городомъ и изъ нихъ падаетъ молнія, обращая его въ гигантскій костеръ. Нѣтъ, Лондонъ не безсмертенъ; онъ громаденъ, но что онъ значитъ въ сравненіи съ грядущимъ?..

Стемнѣло. Обанъ направился къ сѣверной части города и мысли его снова обратились къ свободѣ. Какой плодъ выйдетъ изъ зародыша свободы со временемъ? Онъ могъ сказать только вотъ что: для того, чтобы новое общество имѣло шансы на жизнь, нужно чтобы его рожденіе не сопровождалось никакими потрясеніями. Общественный вопросъ является въ сущности экономическимъ вопросомъ и рѣшеніе его можетъ быть только такое:

Государство слабѣетъ, личность усиливается.

Она освобождается отъ опеки и набирается достаточно энергіи, чтобы хотѣть и дѣйствовать, она желаетъ пользоваться правомъ принадлежащимъ каждому свободно располагать собою и пользуется этимъ правомъ для уничтоженія всѣхъ привилегій, отъ которыхъ остается только ворохъ старыхъ бумагъ, безъ всякой цѣнности; не обработанныя земли отбираются у тѣхъ кто ими владѣетъ и отдаются тѣмъ, кто ихъ обрабатываетъ, земля въ изобиліи даетъ пищу освобожденнымъ поколѣніямъ. Капиталъ не можетъ больше получать прибыль отъ чужой работы, и долженъ жить на свой собственный счетъ; отецъ будетъ имѣть возможность жить на капиталъ—это вѣроятно,—возможно что и сынъ—тоже, но внукъ уже будетъ вынужденъ отказаться отъ славы предковъ и начать, работать если не хочетъ умереть съ голоду. Изчезновеніе привилегій влечетъ за собою обязанность каждаго отвѣчать за себя. Развѣ эта обязанность будетъ болѣе тяжелой нежели тысячи обязанностей по отношенію къ ближнему предписываемыя государствомъ своимъ гражданамъ, Церковью—вѣрующимъ, нравственностью честнымъ людямъ?

Да, есть только одно рѣшеніе общественнаго вопроса: не оставаться далѣе во взаимной зависимости, проложить себѣ и другимъ дорогу къ независимости, не надѣяться болѣе на помощь „сверху", стать человѣкомъ и дѣйствовать.

Девятнадцатый вѣкъ низложилъ «Отца Небеснаго», онъ не вѣритъ болѣе въ божественную помощь. Дѣти двадцатаго вѣка будутъ уже истинными атеистыми: они будутъ сознавать свое собственное достоинство и вмѣсто того, чтобы, какъ раньше гордиться покорностью, самоотреченіемъ и вѣрностью, они признаютъ, что приказывать значитъ нарушать чужія права, а повиноваться, значитъ отказываться отъ своихъ правъ и что

какъ то, такъ и другое является позоромъ, отъ котораго свободный человѣкъ долженъ беречься.

Люди, искалѣченные слишкомъ долгимъ режимомъ принужденія быть можетъ не скоро будутъ въ состояніи пользоваться всѣми своими способностями; Обанъ не былъ мечтателенъ и устанавливая условія для свободы, онъ зналъ прекрасно, что эти условія не могутъ быть немедленно осуществлены. Возможно, что пройдетъ не одно столѣтіе пока совершенно изуродованные органы общества примутъ свой нормальный видъ необходимый для того чтобы они могли хорошо функціонировать, но что же изъ этого? Чѣмъ медленнѣе будетъ движеніе человѣчества по пути къ свободѣ, тѣмъ оно будетъ неотразимѣе Эта эволюція не обойдется безъ потрясеній и столкновеній; они неизбѣжны пока съ обѣихъ сторонъ существуютъ ненависть, ослѣпленіе и неувѣренность. На землѣ еще произойдутъ ужаснѣйшія столкновенія. Событія должны идти своимъ чередомъ и логика фактовъ не считается съ химерическими пожеланіями.

Соціализмъ былъ величайшимъ безуміемъ; человѣчество должно было пройти черезъ эту стадію, какъ оно проходило черезъ предшествовавшія, только тогда могла быть познана ошибка.

Только когда крылья вѣры будутъ подрѣзаны и она не будетъ въ состояніи подняться въ „царство небесное“, только тогда возникнетъ „царство міра сего“, царство счастія, жизни и свободы.

Свобода имѣетъ могучаго союзника: несогласія царствующія въ лагерѣ ея противниковъ. Всюду—безпокойство, вражда, всюду призывы къ насилію, которое должно излечить всѣ болѣзни. Народы вооружаются непрерывно и наблюдаютъ другъ за другомъ. Власть имущіе не знаютъ больше, что начать, еще немного и они, кажется, подобно Ксерксу прикажутъ бить плетьми море.

Войны становятся неизбѣжными; правительства проливаютъ потоки крови въ надеждѣ утопить въ этой крови народныя возмущенія... Вина была слишкомъ велика, наказаніе было неизбѣжно и ужасно.

Затѣмъ, когда кончится хаосъ битвъ революцій и рѣзни, когда земля будетъ опустошена, когда вѣра во власть совершенно изчезнетъ, благодаря ужасному кровавому опыту, только тогда, можетъ быть будутъ поняты тѣ люди, которые одни владѣли собою въ общей сумятицѣ, и которые вѣрили въ анархію, то есть въ свободу.

Сколько шума, сколько движенія въ этомъ Лондонѣ; пульсъ жизни казалось бился сильнѣе съ наступленіемъ ночи... Обанъ наконецъ вернулся домой. Огонь еще горѣлъ въ каминѣ и Обанъ пододвинувъ къ нему кресло оставался нѣкоторое время въ задумчивости прежде чѣмъ приняться за работу.

Онъ чувствовалъ глубокую радость. Стѣны комнаты, бѣлесоватые туманы Темзы, ночная мгла исчезли, и Обанъ увидѣлъ такую картину:

Разсвѣтъ; солнце величественно подымается надъ молчаливыми еще деревнями..

Вдали идетъ путникъ. Роса блеститъ на травѣ. Въ глубинѣ лѣса щебечутъ проснувшіяся птицы; Орелъ паритъ на небѣ.

Путникъ одинъ, но онъ не сожалѣетъ о своемъ одиночествѣ, чудная картина утра заставляетъ забыть это одиночество. Онъ видитъ, что день наступаетъ. Онъ встрѣчаетъ другого путника, потомъ третьяго, имъ достаточно обмѣняться взглядомъ, чтобы понять другъ друга. Свѣтаетъ все больше и больше, наконецъ день насталъ. Ранній путникъ протягиваетъ руки къ солнцу съ радостнымъ крикомъ.

Таковъ и Обанъ.

Утренній путникъ, это онъ. Онъ вышелъ изъ

мрака заблужденья и радостнымъ крикомъ привѣтствовалъ появленіе свѣта,

Прошли вѣка прежде нежели явилась идея анархіи; сначала надо было пройти всѣ формы рабства. Народы ощупью ищутъ свободу и находятъ то же подчиненіе подъ новыми названіями. Но теперь истина открыта. Однако надо еще бороться, бороться неустанно, никогда не теряя мужества.

Дѣло шло не о пустякахъ, дѣло шло о свободѣ, которую надо было завоевать.

Обанъ былъ раннимъ путникомъ. Подобно ему онъ протягивалъ руки къ будущему, привѣтствуя его радостнымъ крикомъ:

— Анархія...

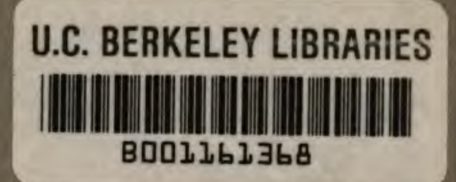
Обанъ сѣлъ за работу; спокойная и ясная улыбка играла на его исхудаломъ лицѣ: улыбка людей сильныхъ, чувствующихъ себя непобѣдимыми.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Джонъ-Генри Маккей (краткая біографія) . I
I. Въ сердцѣ города 5
II. Передъ смертнымъ часомъ 33
III. Безъ работы 59
IV. Карраръ Обанъ 88
V. Борцы свободы 113
VI. Царство голода 152
VII. Чикагская трагедія 192
VIII. Коммунистическая пропаганда . . . 222
IX. Трафальгаръ-скверъ 254
X. Анархія 266


U.C. BERKELEY LIBRARIES
B001161368